
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І. Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

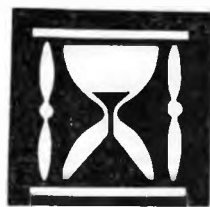
**Гісторыя
Філасофія
Навуковы камунізм
Эканоміка
Права**

3'89

ЛІСТАПАД

МІНСК
УНІВЕРСІТЭЦКАЕ

Ю. Л. КАЗАКОЎ, І. Ф. РАМАНОЎСКИ

МАСАВА-ПАЛІТЫЧНАЯ РАБОТА ПАРТЫЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ НА ПРАМЫСЛОВЫХ ПРАДПРЫЕМСТВАХ БЕЛАРУСІ У 70—80-я ГАДЫ: ВОПЫТ, ПРАБЛЕМЫ

Важная роля ў фарміраванні навуковага светапогляду, камуністычных перакананняў працоўных належыць масава-палітычнай рабоце партыйных арганізацый. Знаходзячыся ў непарыўнай сувязі з другімі напрамкамі ідэалагічнай дзейнасці партыі, яна прызначана забяспечыць высокую свядомасць працоўных, іх ідэйную перакананасць, імкненне вытворчай працай замацаваць эканамічную і абарончую магутнасць Радзімы. У сучасных умовах, як падкрэслівалася на XXVII з'ездзе КПСС, яе значэнне не паменшылася. У значнай ступені гэта абумоўлена развіццём працэсаў дэмакратызацыі і публічнасці, якія патрабуюць ад кожнага працаўніка перакананасці ў справядлівасці нашых ідэалаў, сацыяльнага аптымізму, дасведчанасці ў з'явах грамадскага жыцця, творчага ўдзелу ў перабудове. «Усімі сродкамі палітычнай работы, — падкрэслівалася ў пастанове лютаўскага (1988) Пленума ЦК КПСС, — неабходна дабівацца, каб перабудова стала партыйнай справай кожнага камуніста, патрыятычным абавязкам кожнага грамадзяніна»¹.

Сёння, калі ўдасканалюцца змест і формы масава-палітычнай работы ў працоўных калектывах, партыйным арганізацыям вельмі важна абавірацца на набыты раней вопыт. У 70—80-я гады ў дзейнасці партыйных арганізацый Беларусі з'явілася шмат метадаў і сродкаў ідэйнага ўздзеяння на масы, якія ўзбагацілі практыку партыйнай работы. С другога боку, перыяд застою адлюстравалася на духоўнай сферы, што, безумоўна, выклікала шмат негатыўных з'яў у арганізацыі агітацыі і прапаганды.

У гэтыя гады Кампартыя Беларусі, здзяйсняючы кіраўніцтва масава-палітычнай работы, абавіралася на рашэнні XXIV—XXVI з'ездаў КПСС, пленумаў, пастановы ЦК КПСС «Аб рабоце па падбору і выхаванню ідэалагічных кадраў у партыйнай арганізацыі Беларусі» (1974), «Аб павышэнні ролі вуснай палітычнай агітацыі ў выкананні рашэнняў XXV з'езда КПСС» (1977), «Аб далейшым палітычным ідэалагічным, палітыка-выхаваўчай работы» (1979) і іншых, дзе быў абагулены станоўчы вопыт, адзначаны недахопы, выразна вызначаны мэты і задачы масава-палітычнай работы.

Павышэнне яе эфектыўнасці было цесна звязана з паляпшэннем падбору, растановаўкі і выхавання кадраў палітінфарматараў, агітатараў і дакладчыкаў. Таму партыйныя арганізацыі прамысловых прадпрыемстваў вылучалі на гэтую работу людзей, якія мелі ґрунтоўную марксістка-ленінскую падрыхтоўку, валодалі ідэйнай перакананасцю, маральнай чысцінёй, навыкамі палітычнай работы ў масах. Вялікая работа ў гэтым напрамку праводзілася на прадпрыемствах Віцебскай вобласці, дзе ў 1975 годзе агітацыйнай сярод працоўных займалася 135 інфармацыйна-прапагандзістскіх груп, звыш 13 тысяч палітінфарматараў, каля 20 тысяч агітатараў, звыш 2 тысяч дакладчыкаў².

Многія партыйныя арганізацыі, змяняючы структуру палітыка-выхаваўчай работы і паляпшаючы склад ідэалагічных кадраў, прыцягвалі да гэтай работы кіруючых работнікаў і ІТР. У прыватнасці, на Мінскім заводзе аўтаматычных ліній сярод агітатараў у 1979 годзе значна ўзрасла пра-

слойка кіраўнікоў прамысловых падраздзяленняў. У агіткалектыве былі зацверджаны кіраўнікі масавых мерапрыемстваў, кансультанты, настаўнікі моладзі. Сярод палітінфарматараў 80 % складалі кіруючыя і інжынерна-тэхнічныя работнікі, дзейнасць якіх дазваляла рэгулярна забяспечваць рабочых усіх цэхаў, участкаў і служб усебаковай інфармацыяй³.

Абкомы, гаркомы і райкомы партыі, пярвічныя арганізацыі значную ўвагу ўдзялялі павышэнню ідэйна-тэарэтычнага ўзроўню і метадычнага майстэрства кадраў масава-палітычнай работы, арганізоўвалі для іх розныя формы вучобы. У гэтых мэтах шырока выкарыстоўвалася сістэма партыйнай і камсамольскай асветы, універсітэты марксізму-ленінізму, пастаўлена дзеючыя семінары, школы палітінфарматараў і агітатараў, навукова-тэарэтычныя і практычныя канферэнцыі. Пэўную дапамогу агітатарам і палітінфарматарам у метадычнай рабоце аказвалі даведачна-інфармацыйныя цэнтры, якія ствараліся пры гаркомках і райкомках КПБ, парткомках буйных прамысловых прадпрыемстваў. У цэлым па рэспубліцы іх колькасць з 1970 па 1982 год павялічылася з 1808 да 3878⁴.

Вопыт паказвае, што сістэма падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі кадраў масава-палітычнай работы, якая склалася ў Беларусі, аказвала станоўчае ўздзеянне на рост іх ідэйна-тэарэтычнага ўзроўню, метадычнага майстэрства, садзейнічала пашырэнню культурнага светапогляду. Аднак ва ўмовах перабудовы гэтай сістэмы патрабуе абнаўлення. Неабходны пошук новых форм падрыхтоўкі кадраў з улікам іх спецыялізацыі, якія дазвалялі б агітатарам, палітінфарматарам і дакладчыкам не толькі апэратыўна інфармаваць працоўных аб праблемах унутранай і знешняй палітыкі КПСС, але і ўмела растлумачваць цяжкасці і недахопы.

Важным звяном масава-палітычнай работы ў гэтыя гады з'яўлялася палітычная агітацыя. У адрозненне ад іншых сродкаў ідэйнага ўздзеяння, агітатары вялі мэтанакіраваную работу непасрэдна ў пярвічных ячэйках працоўных калектываў — цэхах, зменах, брыгадах, аказвалі выхаваўчае ўздзеянне на працоўных не толькі словам, але і асабістым прыкладам, творчымі адносінамі да працы, актыўным удзелам у кіраўніцтве вытворчасцю, добрасумленным выкананнем грамадскага абавязку.

Настойліва дабівацца апэратыўнасці і дзейнасці масава-палітычнай работы, яе цеснай сувязі з практыкай, канкрэтнымі задачамі свайго калектыву ставіла сваёй мэтай партыйная арганізацыя Баранавіцкага вытворчага баваўнянага аб'яднання. Партком замацаваў агіткалектыўны вопытнымі камуністамі і кіруючымі работнікамі. Актыўна працавалі над умацаваннем працоўнай дысцыпліны і шэфскай дапамогі адстаючым агітатары, памочнікі майстроў А. М. Багатыроў, Р. С. Жураўлёва, слесар, заслужаны радзьяналізатар БССР В. Т. Залатароў, прадзільшчыца В. І. Філановіч і іншыя. Дзякуючы іх энергічнай растлумачальнай працы і падтрымцы рабочыя сталі з большай адказнасцю адносіцца да сваіх абавязкаў, значна скарацілася колькасць прагулаў, спазненняў і цякучасць кадраў.

Зладжаная сістэма агітацыйна-масавай работы зацвердзілася ў партыйнай арганізацыі гомельскага завода «Электраапаратура». Тут стала традыцыяй рэгулярна праводзіць інфармацыйныя нарады. Агітатары і палітінфарматары паведамлялі адміністрацыі і парткому аб тым, што цікавіць людзей, якая работа праводзілася ў калектывах. Партком змяніў структуру агіткалектываў і палітычнага інфармавання такім чынам, каб ахапіць масава-палітычнай работай усе цэхі і аддзелы⁵.

Вопыт паказвае, што лепшых вынікаў у масава-палітычнай рабоце дабіваліся тыя парткомы і пярвічныя арганізацыі, якія выкарыстоўвалі розныя метады і сродкі ідэйнага ўплыву на працоўных, добра ведалі інтарэсы і магчымасці членаў працоўных калектываў, творча выкарыстоўвалі ўсё каштоўнае, што параджалася практыкай.

Разам з тым перабудова высветліла ў гэтай рабоце нямала застойных з'яў і праблем, такіх, як фармалізм, адарванасць ад жыцця, начотніцтва. У абстаноўцы 70 — пачатку 80-х гадоў магчымасць актывізацыі чалавечага фактару ў значнай ступені выключалася, перш за ўсё па прычыне адарванасці гэтай работы ад жыцця і самога чалавека. Фактычна працаўнік быў адчужаны ад сацыялістычнай уласнасці, выключаны з важнейшых эканамічных і вытворчых працэсаў. Парушалася важнейшае ленінскае патрабаванне да прапаганды і агітацыі — праўдзівасць. Паказуха рэзка кантрастна равала з жыццёвымі рэальнасцямі і павялічвала разрыў паміж словам і справай.

Перабудова ў сферы агітацыйна-масавай работы не адхіляе набытага вопыту, а патрабуе рабіць апору на яго далейшае развіццё. Разам з тым

яна патрабуе рашуча адмовіцца ад усяго ўстарэлага і страціўшага сілу ўздзеяння, разабрацца ва ўсім арсенале наяўных сіл і сродкаў выхавання, каб высветліць, чаму многія намаганні не заўсёды прыводзілі да жадаемых вынікаў.

Сёння галоўнай праблемай, з якой непарыўна звязана далейшае павышэнне эфектыўнасці масава-палітычнай работы, становіцца паляпшэнне яе арганізацыі. Ва ўмовах пашырэння дэмакратыі і галаснасці ўзрастае неабходнасць у формах жывых зносін. Ленінская думка аб непасрэдных зносінах кіраўнікоў з масамі знайшла шырокае ўвасабленне ў практыцы адзіных палітдзён, значэнне якіх заключаецца ў тым, што сістэматычныя сустрэчы кіраўнікоў з працоўнымі павялічваюць іх інфармаванасць, пашыраюць галаснасць у рабоце партыйных, дзяржаўных і гаспадарчых органаў, развіваюць палітычную і працоўную актыўнасць людзей, садзейнічаюць паляпшэнню маральна-псіхалагічнага клімату ў калектывах. Гэта важны канал сувязі партыі з працоўнымі, незаменны сродак вывучэння інтарэсаў і патрабаванняў насельніцтва, фарміравання грамадскай думкі.

Менавіта з такімі крытэрыямі падыходзяць да палітдзён, удасканалююць іх арганізацыю многія партыйныя камітэты рэспублікі. Яны праводзяцца штомесячна. Прыкладна 15—16 тыс. кіруючых работнікаў, выступаючых у працоўных калектывах і па месцу жыхарства, вядуць зацікаўлены і адкрыты дыялог з аўдыторыяй да 2 млн. чалавек. Прамоўцы імкнуцца выступаць не толькі ў масавых аўдыторыях, але ідуць у цэх, брыгаду, дзе размова, як правіла, атрымліваецца больш даверлівай і адкрытай, лягчэй устанаўліваюцца кантакты.

ЦК КПБ удасканальвае формы непасрэдных зносін кіраўнікоў з масамі, як у рамках адзіных палітдзён, так і па-за іх. Папулярнымі сталі справаздачы кіруючых работнікаў і адказных асоб міністэрстваў, ведамстваў у працоўных калектывах і перад насельніцтвам. У час такіх сустрэч абмяркоўваюцца пытанні выканання сацыяльна-эканамічнай праграмы пяцігодкі, уздыму ўзроўню бытавога, гандлёвага, культурнага і медыцынскага абслугоўвання, ліквідавання перашкод на шляху паскарэння і перабудовы. Тут людзі выказваюць свае прапановы, заўвагі, прэтэнзіі да мясцовых і рэспубліканскіх службаў. Пры дапамозе такіх сустрэч вырашаецца 60—80 тыс. прапаноў і крытычных заўваг працоўных⁶.

Партыйныя камітэты, пярвічныя арганізацыі прамысловых прадпрыемстваў рэспублікі ўдасканальваюць сістэму палітычнай інфармацыі. Важнай мерай з'явілася ўтварэнне Інстытута палітінфарматараў са спецыялізацыяй па канкрэтным напрамку: унутрыпалітычнага, эканамічнага, міжнароднага жыцця, камуністычнага выхавання і культуры.

Вопыт паказвае, што сама па сабе спецыялізацыя не вырашае праблемы павышэння ідэйнага ўзроўню, зместу і дзейнасці палітычнай інфармацыі. Сёння палітінфарматар наўрад ці змог бы канкурыраваць са сродкамі масавай інфармацыі, у рабоце якіх адбыліся значныя якасныя перамены—павялічыліся апэратыўнасць, зладзённасць і актуальнасць тэматыкі, цікавымі і разнастайнымі сталі формы падачы матэрыялу. Таму заслугоўваюць ўвагі творчыя намаганні рада партыйных арганізацый Мінскай і Брэсцкай абласцей. Замест спецыялізацыі палітінфарматараў яны аддаюць перавагу замацаванню актывістаў за пэўнай аўдыторыяй. Каб не паўтараць звесткі сродкаў масавай інфармацыі, палітінфарматар галоўную ўвагу надае мясцовым праблемам: асабліва сям і перспектывам сацыяльна-эканамічнага развіцця прадпрыемства, задачам калектыву, рашэнням партыйных, саветскіх і гаспадарчых органаў, грамадскіх арганізацый горада, раёна і свайго калектыву, шляхоў іх рэалізацыі і ролі кожнага ў гэтым. Дзейнасць палітінфарматараў прыбліжае змест выхаваўчага працэсу да інтарэсаў людзей і адказвае патрабаванням часу.

Сёння прыкметнай асаблівасцю масава-палітычнай работы з'яўляецца больш цесная сувязь з кіруючай, арганізатарскай і гаспадарчай дзейнасцю. Ва ўмовах перабудовы гаспадарчага механізма, арганізацыі працы цэнтр выхаваўчай работы ўсё больш перамяшчаецца ў брыгады, змены і на ўчасткі. Так, партыйныя камітэты г. Маладзечна ўнеслі карэктывы ў практыку планавання і арганізацыі масава-палітычнай работы, выразна размеркавалі функцыі і задачы грамадскіх фарміраванняў, якія маюць дачыненне да выхавання. Частка непрацуючых і дубліруючых звенняў была ліквідавана. У працоўных калектывах былі распрацаваны адзіныя планы арганізацыйных і масава-палітычных мерапрыемстваў, падобраны палітінфарматары-актывісты, якія пад кіраўніцтвам партыйнага камітэта або бюро вядуць індывідуальную выхаваўчую работу з людзьмі свайго падраздзялення,

інфармуюць адміністрацыю аб стане маральна-псіхалагічнага клімату ў калектыве, прапановах, просьбах і патрэбах людзей.

У мэтах аператыўнага інфармавання працоўных на прадпрыемствах горада актыўна выкарыстоўваліся розныя каналы: дні адкрытага пісьма, даведачныя службы, інфармацыйныя стэнды: «Разгледжана адміністрацыяй, партыйнай, прафсаюзнай, камсамольскай арганізацыямі», «Вы пытаеце — мы адказваем». Быў арганізаваны збор пытанняў, заўваг і прапаноў, якія вывучаліся і абагульняліся, аб прынятых мерах абавязкова дакладвалася. Такі падыход садзейнічаў пашырэнню галоснасці, умацаванню сувязі ідэйна-палітычнай работы з жыццём.

Партыйныя камітэты і арганізацыі прамысловых прадпрыемстваў Мінска, Баранавіч, Наваполацка, Пінска і іншых гарадоў актыўна вядуць пошук новых форм масава-палітычнай работы, якія павялічваюць эфектыўнасць яе выхаваўчага ўздзеяння.

Абавязковай умовай далейшага ўдасканалвання масава-палітычнай работы з'яўляецца ўмацаванне дыферэнцыяльнага падыходу, пільны ўлік грамадскай думкі, інтарэсаў працоўнага калектыву, кожнага канкрэтнага чалавека. Жыццё рашуча патрабуе шукаць новыя формы, шляхі і сродкі вырашэння выхаваўчых задач.

¹ Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 47.

² ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 47, спр. 640, арк. 71.

³ Гл.: Коммунист Белоруссии. 1980. № 6. С. 60.

⁴ Гл.: Лебедев А. Д. Политическая работа в массах. Минск, 1983. С. 55.

⁵ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 117, спр. 39, арк. 41.

⁶ Гл.: Политический собеседник. 1987. С. 3.

А. Р. ШЛОПАК

ПАРТЫЙНАЕ КІРАўНІЦТВА РАЗВІЦЦЕМ ТВОРЧАЙ АКТЫўНАСЦІ РАБОЧЫХ ПРАМЫСЛОВАСЦІ БЕЛАРУСІ (1971 — 1980)

Асновай стратэгічнага курсу перабудовы ўсіх сфер жыцця савецкага грамадства Праграма КПСС вызначае навукова-тэхнічны прагрэс, актывізацыю чалавечага фактару, творчай дзейнасці мас ¹. Паскарэнне навукова-тэхнічнага прагрэсу немагчыма без няспыннага пераўзбраення прадпрыемстваў на аснове дасягненняў навукі і тэхнікі. Вырашэнне гэтых задач з'яўляецца справай актыўнай творчасці шырокіх рабочых мас, інжынераў, канструктараў, вучоных. У гэтай сувязі важнае практычнае значэнне мае вывучэнне мінулага вопыту дзейнасці партыйных арганізацый па развіццю актыўнасці рабочых у тэхнічным удасканаленні вытворчасці.

Улічваючы неабходнасць пераходу да інтэнсіўных метадаў развіцця эканомікі, XXIV з'езд КПСС у 1971 годзе вылучыў задачу арганічнага спалучэння дасягненняў навукова-тэхнічнай рэвалюцыі з перавагамі сацыялістычнай сістэмы гаспадаркі. Трэба было паскорыць комплексную механізацыю працаёмкіх работ у прамысловасці, асабліва дапаможных і падсобных, укараненне аўтаматызаваных вытворчасцей. Ажыццяўляць намераныя задачы партыйным арганізацыям давялося ў складаных умовах нарастання застойных з'яў у эканоміцы і іншых сферах савецкага грамадства. Рэалізацыі важнейшых пераваг сацыялістычнага ладу — планавага развіцця эканомікі, разгортвання творчай ініцыятывы, спаборніцтва працоўных мас — перашкаджалі адміністрацыйна-камандная сістэма кіравання, узмацненне ўраўнілаўкі, бюракратычных скажэнняў.

Аднак і ў тых умовах партыйныя арганізацыі Беларусі, апіраючыся на рашэнні партыі і ўрада, нямала зрабілі для павышэння ролі працоўных калектываў у тэхнічным пераўзбраенні вытворчасці. XXVII з'езд КПБ (люты 1971 года) вызначыў на дзевятую пяцігодку апераджальныя тэмпы росту электраэнергетыкі, хіміі і нафтахіміі, машынабудавання, прыборабудавання, электроннай, радыётэхнічнай галін. Трэба было ажыццявіць механізацыю важнейшых вытворчых працэсаў, а ўзровень механізацыі дапаможнай вытворчасці дасягнуць да 65—70 % ². Шляхі вырашэння гэтых задач партыйныя камітэты абмеркавалі на пленумах, бюро, сходах партыйна-гаспадарчага актыву, у пярвочных арганізацыях. Каб рухаць навукова-тэхнічны прагрэс, важна было аб'яднаць намаганні вытворчых калектываў,

навукова-даследчых і канструктарскіх устаноў. Пераадоленню іх тэрытарыяльнай і ведамаснай раз'яднанасці дапамагалі створаныя на грамадскіх пачатках пры партыйных камітэтах буйных прамысловых цэнтраў — Мінска, Віцебска, Гомеля, Магілёва, Оршы — тэхніка-эканамічныя саветы, саветы садзейнічання навукова-тэхнічнаму прагрэсу і іншыя аб'яднанні спецыялістаў, вучоных, наватараў вытворчасці. З іх дапамогай выпрацоўваліся абгрунтаваныя рашэнні і рэкамендацыі па пытаннях НТП, павышэнню эфектыўнасці вытворчасці, распаўсюджанню перадавога вопыту.

Праблемы тэхнічнага ўдасканалення вытворчасці, умацавання яе сувязей з навукай, павышэння ў гэтай справе творчай актыўнасці рабочых мас пастаянна знаходзіліся ў полі зроку Мінскай гарадской партыйнай арганізацыі. На прадпрыемствах пачалі распрацоўвацца п'яцігадовыя планы тэхнічнай рэканструкцыі. Гарадскі і раённыя саветы садзейнічання НТП, у якія, акрамя партыйных работнікаў, уваходзілі каля 100 доктараў і кандыдатаў навук, інжынеры і тэхнікі, эканамісты, наватары вытворчасці, распрацоўвалі рэкамендацыі па эфектыўнаму выкарыстанню навуковага патэнцыялу ВНУ і НДІ, умацаванню іх сувязей з прадпрыемствамі, скарачэнню тэрмінаў укаранення навуковых распрацовак у вытворчасць, аказвалі дапамогу ў распрацоўцы планаў тэхнічнага і сацыяльнага развіцця прадпрыемстваў. Творчы пошук на прадпрыемствах ператварыўся ў рух «У саюзе навукі з вытворчасцю кожнай распрацоўцы — высокую эфектыўнасць». Гэтаму садзейнічалі «дні навукі на вытворчасці», заняткі ў гарадской і раённых школах перадавога вопыту.

Прыклад пастаяннага клопату аб тэхнічнай мадэрнізацыі паказвалі камуністы падшыпнікавага завода. Тут абсталяванне абнаўлялася кожныя п'яць гадоў. Разгортванне творчай актыўнасці рабочых і ІТР, укараненне новай тэхнікі, вырашэнне сацыяльных праблем партыйная арганізацыя вызначыла асноўнымі напрамкамі сваёй дзейнасці. Гэтыя пытанні рэгулярна абмяркоўваліся на партканферэнцыях, пасяджэннях парткома, сходах актыву, у цэхавых арганізацыях, партгрупах. Ход рэалізацыі перспектывных і бягучых планаў тэхнічнага прагрэсу партыйны камітэт (сакратары М. П. Марозаў, В. К. Тапцоў) трымаў у полі зроку з дапамогай камісій па кантролю за ўкараненнем новай тэхнікі. У іх рабочыя-наватары, электрык І. В. Бахановіч, шліфоўшчык І. Б. Будойскі, фрэзероўшчык Н. Ф. Радзько, слесары-рамонтнікі І. І. Караткевіч, І. М. Маліноўскі і іншыя супрацоўнічалі са спецыялістамі. На развіццё творчай ініцыятывы работнікаў былі сарыентаваны штогадовыя навукова-тэхнічныя канферэнцыі, а таксама ствараемыя для ўкаранення новага абсталявання ў цэхах творчыя групы рабочых і спецыялістаў. Уздыму працоўнай і палітычнай актыўнасці калектыву садзейнічала распрацаваная парткомам агульная структура арганізацыі ідэйна-выхаваўчай работы. Удасканалваючы метады кіравання НТП, партком і дырэкцыя ўкаранілі комплексную праграму кіравання якасцю і эфектыўнасцю вытворчасці. У выніку ажыццяўлення ў 70-я гады другой і трэцяй рэканструкцыі прадпрыемства ўзровень механізацыі і аўтаматызацыі ў асноўнай вытворчасці дасягнуў 94 %, а ў дапаможнай — 73 %. Калектыв паспяхова справіўся з заданнем дзевятай і дзесятай п'яцігодак³.

Тэхнічнае перааснашчэнне вытворчасці інтэнсіўна праводзілася таксама на мінскіх аб'яднаннях імя У. І. Леніна, «Інтэграл», заводах ЭВМ, аўтамобільным, трактарным і іншых прадпрыемствах. У Мінскай гарадской партарганізацыі ўкараняўся, такім чынам, прынцып комплекснага падыходу да кіраўніцтва НТП — аптымальнае спалучэнне паўсядзённай дзейнасці з перспектывным планаваннем павышэння тэхнічнага ўзроўню вытворчасці, пастаянны клопат аб развіцці актыўнасці рабочых мас і спецыялістаў. У выніку ў дзесятай п'яцігодцы прадукцыйнасць працы ў прамысловасці горада вырасла на 38 %, а на радзе прадпрыемстваў — у два-тры разы⁴.

Добры вопыт набываўся таксама ў партарганізацыях Бабруйска, Віцебска, Оршы, Полацка, магілёўскіх заводаў «Электрарухавік», і аўтамобільнага, Лідскага завода электравырабаў. Для распрацоўкі планаў тэхнічнай рэканструкцыі з мінімальнымі капукладаннямі па вопыту Свядлоўскай абласной партарганізацыі, адобранаму ў ЦК КПСС, на прадпрыемствах Гомеля па прапанове гаркома партыі (сакратар І. Грабянчук) стварылі ініцыятыўныя групы. У Віцебскай вобласці дзейснай формай партыйнага ўплыву з'явіліся ствараемыя па ініцыятыве партыйных камітэтаў штабы рэканструкцыі прадпрыемстваў. Яны аператыўна вырашалі арганізацыйныя пытанні, трымалі пад кантролем выкананне работ.

Даследаванне паказвае, што партыйныя арганізацыі Беларусі выступа-

лі ініцыятарамі распрацоўкі перспектывных планаў навукова-тэхнічнага прагрэсу і сацыяльнага развіцця калектываў, прымянялі розныя формы і метады ўцягнення камуністаў, усіх рабочых і спецыялістаў ў абыццёва-тэхнічнай рэканструкцыі прадпрыемстваў, расшыраючы гэтым сацыяльна-тэхнічную базу НТП. У авангардзе навукова-тэхнічнага прагрэсу ішлі камуністы, інжынерна-тэхнічныя сілы, вучоныя, найбольш кваліфікаваныя рабочыя-наватары. Аб'яднанні ў камісіі, саветы, ініцыятыўныя групы і іншыя грамадскія фарміраванні пры партыйных камітэтах, яны былі апорай партыйнага кіравання развіццём навукова-тэхнічнага прагрэсу, абыццёва-тэхнічнай рэканструкцыі. У разглядаемы перыяд на прадпрыемствах было ўстаноўлена 4467 механізаваных паточных і аўтаматычных ліній, комплексна механізавана і аўтаматызавана 2439 цэхаў і вытворчасцей і 74 прадпрыемствы, створана 111 АСУ⁵. Павысіўся тэхнічны ўзровень вытворчасці, палепшыліся ўмовы працы. Творчая актыўнасць рабочага класа стала важным фактарам тэхнічнага прагрэсу, развіцця прамысловасці, пацвярджала ленінскую думку аб тым, што «жывая творчасць мас — ...асноўны фактар новай грамадскасці»⁶.

І ўсё ж патэнцыял творчай актыўнасці рабочага класа ў абыццёва-тэхнічнай рэканструкцыі прадпрыемстваў, мадэрнізацыі вытворчасці ў поўнай меры не выкарыстоўваўся. Затратны гаспадарчы механізм з адміністрацыйна-каманднымі метадамі кіравання ўсё больш станавіўся неўспрымальным да дасягненняў навукова-тэхнічнага прагрэсу. У выніку некомплекснай рэканструкцыі прадпрыемстваў нарасталі супярэчлівасці паміж укараненнем новай тэхнікі і няпоўным яе выкарыстаннем. Да прыкладу, у чэрвені 1979 года 5,2 % механізаваных паточных і больш 9 % аўтаматычных ліній давалі менш палавіны праектнай прадукцыйнасці⁷. Часам аўтаматычныя лініі не працавалі на поўную магутнасць з-за недахопу высокакваліфікаваных рабочых і спецыялістаў. У выніку навейшая тэхніка ўкаранялася, а прадукцыйнасць працы расла марудна, вельмі высокай заставалася ўдзельная вага ручной працы, фондааддача падала. Пераадолець супярэчэнне магчыма толькі пры ўмове комплекснай аўтаматызацыі і механізацыі вытворчасці і апырэджаваючай падрыхтоўкі рабочых і спецыялістаў.

Рэканструкцыя прадпрыемстваў не заўсёды вызвала рабочых ад цяжкай ручной працы, што зніжала актыўнасць людзей. Міністэрствы, ведамствы, гаспадарнікі, партыйныя і прафсаюзныя арганізацыі недаацэньвалі сацыяльна-эканамічную значнасць вызвалення рабочых за кошт укаранення новай тэхнікі. Нярэдка адсталыя рашэнні закладваліся ў праекты будаўніцтва новых і рэканструкцыі старых заводаў і фабрык. Напрыклад, пасля завяршэння ў 1978 годзе рэканструкцыі Мінскага тонкасуконнага камбіната і гомельскага абутковага аб'яднання «Праца» узровень механізацыі працы не ўзрос, а знізіўся. Як адзначалася на XIX пленуме ЦК КПБ (верасень 1979 года), не атрымалі шырокага распаўсюджвання станочныя вопыт, эфектыўныя формы інтэграцыі навукі і вытворчасці. Многія партарганізацыі не вялі прынцыповай барацьбы з кансерватызмам і ведамаснасцю гаспадарнікаў. У выніку не выконваліся нават сціплыя планы ўкаранення новай тэхнікі. Так, у 1978 годзе на 131 прадпрыемстве не вяліся навукова-даследчыя работы і не ўкаранялася новая тэхніка. У Баранавічах у дзесятай пяцігодцы з запланаваных дзесяці прадпрыемстваў няпоўную рэканструкцыю правялі толькі пяць, хоць трэць працуючых была занята цяжкай ручной працай⁸.

У сферы НТП усё больш сталі праяўляцца супярэчэнні інтарэсаў розных груп работнікаў, калектываў, ведамстваў, арганізацый, іх бюракратычнага апарату. Часовыя, нярэдка своекарыслівыя і эгаістычныя патрэбнасці асобных работнікаў, груп людзей сутыкаліся з інтарэсамі калектываў, усяго грамадства. Так, калектыв Мінскага камбіната верхняга трыкатажу распрацаваў план рэканструкцыі вытворчасці ўласнымі сіламі пры мінімальным затратах і тэрмінах акупнасці. Аднак Міністэрствам БССР (міністр Л. Н. Нагібовіч) не выдзеліў сродкаў на рэканструкцыю, больш таго, забраў у прадпрыемства яго ўласны фонд развіцця вытворчасці⁹. Тэхнічнае пераўзбраенне, укараненне прагрэсіўных форм арганізацыі вытворчасці аказаліся непрыёмнымі для ведамства, бо патрабавалі дадатковых намагаў апарату, каб змяніць планы фінансавання, забеспячэння, падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі кадраў. Акрамя таго, рэканструкцыя была звязана з пэўнай творчай рызыкай, што асабліва палохала бюракратаў.

Сур'ёзным тормазам на шляху тэхнічнага прагрэсу, творчай актыўнасці рабочых мас было манапольнае становішча асобных вытворцаў, канструк-

тарскіх і навуковых арганізацый. Такія калектывы гублялі цікавасць да перспектывага, сусветнага ўзроўню тэхнікі, вызначэння прыярытэтных напрамкаў НТП. Іх прадукцыя і без таго знаходзіла збыт. У такім становішчы аказалася аб'яднанне «Гомсельмаш», якое больш дзесяці гадоў выпускала цяжкія, складаныя ў эксплуатацыі і ненадзейныя кормаўборачныя камбайны КСК-100, на што не рэагавалі сур'ёзна Гомельскі абком і гарком партыі.

Прычыны, як бачым, былі і ў недахопах партыйнага кіраўніцтва: нарастаў фармалізм і бюракратызм, адсутнічалі публічнасць, дзейная крытыка і самакрытыка, не хапала творчай ініцыятывы ў многіх пярвічных арганізацыях і партыйных камітэтах. Ініцыятыва і дзелавітасць нярэдка падмяняліся адміністрацыйным умяшаннем, агульнымі заклікамі, абяцаннямі, а творчы пошук — спробамі ў новых умовах прымяняць устарэлыя формы і метады. Аналіз дакументаў паказвае, што ў гады дзесятай пяцігодкі на партыйных канферэнцыях, пленумах, пасяджэннях парткомаў становішча з развіццём НТП усё больш уяўлялася ў «ружовых» колерах, са спасылкай на станоўчыя прыклады. Аб недахопах у большасці выпадкаў гаварылася мімаходзь. Сапраўднае становішча глыбока не аналізавалася, упушчэнні звычайна спрабавалі растлумачыць аслабленнем увагі партарганізацый да гэтых праблем.

Так, складаўся механізм тармажэння навукова-тэхнічнага прагрэсу, які не дазваляў партыйным арганізацыям Беларусі ў поўнай меры рэалізаваць творчы патэнцыял рабочага класа ў тэхнічным удасканаленні прамысловай вытворчасці.

¹ Гл.: Программа КПСС: Новая редакция. М., 1986. С. 24, 26.

² Гл.: Материалы XXVII съезда КПБ. Минск, 1971. С. 91, 93—95, 116, 118.

³ Гл.: Сов. Белоруссия. 1977. 17 мая; За технический прогресс. 1978. 14 нояб.; там жа. 1980. 15 февр.

⁴ Гл.: Материалы XXIX съезда КПБ. Минск, 1981. С. 15.

⁵ Гл.: Народное хозяйство Белорусской ССР в 1986 г.: Статсборник. Минск, 1987. С. 46—49.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

⁷ Гл.: Сов. Белоруссия. 1979. 21 нояб.

⁸ Звезда 1979. 13 і 16 верасня; ПА Брэстскага АК КПБ. Ф. 1690, воп. 36, спр. 5, арк. 61—69; воп. 40, спр. 1, арк. 13—14.

⁹ ПА Брэстскага АК КПБ. Ф. 1, воп. 50, спр. 18, арк. 60, 61.

С. А. МАТОРАЎ

ДЗЕЙНАСЦЬ ПАРТЫЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ БЕЛАРУСІ ПА ЭКАНАМІЧНАЙ АДУКАЦЫІ РАБОЧЫХ ПРАМЫСЛОВЫХ ПРАДПРЫЕМСТВАЎ (1976—1985)

Адным з важнейшых сродкаў выхавання ў кожнага працаўніка пачуцця гаспадара вытворчасці, фарміравання эканамічнага мыслення і сацыялістычнай прадпрымальнасці, павышэння дзелавітасці і арганізаванасці з'яўляецца сістэма эканамічнай адукацыі. На XXVII з'ездзе КПСС падкрэслівалася, што эканамічная адукацыя разам з палітычнай вучобай закліканы «узбройваць... працоўных умением палітычна стала мысліць і дзейнічаць, садзейнічаць распаўсюджанню і зацвярджэнню перадавых формаў арганізацыі працы і вытворчасці»¹

У X пяцігодцы параўнаўча невялікая колькасць рабочых вывучала эканамічныя праблемы ў сістэме партыйнай і камсамольскай палітычнай вучобы, школах камуністычнай працы, пачатковых эканамічных школах. Так, на Мінскім заводзе халадзільнікаў яна складала ў 1977—годзе 21,8 %; 1978—20,3; 1979—20,4 % колькасці рабочых. Дванаццаць эканамічных школ Мінскага завода «Ударнік» у 1979 годзе наведвалі 183 рабочыя, што складала 13 % рабочага калектыву прадпрыемства². У сярэдніх і асабліва невялікіх вытворчых калектывах гэты паказчык быў яшчэ горшым, заняткі часта праходзілі на нізкім ідэйна-тэарэтычным і арганізацыйным узроўні.

Многія партыйныя арганізацыі прамысловых прадпрыемстваў разглядалі эканамічную адукацыю рабочых кадраў як штосьці другаснае ў сістэме ідэйна-выхаваўчай работы. На пасяджэнні партыйных бюро і камітэтаў, на партыйных сходы рэдка выносілі пытанні, звязаныя з эканамічнай вучобай.

Становішча пачало мяняцца пасля апублікавання пастановы ЦК КПСС «Аб рабоце партыйных арганізацый Башкірыі па ўзмацненню ролі эканамічнай адукацыі працоўных у павышэнні эфектыўнасці вытворчасці і якасці работы ў святле рашэнняў XXV з'езда КПСС» (2 жніўня 1978 года) і пастановы ЦК КПСС, Савета Міністраў СССР, ВЦСПС і ЦК ВЛКСМ «Аб далейшым паляпшэнні эканамічнай адукацыі і выхавання працоўных» (17 чэрвеня 1982 года). У іх выразна вызначаўся асноўны змест вучобы, рэкамендавалася змяніць структуру вучэбных фарміраванняў, вылучалася патрабаванне павысіць адказнасць партыйных, прафсаюзных, камсамольскіх арганізацый за якасць і рэзультатыўнасць вучобы.

Аднак дзейнасць даных пастаноў у значнай меры зніжала тое, што задачы па ўдасканаленню эканамічнай вучобы не ўвязваліся з неабходнасцю радыкальных змен ва ўсім гаспадарчым механізме, развіццём самастойнасці і ініцыятывы вытворчых калектываў, эфектыўным выкарыстаннем сістэмы маральнага і матэрыяльнага стымулявання кожнага работніка за вынікі працы. У сувязі з гэтым ЦК КПБ спецыяльнай пастановай ад 4 студзеня 1980 года «Аб выкананні Наваполацкай гарадской партыйнай арганізацыі патрабаванняў, якія вынікаюць з пастановы ЦК КПСС «Аб рабоце партыйных арганізацый Башкірыі па ўзмацненню ролі эканамічнай адукацыі працоўных у павышэнні эфектыўнасці вытворчасці і якасці работы ў святле рашэнняў XXV з'езда КПСС», патрабаваў ад партыйных арганізацый значна павысіць рэальную аддачу эканамічнай вучобы, выкарыстоўваць яе як дзейсны сродак павышэння якасці, зніжэння расходаў сыравіны, матэрыялаў, як важную састаўную частку сістэмы павышэння прафесіянальнай кваліфікацыі работнікаў³.

Удасканаленню эканамічнай вучобы пачалі ўдзяляць больш увагі абласныя, гарадскія і раённыя камітэты партыі. Так, Першамайскі райком КПБ Віцебска сумесна з пярвочнымі партыйнымі арганізацыямі распрацаваў на 1981—1985 гады перспектывны план эканамічнай адукацыі працаўнікоў, які дазволіў ахапіць эканамічнай вучобай штогод больш за 25 тыс. чалавек, у асноўным рабочых прамысловых прадпрыемстваў. Бюро раённага камітэта партыі адобрыла ініцыятыву прапагандыстаў школ камуністычнай працы вытворчага аб'яднання «Маналіт» і панчошна-трыкатажнай фабрыкі КІМ С. Е. Харытонавай, Д. П. Пракоп'ева. Па прапанове С. Е. Харытонавай слухачы школы, рабочыя цэха № 5 ВА «Маналіт» прынялі абавязальства за кошт памяншэння колькасці брыгады, авалодання перадавымі метадамі працы павысіць на сваім участку прадукцыйнасць працы на 2 % і дамагліся гэтага. Слухачы школы камуністычнай працы вяцальнага цэха № 4 фабрыкі імя КІМ (прапагандыст Д. П. Пракоп'еў) абавязаліся павысіць прадукцыйнасць на 1 %⁴.

Адной з форм партыйнага кіраўніцтва эканамічнай вучобай з'яўляліся саветы па эканамічнай адукацыі пры партыйных камітэтах, міністэрствах, ведамствах, у калектывах прамысловых прадпрыемстваў. Саветы займаліся рашэннем пытанняў, звязаных з практычным удасканаленнем навучання. На ўзроўні абкомаў, гаркомаў і райкомаў саветы ўзначальвалі сакратары адпаведных партыйных камітэтаў, на прадпрыемствах — адзін з намеснікаў дырэктара ці галоўны спецыяліст.

Плэнна працаваў савет па эканамічнай адукацыі пры Гродзенскім абкоме КПБ. На яго пасяджэннях асноўная ўвага ўдзялялася пошуку шляхоў павышэння ролі эканамічнай адукацыі ў рашэнні вытворчых задач. Толькі ў 1983/1984 навучальным годзе савет разгледзеў пытанні: «Аб рабоце Навагрудскага раённага савета па эканамічнай адукацыі па ўзмацненні практычнай накіраванасці вучобы», «Аб рабоце Савета па эканамічнай адукацыі Ваўкавыскага завода ліцейнага абсталявання па мабілізацыі слухачоў на адшуканне рэзерваў скарачэння страт рабочага часу», «Аб рабоце савета па эканамічнай адукацыі Гродзенскага вытворчага аб'яднання «Нёман», аб удзеле прапагандыстаў у руху «Прапагандыст — пяцігодчы». Савет таксама аказваў вялікую метадычную дапамогу арганізатарам і прапагандыстам сістэмы эканамічнай вучобы⁵.

У тых працоўных калектывах рэспублікі, дзе добра была пастаўлена эканамічная адукацыя, дасягаўся і пэўны эканамічны эфект. Так, у пачатку 1981 года слухачы школы камуністычнай працы з брыгады М. Ч. Рудкевіча Мінскага аўтамабільнага завода, прааналізаваўшы ў ходзе заняткаў рэзервы павышэння вытворчасці працы на сваіх рабочых месцах, выступілі з ініцыятывай «Заданне кожнага года пяцігодкі — меншай колькасцю прауючых». Гэта дазволіла пры скарачэнні колькасці з 40 да 35 чалавек паспяхова спраўляцца з планавымі заданнямі, а вытворчасць працы ўзра-

сла на 12,4 %. Ініцыятыва была падтрымана большасцю слухачоў школ камуністычнай працы аб'яднання «БелаўтаМАЗ». Эканамічная вучоба са-дзейнічала таксама паспяховаму правядзенню атэстацыі і рацыяналізацыі рабочых месц. Толькі з 1981 па 1984 год у цэхах і на ўчастках было ска-роцана 750 малаэфектыўных месц і вызвалена 950 чалавек ⁶.

У сістэме эканамічнай адукацыі Віцебскай панчошна-трыкатажнай фабрыкі ў 1982/1983 навучальным годзе многія заняткі праходзілі непа-срэдна на рабочих месцах слухачоў. У час заняткаў рабочыя знаёміліся з вопытам перадавікоў і наватараў вытворчасці. Практычная накіраванасць вучобы давала важкія вынікі. Рабочыя, ахопленыя рознымі формамі вучо-бы, падалі і ўкаранілі рацыяналізатарскіх прапаноў з эканамічным эфектам 44 тыс. руб. ⁷

Аднак, нягледзячы на некаторыя зрухі ў пастаноўцы эканамічнага ўсе-навуча, у калектывах прамысловых прадпрыемстваў у гады XI пяцігодкі, у цэлым ён не апраўдаў надзей. Адна з асноўных прычын — недаскана-ласць структуры эканамічнай адукацыі на асобных прадпрыемствах, дзе структура эканамічнай адукацыі была вельмі грувасткай. Рабочыя выву-чалі эканамічную праблематыку ў сістэме партыйнай і камсамольскай вучобы, школах камуністычнай працы, народных універсітэтах, вучэбна-курсавых камбінатах. Часта вучэбныя фарміраванні камплектаваліся без уліку інтарэсаў прадпрыемства, спецыфікі яго вытворчай дзейнасці, а па ўказаннях зверху. Так, рабочыя-камуністы павінны былі займацца ў сі-стэме партыйнай вучобы, камсамольцы — камсамольскай, а беспартый-ныя — у школах камуністычнай працы і пачатковых эканамічных школах. Гэта прыводзіла да таго, што члены працоўнага калектыву, які выконваў сумесную вытворчую праграму, штучна раздзяляліся па прыкмеце партый-насці, вывучалі розныя курсы ў розных формах вучобы. Так, у цэху 06 Магілёўскага завода «Тэхнапрыбор» (820 работнікаў, з іх 77 членаў і кандыдатаў у члены КПСС) налічвалася 7 розных форм вучобы. Прычым у сістэме партыйнай і камсамольскай вучобы, як правіла, вывучаліся кур-сы светапогляднага характару, пытанні эканомікі, а пошуку шляхоў па-вышэння працоўнай актыўнасці слухачоў удзялялася мала ўвагі ⁸.

Не давала патрэбнай аддачы і навучанне рабочых у масавай форме эканамічнага ўсенавуча — школах камуністычнай працы, пачатковых эка-намічных школах. Тэматыка, змест вучэбных праграм, вызначаліся не за-дачамі, якія стаялі перад тым ці іншым працоўным калектывам, а спушча-най зверху дырэктывай. Нярэдка яна наогул не была звязана з характарам вытворчай дзейнасці прадпрыемства. Так, у 1982/1983 1983/1984 наву-чальных гадах ва ўсіх школах камуністычнай працы (19 школ, 399 слуха-чоў), у 14 эканамічных школах камсамольскай вучобы (299 чал.) Лідскай абутковай фабрыкі вывучаўся курс «Харчовая праграма СССР»; на Ві-цебскім тэлевізійным заводзе аналагічны курс вывучаўся ў 46 (1828 слу-хачоў) з 74 школ камуністычнай працы ⁹. Работа эканамічных школ па-кутавала па-ранейшаму асветніцтвам, шаблоннасцю, руцінёрствам. У гэтым пераконваюць даныя сацыялагічных даследаванняў, праведзеных на пра-мысловых прадпрыемствах Віцебскай вобласці (1982/1983 навучальны год) Акадэміяй грамадскіх навук пры ЦК КПСС. Толькі 15,3 % апытаных ведалі планавыя заданні сваіх прадпрыемстваў па росту прадукцыйнасці, 18 % — па павелічэнню аб'ёмаў вытворчасці, 14,7 % — па зніжэнню сабе-кошту прадукцыі. Нават на такіх перадавых прадпрыемствах, як Аршанскі льнокамбінат, Віцебская панчошна-трыкатажная фабрыка, толькі 1,8 % заняткаў звязваліся з удасканаленнем гасразліку; 1,2 — удасканаленнем аплаты працы, сацыялістычнага спаборніцтва; 13,2 — з пошукам шляхоў эканоміі сыравіны і матэрыялаў; 14,4 % — з аналізам якасці выпускаемай прадукцыі ¹⁰. У многіх школах камуністычнай працы вопыт перадавікоў і наватараў вытворчасці вывучаўся павярхоўна, не ставілася задача прак-тычнага авалодання і прымянення яго слухачом на сваім рабочым месцы.

Нізкая эфектыўнасць эканамічнай вучобы ў многім вызначалася і тым, што адміністрацыя, прафсаюзная арганізацыя прадпрыемстваў, на якіх бы-лі ўскладзены функцыі планавання, арганізацыі вучэбнага працэсу, часта не выконвалі іх, а перакладвалі на кабінеты палітычнай асветы пры партый-ных камітэтах. На XIV пленуме Магілёўскага АК КПБ (ліпень 1983 года) адзначалася, што на многіх прадпрыемствах няма эканамічных кабінетаў, не створана матэрыяльная база вучобы, фармальна лічацца саветы па эка-намічнай адукацыі ¹¹. Падобная сітуацыя была характэрна не толькі для Магілёўскай вобласці, але і для рэспублікі ў цэлым.

Результатыўнасць эканамічнай адукацыі ў многім залежыць ад стылю

і метадаў кіраўніцтва гэтым важным участкам ідэйна-выхаваўчай работы партыйнымі арганізацыямі. Часта ў ім пераважаў чысцейшы фармалізм. Да прыкладу, у 1982 годзе Ленінскі РК КПБ. Гродна распрацаваў мерапрыемствы па выкананні пастановы ЦК КПСС, Савета Міністраў СССР, ВЦСПС і ЦК ВЛКСМ «Аб далейшым паляпшэнні эканамічнай адукацыі і выхавання працоўных». Аднак гэтыя мерапрыемствы зводзіліся да простага калькавання рашэнняў вышэйстаячых партыйных інстанцый. Падобныя недахопы былі характэрны для большасці раённых, гарадскіх камітэтаў партыі, парткомаў аб'яднанняў і прадпрыемстваў рэспублікі.

Правядзенне эканамічнага эксперыменту ў шэрагу галін прамысловасці, рашэнні красавіцкага (1985) Пленума ЦК КПСС, які патрабаваў узмацнення перабудовы гаспадарчага механізма і ўкаранення гасразліку, садзейнічалі актыўнаму пошуку новых падыходаў да пастаноўкі эканамічнай адукацыі. У 1985 годзе на 13 прадпрыемствах Віцебскай, Брэсцкай, Мінскай абласцей фарміраванне структурных звенняў палітычнай і эканамічнай вучобы было праведзена па вытворчаму прынцыпу. Адзінай формай вучобы, арганізаванай для ўсіх рабочых цэхаў, участкаў, гасразліковых брыгад, былі ахоплены і камуністы, і беспартыйныя. Школы інтэнсіфікацыі эканомікі ствараліся на базе школ камуністычнай працы, шматлікіх курсаў павышэння кваліфікацыі. Вопыт стварэння такіх школ поўнаасцю сябе апраўдаў. Ён быў ухвалены ХХХ з'ездам Кампартыі Беларусі і рэкамендаваны для шырокага распаўсюджання.

Дзейнасць партыйных арганізацый рэспублікі па пастаноўцы эканамічнага ўсенавуча ў калектывах прамысловасці ў 1976—1985 гады сведчыць, што нягледзячы на асобныя станоўчыя рэзультаты, яго велізарны патэнцыял не быў поўнаасцю раскрыты і выкарыстаны. Сур'ёзныя недахопы ў пастаноўцы эканамічнай адукацыі нельга растлумачыць толькі недаглядам ў партыйным кіраўніцтве ім. Ва ўмовах зжыўшай сябе сістэмы кіравання народнай гаспадаркай, страты работнікамі пачуцця гаспадары вытворчасці нават самае добрае пачынанне не магло даць доўгачасовага эфекту. У многіх рабочых не было імкнення да атрымання эканамічных ведаў, паколькі яны не адчувалі ад гэтага рэальнай карысці.

Для паляпшэння якасці эканамічнай вучобы неабходна дамагацца таго, каб эканамічныя веды былі звязаны з задачамі паскарэння сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны. Неабходна перабудова эканамічнай адукацыі, якая б закранула арганізацыю, змест, метадыку навучальна-выхаваўчага працэсу. Шляхі гэтай перабудовы вызначаны пастановай ЦК КПСС «Аб перабудове сістэмы палітычнай і эканамічнай вучобы працоўных» (верасень 1987 года). Ставіцца мэта зрабіць эканамічную вучобу гнуткай, рухомай, дынамічна развіваючайся сістэмай, якая аператыўна адгукаецца на вылучаныя жыццём задачы, з'яўляецца дзейным сродкам актывізацыі чалавечага фактару ў рашэнні складаных сацыяльна-эканамічных праблем траматства¹³.

¹ Матэрыялы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 118.

² ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 125, спр. 56, арк. 135; АА Белсаўпрофа. Ф. 1. воп. 11, спр. 2277, арк. 11.

³ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 134, спр. 17, арк. 2—6.

⁴ ПА Віцебскага АК КПБ. Ф. 42, воп. 63, спр. 3, арк. 14.

⁵ См.: Советская Белоруссия. 1984. 23 марта.

⁶ Там жа. 1985. 26 марта.

⁷ ПА Віцебскага АК КПБ. Ф. 42, воп. 61, спр. 3, арк. 104—105.

⁸ ПА Магілёўскага АК КПБ. Ф. 5887, воп. 1, спр. 39, арк. 104—105.

⁹ ПА Гродненскага АК КПБ. Ф. 240, воп. 1, спр. 283, арк. 23; ПА Віцебскага АК КПБ. Ф. 10025, воп. 14, спр. 2, арк. 35.

¹⁰ ПА Віцебскага АК КПБ. Ф. 1, воп. 158, спр. 4, арк. 15; Коммунист Белоруссии. 1984. № 12. С. 23.

¹¹ ПА Магілёўскага АК КПБ. Ф. 9, воп. 172, спр. 8, арк. 9.

¹² ПА Гродненскага АК КПБ. Ф. 6181, воп. 6, спр. 8, арк. 132—134; Ф. 6176, воп. 6, спр. 8, арк. 83—85; ПА Магілёўскага АК КПБ. Ф. 2951, воп. 5, спр. 7, арк. 85—89.

¹³ См.: Политическое образование. 1987. № 10. С. 4.

І. У. МАНДРЫК, М. С. СТАШКЕВІЧ
ДА ПЫТАННЯ АБ СТВАРЭННІ
АРГАНІЗАЦЫІ РСДРП(Б) НА ВІЦЕБШЧЫНЕ
(люты — верасень 1917)

Пасля Лютаўскай буржуазна-дэмакратычнай рэвалюцыі бальшавікі Віцебскай губерні некаторы час знаходзіліся ў агульных арганізацыях з меншавікамі, эсэрамі і бундаўцамі. Гэта шкодзіла справе рабочага класа, у корані супярэчыла ленінскай стратэгіі і тактыцы партыі ў рэвалюцыі. 6 сакавіка 1917 года У. І. Ленін тэлеграфавалі бальшавікам, якія ад'язджалі з нейтральных краін у Расію, аб недапушчальнасці ніякага збліжэння з іншымі партыямі¹. У пісьме да А. В. Луначарскага ён зноў падкрэсліў, што патрабаванне самастойнага існавання бальшавіцкай партыі, недапушчэнне ніякага збліжэння з іншымі партыямі для яго ўльтыматыўна. «Без гэтага дапамагаць пралетарыяту ісці цераз **дэмакратычны** пераварот да **камуны** нельга, а іншым мэтам служыць я не стаў бы»².

Што за прычыны аб'яднаўчых тэндэнцый, якія ўсё ж мелі месца? Яны разнастайныя. Галоўная з іх у тым, што ў гады вайны жорсткія паліцэйскія рэпрэсіі больш за ўсё цярпелі бальшавіцкія арганізацыі. Царызм імкнуўся пазбавіць рух кіраўніцтва, перашкодзіць бальшавікам узняць пралетарыят на актыўныя масавыя антываенныя выступленні.

Становішча ж віцебскіх бальшавікоў ускладнялася яшчэ шэрагам акалічнасцей: Віцебская губерня была прыфрантавой зонай. Арышты, высылкі найбольш вопытных, прайшоўшых ленінскую школу рэвалюцыянераў, у спалучэнні з мабілізацыяй рабочых у дзеючую армію, зрабілі становішча партыі тут надзвычай цяжкім; удзельная вага рабочага класа ў губерні была значна меншай, чым у прамыслова развітых цэнтрах Расіі і некаторых ускраінах.

Адзінай бальшавіцкай арганізацыі тады не было не толькі ў Віцебскай губерні, але, як піша адзін з арганізатараў Кампартыі Беларусі В. Кнорын, яе не было ўвогуле — на Заходнім фронце і ў Беларусі. Закінутыя ж вайной асобныя рэвалюцыйныя сацыял-дэмакраты да пачатку рэвалюцыі змаглі ўстанавіць толькі некаторыя асабістыя кантакты, але перайсці да работы па стварэнню арганізацыі яны не паспелі³.

Да таго ж складанасць палітычнага становішча ў краіне, ціск дробна-буржуазнай стыхіі на рабочы клас, адсутнасць сувязі з кіруючымі партыйнымі цэнтрамі — усё гэта прывяло да таго, што бальшавікі на месцах паддаліся аб'яднаўчым настроям, зрабіўшы тым самым вялікую памылку. Жыццё паказала, што апартунізм меншавікоў — не выпадковасць, не проста памылкі шукаючых ісціну людзей, а заканамерная сацыяльна абумоўленая з'ява. Маючы такія недахопы, як разрыў слова і справы, гістарычны фаталізм, хранічнае адставанне ад рэвалюцыйнага руху мас, прыхільнасць да тэарэтычных шаблонаў, меншавікі пасля Лютаўскай рэвалюцыі ўсё больш крута зварочвалі ўправа. Яны перайшлі да класавага супрацоўніцтва з буржуазіяй, заклікалі рабочых устрымлівацца ад барацьбы за свае класавыя інтарэсы, а ўсе намаганні накіраваць на замацаванне ўжо дасягнутых палітычных заваёў. У гэтым жа фарватэры ішлі бундаўцы. Мала чым адрознівалася пазіцыя партыі эсэраў. Па меры абвастрэння класавай барацьбы і развіцця рэвалюцыі раслі рознагалоссі ўнутры аб'яднаных арганізацый. Рашаючае значэнне для пераадолення аб'яднаўчых настрояў мелі Красавіцкія тэзісы Леніна і Сёмая Усерасійская (Красавіцкая) канферэнцыя РСДРП(б). З гэтага часу пачаўся працэс інтэнсіўнага распаду аб'яднаных арганізацый. Разам з бальшавікамі гэтыя арганізацыі пакідаюць многія меншавікі-інтэрнацыяналісты. У Віцебску разрыў са згоднікамі-абаронцамі адбываецца ў чэрвені 1917 года. Адхіліўшы небяспечны лозунг адзінства з апартуністамі, бальшавікі губерні імкнуцца да аб'яднання толькі з рэвалюцыйнымі сацыял-дэмакратамі, якія на справе парвалі з меншавікамі-імперыялістамі і сталі на пазіцыі пралетарскага інтэрнацыяналізму, на платформу РСДРП(б). Першы арганізацыйны сход аб'яднаных камітэтаў інтэрнацыяналістаў і Віцебскай арганізацыі латышскіх сацыял-дэмакратаў (гэтая арганізацыя не ўваходзіла ў «аб'яднанку», дзейнічала самастойна і займала ленінскую пазіцыю) адбыўся 20 чэрвеня 1917 года. На ім прысутнічала 98 чалавек. Бальшавікі мелі перавагу. Іх на сходзе зарэгістравалася 59 чалавек. Аболін (мяркуючы па пратаколу — міжраёнец), які выступіў першым на сходзе з прамовай, прызнаў, што мясцовая

арганізацыя РСДРП колькасна вырасла і таму ўзнікла неабходнасць правядзення гэтага сходу. У Віцебску павінна быць заснавана аб'яднаная арганізацыя сацыял-дэмакратаў-большавікоў і меншавікоў-інтэрнацыяналістаў як сапраўдная абаронца інтарэсаў працоўных. Але на гэтым жа сходзе чуюцца прамова і іншага плана: сацыяліст-рэвалюцыянер Лесін прапаноўваў падтрымаць палітыку наступлення на фронце. Ён заявіў, што «калі ж большавікі выкажуцца супраць наступлення, яны тым самым ўвядуць анархію ў арміі. Трэба весці вайну да пераможнага канца». Сход выбірае пагаджальную камісію, у якую ўключана чатыры большавіка (Барадаўскі, Пінсан, Чунчын, Шыфрэс), два міжраёнцы (Аболін, Бабун) і адзін меншавік-інтэрнацыяналіст (Туфрын). Перад ёй пастаўлена задача выпрацаваць платформу для аб'яднання. Па даручэнню сходу камісія прымае на сябе функцыі часовага камітэта⁴. Далейшыя дзеянні пераконваюць: у гэты час большавікі губерні настойліва адстойваюць свае пазіцыі. Яны разглядаюць адзінства рабочай справы, як адзінства марксістаў. Ідучы на збліжэнне з меншавікамі-інтэрнацыяналістамі, адхіляюць усялякія адступленні ад класавай барацьбы. Пазней, калі на пасяджэнні пагаджальнай камісіі, а затым на агульным сходзе, адзін з міжраёнцаў прапанаваў наладзіць сувязь з Петраградскім міжраённым камітэтам, большавікі адхілілі яго прапанову і настаялі на прыняцці рашэння аб устанавленні пастаяннай сувязі з ЦК РСДРП(б). Як цяпер вядома, цесная сувязь з ЦК РСДРП(б) была ўстаноўлена. Дэлегатам ад Віцебскай арганізацыі РСДРП (інтэрнацыяналістаў) на VI з'ездзе партыі быў А. Берасцень, у якасці госьця на ім прысутнічаў Б. Брэслаў. (Некаторыя аўтары лічаць яго дэлегатам з'езда). 2 ліпеня 1917 года на агульным сходзе інтэрнацыяналістаў выбіраецца аб'яднаны камітэт у складзе 9 членаў і 4 кандыдатаў. У члены камітэта выбраны Аболін, Берасцень, Барадаўскі, Далгашоў, Пятроў, Пінсан, Тайноў, Чунчын, Шыфрэс, у кандыдаты — Бітэ, Дзірык, Лятошка, Цемах. Важна адзначыць: у наяўнай літаратуры па гісторыі большавіцкай арганізацыі Віцебскай вобласці, відаць, па прычыне нейкай памылкі, выбранай у гэты камітэт лічыцца С. А. Шэйдліна, у той жа час адсутнічае прозвішча Барадаўскага. Аналіз многіх крыніц, у тым ліку і арыгінала пратакола данага сходу⁵ паказвае, што Шэйдліна сапраўды прымала актыўны ўдзел у рабоце арганізацыі інтэрнацыяналістаў, але ў камітэт яна была выбрана праз два месяцы пасля гэтага сходу.

Аб'яднаны камітэт Віцебскай арганізацыі РСДРП (інтэрнацыяналістаў) пачынае наладжванне партыйнага ўліку. У пачатку ліпеня прымаецца рашэнне аб правілах прыёму ў партыю, аб вырабе членскіх картак і партыйных членскіх узносах. У канцы чэрвеня 1917 года сфарміравалася Полацкая арганізацыя РСДРП (інтэрнацыяналістаў). У той жа час да самай восені 1917 года зацягнулася суіснаванне ў адной арганізацыі з абаронцамі большавікоў Оршы.

Назву РСДРП (інтэрнацыяналістаў) Віцебская партыйная арганізацыя насіла да 15 верасня 1917 года. І толькі ў гэты дзень было прынята рашэнне прэзідыума камітэта інтэрнацыяналістаў аб тым, што за аснову дзейнасці прымаецца Статут партыі, выпрацаваны на VI з'ездзе РСДРП(б), і, што ў сілу гэтага, «наша арганізацыя надалей павінна называцца Віцебская арганізацыя РСДРП (большавікоў)»⁶.

Адзначым, што і тут амаль уся наяўная навуковая і папулярная літаратура, у тым ліку Беларуская Савецкая энцыклапедыя і энцыклапедычны даведнік «Віцебск», што нядаўна выйшаў, маюць недакладнасць. Датай перайменавання Віцебскай арганізацыі ў РСДРП(б) яны называюць 13 верасня 1917 года. Да таго ж, часта асобныя аўтары, разглядаючы этапы станаўлення і развіцця Віцебскай і іншых партыйных арганізацый, даюць ім назву адвольна. У сувязі з гэтым хацелася б пажадаць усім, хто звяртаецца да «малой гісторыі», бачыць праходзячыя працэсы ў сукупнасці супярэчлівых тэндэнцый, што пераплятаюцца. Што ж тычыцца гістарычных асоб, дат, назваў палітычных плыняў, то тут патрабуецца шматразовая проверка, зварот да першакрыніц, супастаўленне наяўнага матэрыялу, поўная і верная іх класавая ацэнка.

Рэзка ўскладніліся ўмовы для работы Віцебскай арганізацыі РСДРП (інтэрнацыяналістаў) пасля падзей 3—5 ліпеня 1917 года. Мясцовыя карныя органы новага кааліцыйнага Часовага ўрада, якія падтрымліваліся меншавікамі і эсэрамі, адкрылі паход супраць рэвалюцыйных арганізацый. Асабліва праследаваліся члены РСДРП (інтэрнацыяналістаў). Іх абвінавачвалі ў шпіянажы, здрадзе, арыштоўвалі, не дапускалі да друку, да трыбуны.

Буржуазія не ўтойвала сваіх намераў. Яна ставіла задачу нацкаваць рабочых на бальшавікоў. Асабліва нападалі на інтэрнацыяналістаў Віцебска ў сувязі з выбарамі ў гарадскую думу. У жніўні 1917 года амаль у кожным нумары «Известий Витебских Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов» друкуюцца матэрыялы, у якіх бальшавікоў абвінавчваюць у самых цяжкіх палітычных злачынствах, у авантурызме. 26 жніўня газета дала кампраметуючы матэрыял на перадвыбарную платформу інтэрнацыяналістаў, у якой яны справядліва запатрабавалі пераходу сродкаў вытворчасці ў рукі рабочых, перадачы зямлі сялянам рэвалюцыйным шляхам⁷. Узмацніць свае пазіцыі імкнуліся і партыі так званага «сацыялістычнага блоку» (меншавікі, бундаўцы, эсэры, энесы). Спекулюючы дэмакратычнымі лозунгамі, выкарыстоўваючы спрыяльныя ўмовы легальнай дзейнасці, створаныя для іх мясцовымі ўладамі, яны крывадушна абіядалі вырашыць надзённыя інтарэсы шырокіх народных мас. Іншы раз ім удавалася ашукаць працоўных. Напрыклад, у сярэдзіне ліпеня ў Віцебску на з'ездзе прадстаўнікоў прафесійнага саюза паравозных брыгад Рыжска-Арлоўскай чыгункі па патрабаванню меншавікоў і бундаўца была прынята рэзалюцыя, якая асуджала бальшавікоў-ленінцаў за ўзброенае выступленне ў Петраградзе 3—4 ліпеня. З'езд вітаў загад ваеннага міністра Керанскага аб арышце і адданні суду кіраўнікоў і ўдзельнікаў узброенага выступлення, адобрыў дзеянні Часовага ўрада. Як відаць, канстытуцыйныя ілюзіі яшчэ валодалі масамі, яны назіраліся нават у асяроддзі рабочага класа. Такія ілюзіі параджаліся і памылкамі, якія дапускаліся іншы раз самімі інтэрнацыяналістамі. Так, 20 ліпеня член аб'яднанага камітэта РСДРП інтэрнацыяналістаў Чунчын ставіць свой подпіс пад дакументам Віцебскага губернскага харчовага камітэта, у якім забараняецца самавольны захоп «чужых» зямель, у тым ліку і памешчыцкіх⁸. Палажэнні гэтага дакумента супярэчаць устаноўкам партыі на развіццё рэвалюцыі ў вёсцы.

Аднак у цэлым, нягледзячы на асобныя памылкі ў гэтых рашаючых для рэвалюцыі дні Віцебская арганізацыя інтэрнацыяналістаў дзейнічала дастаткова вытрымана, умела скарыстоўвала розныя метады работы ў масах, спалучаючы легальныя і нелегальныя формы барацьбы. Умацоўвалася дысцыпліна і арганізаванасць членаў партыі. Рэгулярна (адзін, а то і два разы на тыдзень) праходзілі агульныя сходы арганізацыі, наладжана была дастаўка газет і лістовак з Петраграда і Масквы. На месцы перадукоўваліся адозвы, лістоўкі, лозунгі. Была ўстаноўлена цесная сувязь з воінскімі часцямі, вытворчымі калектывамі⁹.

Агітатары-бальшавікі Пінсан, Чунчын, Шэйдліна, Пятроў, Шыфрэс, Саркiсьянц, Далгашоў і іншыя, нягледзячы на небяспеку апынуцца за кратамі, выступалі на сходах, мітынгах перад рабочымі, салдатамі, сялянамі. Сваім страсным, праўдзівым словам яны выклікалі абурэнне народа супраць часовага ўрада, партыі кадэтаў, выкрывалі памагатых контррэвалюцыі — дробнабуржуазныя партыі.

Паступова пад уздзеяннем самой рэчаіснасці, палітычнай работы Віцебскай арганізацыі інтэрнацыяналістаў дробнабуржуазныя ілюзіі, што назіраліся раней, рассеяваліся, масы пераходзілі на бок рэвалюцыйнага пралетарыату і яго авангарда. Аб вялікім давер'і мас у перадакстрычніцкія дні да рэвалюцыйнай партыі сведчаць вынікі выбараў: у Гарадскую думу Віцебскія сацыял-дэмакраты інтэрнацыяналісты атрымалі 16 месц: значна больш, чым кожная з уваходзячых у блок пагаджальных партый. Прыкметны стаў уплыў інтэрнацыяналістаў сярод рабочых фабрыкі «Дзвіна», чыгуначных майстэрняў, іншых прадпрыемстваў. Цесныя адносіны ў інтэрнацыяналістаў склаліся з прафсаюзам металістаў, чыгуначнікаў, тэкстыльшчыкаў, гарбароў, карчомных рабочых і служачых. Члены інтэрнацыяналісцкай арганізацыі ўваходзілі ў іх праўленні, змагаліся за жыццяздольнасць прафсаюзаў, імкнуліся ачысціць іх ад меншавіцкай і эсэраўскай ідэалогіі, вучылі адгукацца на ўсе выпадкі дэспатызму, прыгнёту, змагацца супраць эканамічнай і палітычнай ўціску і бяспраўя. Узмацніўся забастовачны рух рабочых. Неспакойна было ў салдацкіх казармах, у якіх знаходзілася прыкладна 40 тысяч чалавек. У іх ліку салдаты — рабочыя петраградскіх, рыжскіх заводаў, якія мелі грунтоўную класавую загартоўку¹⁰.

Ацэньваючы вынікі разрыву бальшавікоў з дробнабуржуазнымі партыямі, іх аб'яднання з меншавікамі-інтэрнацыяналістамі і мікраёнцамі, можна адназначна гаварыць пра вялікі прагрэс у рэвалюцыйным руху губерні; створана самастойная палітычная арганізацыя рабочага класа. Распыленасць адзіночак была замацавана ідэйнай асновай і матэрыяльнай сілай арганізацыі, якая ўступіла на палітычную арэну пад бальшавіцкім

сцягам. Тым больш, што віцебскія меншавікі-інтэрнацыяналісты і міжраёнцы адкрыта прызналі стратэгію і тактыку ЦК РСДРП(б) на давядзенне рэвалюцыі да перамогі дыктатуры пралетарыяту. Недахопам жа руху варта прызнаць уступку, якую зрабілі большавікі сваім саюзнікам у вызначэнні назвы арганізацыі. Вядома, характар арганізацыі вызначаецца не столькі назвай, колькі зместам яе дзейнасці. Але, калі ўлічыць, што да таго часу ў свядомасці працоўных слова большавік замацавалася як паняцце «паслядоўны марксіст-рэвалюцыянер», да канца адданы справе рабочага класа, справе камунізму, то, несумненна, што ўзяўшы агульнапрынятую да таго часу назву РСДРП(б), Віцебская арганізацыя тым самым адразу прыцягнула б да сябе больш прыхільнікаў, узмацніла б свой уплыў на рабочых і працоўнае сялянства.

Слаба вывучаным пакуль з'яўляецца напрамак дзейнасці большавікоў у паветах і валасцях Віцебскай губерні. Мяркуючы па існуючых даных, з чатырох тысяч членаў РСДРП прыкладна чацвёртая частка падзяляла марксісцка-ленінскія погляды. Непасрэдна ў паветах каля 100 сацыял-дэмакратаў большавікоў рыхтавалі масы да будучых бітваў.

Так, крок за крокам надыходзіў час практычных дзеянняў: выканання рашэнняў VI з'езда РСДРП(б) аб правядзенні ўзброенага паўстання. Пралетарыят і працоўнае сялянства Віцебскай губерні, салдаты, раскватараваныя на яе тэрыторыі, трымалі раўненне на Петраград: там перш за ўсё вырашаўся лёс рэвалюцыі. Але працэс барацьбы за ўладу Саветаў быў адзіным, узаемазвязаным, калі поспех вядучага атрада пралетарыяту ў цэнтры аблягаў, паскараў перамогу на месцах, а поспехі працоўных на месцах замацоўвалі заявяваныя пазіцыі ў цэнтры.

¹ Гл.: Ленін У. І. Творы. Т. 23. С. 286.

² Ленін В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 411.

³ Гл.: Кнорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925. С. 9.

⁴ Партархіў Віцебскага АК КПБ. Ф. 10050, воп. 1, спр. 1, арк. 73.

⁵ Там жа. Арк. 4, 23.

⁶ Там жа. Спр. 2, арк. 33.

⁷ Известия Витебских Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. 1917. 26 авг.

⁸ Там жа. 1917. 20 июля.

⁹ Красная боль. Витебск, 1923. С. 57, 62.

¹⁰ Там жа. С. 198.

Е. Ф. САЎЧУК

«АНТЫВАЕННЫ ТЫДЗЕНЬ» У БЕЛАРУСІ Ў СУВЯЗІ З 10-ГОДДЗЕМ З ПАЧАТКУ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Дзесяцігоддзе з пачатку першай сусветнай імперыялістычнай вайны V кангрэс Камінтэрна вырашыў адзначыць «Інтэрнацыянальным тыднем барацьбы супраць імперыялістычнай вайны і сацыял-зdraдніцтва», які праводзіўся з 27 ліпеня па 4 жніўня 1924 года. Ён меў характар міжнароднай палітычнай акцыі супраць імперыялізму, росту мілітарызму і пагрозы вайны, у абарону міру. Як адзначалася ў пісьме выканкома Камінтэрна «Усім ЦК кампартый» ад 11 чэрвеня 1924 года, інтэрнацыянальны антываенны тыдзень праводзіўся з мэтай «падрыхтаваць масы да рашучай барацьбы супраць вайны; папулярызаваць думку аб неабходнасці пераўтварэння ўсялякай спробы імперыялістычнай вайны ў рэвалюцыйную, класавую вайну; падтрымаць усімі сродкамі і спосабамі Саюз Савецкіх Рэспублік у яго барацьбе за раззбраенне і мір; разгарнуць вялікую кампанію супраць занявольвання народаў Усходу». Адначасова ставілася задача выкрываць сацыял-зdraдніцтва лідэраў II Інтэрнацыянала¹.

Гэты і другія дакументы, звязаныя з правядзеннем «антываеннага тыдня» адлюстроўваюць погляд на камуністычныя партыі як авангардную сілу антываеннага руху, на ролю СССР як фарпост міралюбівых сіл у барацьбе за раззбраенне і мір. Разам з гэтым у іх знайшоў адлюстраванне сектанцкі падыход да праблем міжнароднага антываеннага руху, які адсякаў ад удзелу ў сумесных антываенных акцыях тую частку рабочага класа, працоўных замежных краін наогул, якія знаходзіліся пад уплывам сацыял-дэмакратыі, ішлі за ёй. Базумоўна, казалася і тое, што ў пачатку 1924 го-

да І. В. Сталін выказаў пастулат аб тым, што адбылася перагрупоўка дробнабуржуазных сіл у бок кантррэвалюцыі, у лагер фашызму. З гэтага рабіўся вывад для палітычнай практыкі: «Не кааліцыя з сацыял-дэмакратыяй, а смяротны бой з ёй, як з апорай цяперашняй фашызіраванай улады»². Усё гэта накладвала негатыўны адбітак на тлумачальную работу партыі ў масах, адлюстроўвалася ў лозунгах, пад якімі праходзілі антываенныя выступленні працоўных БССР.

«Антываенны тыдзень» у сувязі з 10-годдзем з дня пачатку першай сусветнай вайны прайшоў ва ўсіх савецкіх рэспубліках. У БССР ён стаў важным элементам грамадска-палітычнага жыцця. У справаздачах агітацыйна-прапагандысцкіх аддзелаў мясцовых партарганізацый ён па праву называўся адной з самых значных палітычных кампаній 1924 года. Яна выйшла далёка за рамкі тлумачальнай работы партыі ў масах, як гэта ўяўлялася ў пачатку, і вылілася ў шырокі рух мас у падтрымку міру, іх пратэсту супраць вайны, з'явілася сапраўдным праяўленнем інтэрнацыяналізму.

Дакументальныя матэрыялы, звязаныя з падрыхтоўкай і правядзеннем антываеннага тыдня ў Беларусі дазваляюць зразумець характар антываеннага руху тых год у БССР, адносіны шырокіх мас насельніцтва да пытанняў вайны і міру, вызначыць дамінуючыя пачуцці грамадскай свядомасці ў адносінах да ваеннай пагрозы. З поўным правам можна сцвярджаць, што імі было зразуменне неабходнасці рабіць усё магчымае, каб не дапусціць узнікнення пажара новай вайны. Магчымасць гэтага шырокага масы рэспублікі бачылі ва ўмацаванні гаспадарчага і ваеннага патэнцыялу краіны, інтэрнацыянальнага адзінства працоўных усіх краін у барацьбе супраць пагрозы вайны, супраць капіталу — віноўніка ўсялякіх войнаў.

У сэрцах рабочых і сялян Беларусі, асабліва іх пралетарскага авангарду, жыла надзея на сусветную рэвалюцыю, якая прывядзе да знікнення прычын войнаў. Яны выказвалі гатоўнасць падтрымаць усімі сіламі і сродкамі барацьбу замежнага пралетарыяту за звяржэнне ўлады капіталу. Безумоўна, на гэтых настроях сказваліся як пачуцці пралетарскага інтэрнацыяналізму, класавага братэрства працоўных Беларусі з пралетарыятам замежных краін, так і інерцыя думкі, ідэалагічная догмы агітацыйна-прапагандысцкай работы партыйных, камсамольскіх арганізацый Беларусі адносна перспектывы сусветнай рэвалюцыі. Хаця аб'ектыўныя магчымасці яе хуткай перамогі перасталі быць рэальнасцю, у палітычнай прапагандзе КП(б)Б панавала думка, што ўсе краіны ў недалёкім будучым пойдуць услед прыкладу Савецкай Расіі. Рэцыдывы левакамуністычных падыходаў да праблемы сусветнай рэвалюцыі ўсё яшчэ мелі дастатковую распаўсюджанасць. Усё гэта адбылася на антываеннай кампаніі ў Беларусі ў сувязі з 10-годдзем пачатку першай сусветнай вайны.

Але антываенны тыдзень у Беларусі раскрыў і другое. Размах антываенных выступленняў сведчыў аб імкненні працоўных Беларусі да міру, іх інтэрнацыяналісцкіх пазіцыях, аб тым, што антываенны рух уваголе па сваёй сутнасці з'яўляецца інтэрнацыяналісцкім. У авангардзе руху рабочых і сялян Беларусі супраць вайны знаходзіліся арганізацыі КП(б)Б. Яны паўсямесна праводзілі вялікую арганізатарскую і тлумачальную работу, узначалілі ўсенародны рух у абарону міру. Аб гэтым сведчаць шматлікія дакументы.

Павятовыя камітэты партыі разаслалі ўсім кам'ячэйкам пісьмы аб падрыхтоўцы, характары і змесце працы ў ходзе гэтай кампаніі. Галоўная ўвага ў тлумачальнай рабоце канцэнтравалася на наступных момантах: пагроза новай вайны ў сувязі з канфліктамі розных капіталістычных груп і ростам узбраення; выкрыццё ролі II Інтэрнацыянала як памагатага падрыхтоўкі вайны, тлумачэнне, што толькі рэвалюцыя можа папярэдзіць вайну, мір можа забяспечыць толькі перамога сусветнай пралетарскай рэвалюцыі. Былі сфармуляваны лозунгі кампаніі, у іх ліку: «Вайна — вайне!» — баявы лозунг сусветнага пралетарыяту»; «У перамозе сусветнай рэвалюцыі — залог міру на зямлі»; «Наш лозунг — замест імперыялістычнай вайны вайна грамадзянская, замест царства капітала — сусветны саюз савецкіх сацыялістычных рэспублік»; «Папярэдзім вайну, раздзьмуўшы горн пралетарскай рэвалюцыі» і інш.³

Як відаць, у гэтых рэкамендацыях і лозунгах адлюстраваліся, з аднаго боку, жаданне падняць шырокія колы насельніцтва на энергічны пратэст супраць пагрозы новай вайны (лозунг «Вайна — вайне»), з другога боку, — характэрныя для таго часу ўяўленні аб блізкай перамозе сусветнай пралетарскай рэвалюцыі, жаданне непасрэдна звязаць антываенныя выступленні пралетарыяту капіталістычных краін з задачай звяржэння панавання капі-

тала, з барацьбой за перамогу сусветнай пралетарскай рэвалюцыі. Ва ўмовах СССР такія ўяўленні і перабольшанне не змяншалі размах антываенных выступленняў працоўных. На Захадзе яны шкодзілі згуртаванню ўсіх сіл, якія выступалі супраць вайны, але не гатовы былі падтрымаць лозунгі сусветнай рэвалюцыі і ўстанаўлення дыктатуры пралетарыяту.

КП(б)Б, абাপіраючыся на грамадскія арганізацыі, правяла вялікую палітычную работу дзеля падрыхтоўкі і правядзення «інтэрнацыянальнай нядзелі барацьбы супраць імперыялістычнай вайны» у сувязі з 10-годдзем пачатку першай сусветнай вайны, паслядоўна выконвала ў антываенным руху працоўных сваю авангардную ролю. Гэта з'явілася адным з рашаючых фактараў шырокага народнага выступлення супраць пагрозы вайны ў дні «тыдня», якое ахапіла ўсю Беларусь. Другім фактарам, які вызначыў усенародны характар пратэсту працоўных БССР супраць росту мілітарызму ў капіталістычных краінах і ўзрастаючай ваеннай пагрозы быў уласны вопыт насельніцтва Беларусі, які яно набыло ў гады мінулай сусветнай вайны і ваеннай інтэрвенцыі імперыялістаў; памяць аб тых ахвярах, бедствах, нягодах, якія прынесла з сабой на беларускую зямлю імперыялістычная вайна і напад іншаземных імперыялістаў на маладую Савецкую дзяржаву.

БССР знаходзілася на мяжы двух сусветаў. Смерч вайны бушаваў на тэрыторыі Беларусі на працягу 7 год — з 1914 па 1920 год. Ваенныя правакацыі не спыняліся і пасля заключэння міру з Польшчай. У выпадку ваеннага пажару Беларусія непазбежна ператварылася б у арэну баявых дзеянняў. Вось чаму працоўныя рэспублікі так востра рэагавалі на ўсялякае ўскладненне міжнароднага становішча, на ўзрост ваеннай пагрозы і мілітарызму, так рашуча і цвёрда выступалі супраць вайны, у абарону міру, непадзельна падтрымлівалі міралюбівы знешнепалітычны курс урада СССР, выказвалі гатоўнасць намагчы ўсе сілы для ўмацавання абароназдольнасці краіны. Працоўныя Беларусі ведалі, памяталі, што такое вайна.

Калектыўным арганізатарам, прапагандыстам ідэй барацьбы за мір у пэўным сэнсе гэтага слова з'яўляўся партыйна-савецкі друк, асабліва газета «Звязда» — орган ЦК КП(б)Б. У ліпені-жніўні 1924 года тэма антываеннага руху ў сувязі з 10-годдзем пачатку першай сусветнай вайны была ў газеце адной з цэнтральных. У друку змяшчаліся адозвы партыйных, дзяржаўных, грамадскіх арганізацый, карэспандэнцыі аб ходзе антываенных сходаў, мітынгаў, дэманстрацый ва ўсіх кутках рэспублікі, выступленні на іх рабочых, сялян, прынятыя імі рэзалюцыі пратэсту супраць вайны, пісьмы рабочых і сялян ў газету аб іх адносінах да пытання вайны і міру, заклікі працоўных калектываў, асобных рабочых і сялян да замежнага пралетарыяту да адзінства дзеянняў супраць пагрозы вайны, з праяўленнем салідарнасці з іх рэвалюцыйнай барацьбой. Змяшчаліся антываенныя вершы, апавяданні, успаміны, дакументы, статыстычныя даныя, дыяграмы аб мінулай вайне. Сістэматычна друкаваўся раздзел «Што чытаць пра вайну», у якім рэкамендаваліся працы У. І. Леніна, папулярная марксісцкая літаратура пра вайну.

27 ліпеня 1924 года «Звязда» выйшла на шасці старонках, пяць з якіх былі прысвечаны «крываму юбілею». «Звязда» заклікала змагацца супраць вайны, пакуль не позна. «Нельга барацьбу супраць мілітарызму адкладваць да таго часу, калі вайна пачнецца, бо тады ўжо будзе позна», — справядліва гаварылася ў артыкуле «Крывавы юбілей». 3 жніўня была надрукавана адозва ЦК КП(б)Б «Усім рабочым і сялянам». Сваім зместам яна абуджала жаданне актыўна змагацца супраць мілітарызму і вайны. Адозва тлумачыла: пакуль існуе капіталізм — існуе пагроза нападения на СССР. Працоўныя рэспублікі заклікаліся да упартай працы над адраджэннем эканомікі, да ўмацавання братэрскага Саюза Савецкіх Рэспублік, сцяганосца міру, міжнароднай салідарнасці працоўных.

У дні «тыдня» шырока распаўсюджваліся розныя дакументальныя і тэарэтычныя матэрыялы аб вайне і антываенным руху за мяжой. Вялікае ўраджанне астаўляла публікацыя дакументаў і фактаў — праўда аб мінулай вайне і ваенных прыгатаваннях да будучай бойні. Але самым хваляючым, самым дасканалым матэрыялам, які сведчыў аб жаданні працоўных Беларусі зрабіць ўсё магчымае, каб не дапусціць вайны, жывым апавяданнем аб тым, што нясе вайна чалавеку-працаўніку, з'яўляюцца рэзалюцыі антываенных сходаў і мітынгаў, якія праходзілі ў тыя дні па ўсёй Беларусі, выступленні на іх рабочых і сялян, іх пісьмы ў газету. На працягу доўгага часу спачатку пад рубрыкай «Наш пратэст», а з 5 жніўня 1924 года пад рубрыкай «Вайна — вайне» на старонках «Звязды» друкаваліся дакументы, якія сведчылі, што ў антываенных сходах, мітынгах, дэманстрацыях прынялі

ўдзел усе слаі насельніцтва БССР. Гэта сапраўды ўсенародны рух, у авангардзе якога быў рабочы клас. Антываенныя сходы, мітынгі, дэманстрацыі прайшлі паўсюдна, былі многалюднымі, давалі магчымасць кожнаму асабіста ўзвысіць голас супраць пагрозы вайны.

З выключным уздымам прайшла агульнагарадская дэманстрацыя пратэсту супраць імперыялістычнай вайны ў Мінску. «Доўгі спіс нястач, якія абрушыліся на мінскіх рабочых у выніку злачыннай вайны. Дэманстрацыя прыцягнула і ўсё астатняе насельніцтва горада, бо мала такіх, каго вайна не зачпала. Супраць вайны пратэставалі ўсе», — пісаў у газету ўдзельнік гэтай дэманстрацыі. Яго карэспандэнцыя дае падрабязнае і яркае апісанне дэманстрацыі і мітынга, які тады адбыўся. «Людскія хвалі залілі гарадскі сад. Выступалі прадстаўнікі ЦК, затым рабочыя, работніцы, камсамольцы, чырвонаармейцы. Выступіла і адна старая жанчына: «Ня трэба нам болей крыві. Смерць буржуям. Забілі майго сына і брата... Ня трэба болей войнаў»⁴. У гэтых словах прастай жанчыны боль і воля ўсёй Беларусі. «Вайна — вайне — гэты лозунг над калонамі дэманстрантаў паўней другіх адлюстроўваў пазіцыю працоўных Мінска.

Тыя ж пачуцці і ў выступленнях і рэзалюцыях сялян Беларусі. Паўсюдна адбыліся сходы, мітынгі, дэманстрацыі. Рэзалюцыі пратэсту супраць ваеннай пагрозы сяляне прымалі і на сваіх канферэнцыях, і ў «дні селяніна», якія ў чэрвені 1924 года праходзілі ў шэрагу паведаў Беларусі. «Усюды пасля дакладаў выступалі сяляне, жанчыны, інваліды, удовы салдат, якія загінулі на імперыялістычнай вайне», — адзначалася ў артыкуле «Вёска аб вайне»⁵. Іх выступленні сведчаць аб гарачым жаданні не дапусціць новага ваеннага ліхалецця, знішчыць прычыны войнаў. Сяляне выказвалі гатоўнасць аказваць дапамогу замежным працоўным у іх барацьбе супраць капіталізму.

Вельмі часта ў час сходаў сяляне запісваліся ў МОПР, дабраахвотныя абаронныя таварыствы, паказваючы гэтым разуменне неабходнасці справамі дапамагчы замежным барацьбітам рэвалюцыі, умацоўваць абароназдольнасць сваёй краіны. Дамініруючым пачуццём сялянскай свядомасці было жаданне міру. Аб гэтым сведчаць многія факты. Так, на хутары Мілеры сабраліся хутаране Мілераў, Малінаўкі, Гумнішчаў, каб выразіць свой пратэст супраць імперыялістычнай вайны. Пасля даклада аб 10-годдзі імперыялістычнай вайны, калі пачаўся запіс у МОПР, стары селянін Францкевіч сказаў: «Мы дамо і па 15 капеек (мопраўскі ўзнос — 5 кап. — Е. С.), толькі б справа рэвалюцыі выйграла на Захадзе. Тады і вайны не будзе трэба, і падатку меней плаціць»⁶. Амаль усе, хто прысутнічаў на сходзе, запісаліся ў МОПР. Рэзалюцыі пратэсту супраць вайны, прынятыя на селянскіх сходах, сведчаць аб глыбокай зацікаўленасці сялян у захаванні міру, разуменні імі неабходнасці сумесных дзеянняў працоўных усіх краін у барацьбе супраць пагрозы вайны. У іх нязменна ёсць заклік да пралетарыятаў замежных краін рашуча весці барацьбу супраць буржуазіі, актыўна ўдзельнічаць у антываенным руху.

Такім чынам, выступленні працоўных БССР супраць ваеннай пагрозы у перыяд антываеннага «тыдня» мелі масавы і паўсюдны характар. Яны выявілі антываенны настрой насельніцтва Беларусі. Класавая салідарнасць з рэвалюцыйнай барацьбой замежнага пралетарыята — лейтматыў рэвалюцыйнага пратэсту антываенных сходаў і мітынгаў. Хваля антываеннага руху ў Беларусі з'яўлялася адначасова хваляй пралетарскай салідарнасці. Рабочыя і сяляне БССР таксама выказвалі заклапочанасць аб належнай абароназдольнасці СССР як важнейшай умове захавання міру, праяўлялі гатоўнасць сваёй працай умацоўваць эканамічны патэнцыял краіны, братэрскі саюз народаў СССР.

Тлумачальная работа КП(б)Б у дні «антываеннага тыдня» зыходзіла з тэзіса, што вайна з капіталістычным светам з'яўляецца практычна непазбежнай з-за варожасці імперыялістычных колаў да краіны Саветаў. Задача заключалася ў тым, каб адцягнуць яе. Зрабіць жа вайну немагчымай, папярэдзіць яе можа толькі перамога сусветнай пралетарскай рэвалюцыі, садейнічаць якой — рэвалюцыйны доўг працоўных. Такі падыход у той час з'яўляўся пануючым у РКП(б).

¹ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 7, спр. 18, арк. 119, 120.

² Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 282.

³ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 7, спр. 32, арк. 39.

⁴ Звезда. 1924. 5 авг.

⁵ Там жа. 14 авг.

⁶ Там жа. 15 авг.

РЭФОРМА 1861 ГОДА І ЗЯМЕЛЬНЫЯ НАДЗЕЛЫ БЕЛАРУСКІХ СЯЛЯН

(па статутных граматах Магілёўскай губерні)

Адным з асноўных пытанняў сялянскай рэформы 1861 года з'яўлялася надзяленне сялян зямлёй, вызначэнне павіннасцей за карыстанне ёю (першы этап) з далейшым выкупам надзелаў ва ўласнасць (другі этап рэформы). У сувязі з гэтым значны навуковы інтарэс маюць разгляд і характарыстыка колькасных і якасных змяненняў, якія адбыліся ў землекарыстанні былых памешчыцкіх сялян на першым этапе правядзення рэформы. Аднак у даследаваннях, прысвечаных аграрнай гісторыі Беларусі другой паловы XIX стагоддзя, характарыстыка змяненняў у землекарыстанні сялян Магілёўскай губерні ў выніку складання і ўвядзення ў дзеянне статутных грамат практычна адсутнічае.

Намі праведзена суцэльная апрацоўка 2488 статутных грамат і вопісаў, складзеных на памешчыцкія маёнткі ўсіх 11 паветаў Магілёўскай губерні¹. На самай справе іх было каля 3 тыс. Аб гэтым сведчаць запісы ў актах міравых пасрэднаў аб правярцы статутных грамат, выпіскі з журналаў Магілёўскага губернскага па сялянскіх справах прысутствія, дакладныя запіскі губернатара.

Вывучэнне статутных грамат як у мясцовым, так і цэнтральным архівах дало магчымасць найбольш поўна выявіць іх колькасць па губерні. Гэта пацвярджаецца і данымі А. Трайніцкага аб колькасці рэвізскіх душ у губерні па 10-м перапісу².

Размеркаванне прыгонных было нераўнамерным: асноўная маса іх належала 601 буйнапамеснаму ўладальніку (29,7 % памешчыкаў губерні), кожны з якіх меў больш за 100 рэвізскіх душ. У іх руках знаходзілася 226760 рэв. душ, ці 87,2 % усіх прыгонных губерні, у тым ліку ва ўладальнікаў ад 101 да 500 рэв. душ было 103992 чал. м. п. (40,0 %), а ад 501 да 1000 — 44495 рэв. душ (17,2 %). Памешчыкам, меўшым больш за 1000 рэв. душ, належала 78273 чал. м. п. (30,0 %). Напрыклад, у князеў Любамірскіх у Аршанскім павеце было звыш 28 тыс. рэв. душ, а Хв. І. Паскевіч-Эрыванскі меў 18742 сялініна. Такім чынам, толькі ім належала 46742 рэв. душы, ці каля 1/5 усіх прыгонных губерні.

На долю астатніх 1422 памешчыкаў, якія складалі 70,3 % усіх дваран Магілёўскай губерні, прыпадала 33267 прыгонных, ці 12,8 % сялян, атрымаўшых надзелы па статутных граматах. Буйныя і буйнейшыя ўладальнікі былі сапраўднымі гаспадарамі становішча ў магілёўскай прыгоннай вёсцы і адыгрывалі рашаючую ролю ў мясцовым грамадскім і гаспадарчым жыцці.

Асноўнымі формамі эксплуатацыі беларускіх сялян з'яўляліся паншчына і аброк. Лічылася, што характэрнай асаблівасцю Магілёўскай губерні была перавага паншчынай формы эксплуатацыі, якая па даных Рэдакцыйных камісій, ахоплівала 97 % сялян. Аднак звесткі, якія атрыманыя намі ў час суцэльнай апрацоўкі статутных грамат, уносяць некаторыя карэктывы ў звесткі аб відах сялянскіх павіннасцей. У прыватнасці, па даных статутных грамат, да 1861 года па форме эксплуатацыі памешчыцкія сяляне падзяляліся на тры асноўныя групы: паншчыныя — 225408 рэв. душ, ці 86,7 %, аброчныя — 28265 рэв. душ, ці 10,9 %, змешаныя — 6349 рэв. душ, ці 2,4 % (у дзвюх граматах запісаны 5 сялян, якія не адбывалі ніякіх павіннасцей на карысць памешчыка). Варта адзначыць, што паншчына пераважала ў маёнтках дробнапамесных і была амаль адзінай формай эксплуатацыі ў маёнтках сярэдніх і буйных землеўладальнікаў. У Рагачоўскім павеце з 33830 прыгонных 28299 адбывалі паншчыну, 2373 выконвалі змешаныя павіннасці і толькі 3158 знаходзіліся на аброку. У Магілёўскім павеце з 43 маёнткаў толькі ў адным прыгонныя знаходзіліся на змешанай павіннасці (10 рэв. душ), а астатнія 17905 сялян адбывалі паншчыну. Гэта тлумачыцца тым, што земляробства ў Магілёўскай губерні было асноўным напрамкам не толькі ў сялянскай, але і ў памешчыцкай гаспадарцы.

Толькі ў памешчыцкіх маёнтках Гомельскага павета пераважаў аброк, які плацілі 55,6 % сялян. Адносна высокім быў працэнт аброчных сялян у Рагачоўскім, Чавускім і Клімавіцкім паветах (9,3, 8,1 і 7,1 %). Гэтаму садзейнічалі тыя абставіны, што многія памешчыкі, галоўным чынам буйнапамесныя, напярэдадні адмены прыгоннага права сталі пераводзіць сваіх

сялян на аброк. Так, у кастрычніку 1856 года выйшла распараджэнне князя Хв. І. Паскевіча-Эрыванскага аб пераводзе сялян Гомельскага маёнтка на аброчную павіннасць, і да канца 1860 года ўжо 18 742 селяніна знаходзіліся на аброку.

Звычайна ў аброчных маёнтках сяляне павінны былі выконваць якія-небудзь дадатковыя работы, якія памешчык залічваў у лік аброку. У прыкладнасці, Хв. І. Паскевіч пры пераводзе сваіх сялян на аброк прадугледзеў цэлы рад «дадатковых» сезонных работ. Напрыклад, сяляне павінны былі «в июне остричь 20 штук овец... Около 1 июля выкосить экономического сенокоса 1 дес., собрать с нее сено, сложить в стог... Санною дорогою в январе месяце поставить пол-сажени дров, куда укажет экономия... Во время уборки хлеба нажать и свезти на фольварк 6 копен озимого и 6 копен ярового хлеба»³.

Апрача дзвюх асноўных форм феадальнай павіннасці, г. зн. аброчнай і паншчынай, у некаторых маёнтках практыкавалася трэцяя — змешаная, якая не атрымала ў губерні шырокага распаўсюджання. Аналіз статутных грамаў паказвае, што ў Магілёўскай губерні асновай змешанай павіннасці з'яўляўся аброк, да якога дадаваліся тыя ці іншыя работы. Напрыклад, 72 селяніна в. Забелышына Клімавіцкага павета памешчыкаў Булгарынавых плацілі аброк 15 руб. з кожнага цягла і адраблялі ў летні час па 9 дзён⁴.

Для некаторых паведаў губерні характэрным з'яўлялася тое, што ў адных і тых жа маёнтках частка сялян плаціла аброк, а другая частка адбывала паншчыну. Так, у Быхаўскім павеце ў маёнтку С. Хмызоўскай «Журавічы» з 294 сялян 224 адбывалі паншчыну, 70 плацілі аброк па 15 руб., а іхнія жонкі адбывалі паншчыну па 12 дзён у год⁵. У гэтым выпадку ўжыванне тэрміну «змешаная павіннасць» вельмі ўмоўнае, таму што памешчык выкарыстоўваў у сваім маёнтку розныя формы эксплуатацыі, а сяляне, кожны паасобку, знаходзіліся не на змешанай павіннасці, а на паншчынай ці аброчнай.

Па вывучаных статутных грамаў памешчыцкія сяляне Магілёўскай губерні мелі да рэформы 1 317 380,5 дзес. зямлі. У надзел жа яны атрымлівалі 1 179 278,5 дзес., г. зн. што ў выніку ўвядзення статутных грамаў іх надзелы зменшыліся на 138 102 дзес., ці на 10,4 %.

Палажэнне ад 19 лютага давала памешчыкам вялікія магчымасці для змянення памераў сялянскага надзелу. Па арт. 17 Мяцовага палажэння сялянам пакідалася ў пастаяннае карыстанне тая колькасць зямлі, якой яны карысталіся да зацвярджэння новага заканадаўства, калі яна не перавышала вышэйшага памеру. Палажэнне ад 19 лютага фактычна заканадаўча замацавала абезземельванне сялян, якое памешчыкі здзейснілі ў дарэформенны перыяд шляхам паўсямеснага павелічэння свайго заворвання за кошт скарачэння сялянскага надзелу. Арт. 18 даваў права памешчыкам адразу ад сялянскіх надзелаў увесць лішак зверху вышэйшай нормы.

У губерні пасля ўвядзення статутных грамаў 117 329 душ (45,1 %) захавалі ранейшыя памеры надзелаў, 122 715 сялян (47,2 %) страцілі частку сваіх дарэформенных надзелаў, г. зн. іх землі адрэзаліся, і толькі 19 983 селяніна (7,7 %) некалькі павялічылі свае надзелы ў параўнанні з дарэформеннымі.

Аналіз статутных грамаў паказаў, што з 117 329 сялян у 36 031 (30,7 %) надзелы аказаліся меншыя за вышэйшую норму. З іх 683 душы атрымалі ў надзел толькі сядзібную зямлю і агароды, а 2137 — да 2 дзес. Захавалі надзелы, роўныя вышэйшай норме, якімі карысталіся да рэформы 72 982 душы (62,2 %). І толькі ў 8316 душ (7,1 %) надзелы перавысілі вышэйшы памер, г. зн. сяляне атрымалі так званыя «дары». У большасці выпадкаў гэта была зямля, якая перадавалася сялянам бязвыплатна. Яна складалася як з «лішкаў» дарэформенных надзелаў, якія перавышалі вышэйшую норму па Палажэнню, так і з зямлі, якую ўладальнікі па розных прычынах прыразалі да сялянскага надзелу, незалежна ад яго памеру. Бязвыплатная зямля не абкладалася павіннасцямі, а значыць, пры выхадзе сялян на выкуп адыходзіла ў іх уласнасць бязплатна. Як правіла, гэта зямля была нізкай якасці і ў асноўным перадавалася сялянам «на размешчэнне неудобных мест», якія ўваходзілі ў надзел. У Быхаўскім павеце ў маёнтку Хамянкі памешчык С. У. Шэміёта пры надзеле сялян зямлэй «отрезал клинами самые лучшие поля и часть лугов, а отдал им в надел огромное пространство никуда негодных зарослей, никогда не бывших в их пользовании»⁶. Ва ўзнагароду да «худой и малопригодной к возделыванию» зямлі паме-

шчык падарыў сялянам 3 дзес. лесу «для построек». Усяго было «падаравана» сялянам 2674 дзес.

У карыстанне сялянам, чые надзелы не змяніліся, было дадзена 507 574 дзес., г. зн. у сярэднім па 4,3 дзес. на 1 рэв. душу, а ў асобных паветах сярэдні душавы надзел складаў ад 3,5 (Мсціслаўскі павет) да 5,6 дзес. (Быхаўскі павет).

Да рэформы ў карыстанні 122 715 сялян, ад надзелаў якіх былі зроблены адрэзванні, знаходзілася 729 199 дзес. прыдатнай зямлі. З гэтай колькасці ў надзел сялянам было дадзена 574 781,5 дзес. прыдатнай і 1778 дзес. «падаравана» асобным сялянам. Такім чынам, адрэзаных зямель па губерні налічвалася 152 639,5 дзес. (20,9 % дарэформеннага сялянскага надзелу), што складала ў асобных паветах ад 15,3 % (Гомельскі) да 27,5 % (Быхаўскі).

Варта адзначыць, што памеры адрэзкаў былі даволі-такі значныя. Так, да 10 % дарэформеннага надзелу яны складалі толькі ў 17,3 % сялян, ад 10 да 20 — у 27,1 %. Больш чым у 37,5 % сялян (46 093 рэв. душы) колькасць адрэзаных зямель перавышала 20 %, а па асобных маёнтках складала 70—80 %. Так, у сялян в. Якушаўка Чэрыкаўскага павета было адрэзана ў выглядзе «залішняй» зямлі больш паловы надзелу (379 дзес. з 739). Сяляне в. Трубільні гэтага ж павета да рэформы мелі 2500 дзес., а атрымалі ад памешчыцы Я. Рыбсан усяго 670,5 дзес.⁷, адрэзана ў гэтым выпадку было 73 % зямлі. Такія ж факты мелі месца і ў другіх паветах губерні.

Адрэзванне аказвала істотны ўплыў на далейшае развіццё як памешчыцкіх, так і сялянскіх парэформенных гаспадарак. Звыш 80 % зямель, адрэзаных згодна 18 арт. мясцовага палажэння, памешчыкі Магілёўскай губерні пасляшліся канфіскаваць. Гэта дазволіла прымусіць сялян працаваць на іх за арэнду зямлі і па-ранейшаму весці гаспадарку на основе адрабятчнай сістэмы. У. І. Ленін лічыў адрэзванне «адным з галоўнейшых (калі не галоўнейшым) базісаў адрабятчнай сістэмы»⁸.

Такім чынам, ад надзелаў амаль 123 тыс. сялян было адрэзана больш за пятую частку іх дарэформеннага землекарыстання. Самы высокі працэнт адрэзвання меў месца ў Рагачоўскім, Чэрыкаўскім і Сенненскім паветах. Надзел памерам, які перавышаў дарэформенны, г. зн. прырэзку, атрымалі 19 983 магілёўскіх сялян. Прырэзкі з боку памешчыкаў былі ў асноўным добраахвотныя, калі памешчык імкнуўся давесці надзел да вышэйшай нормы. Зрэшты, у шматлікіх выпадках і пасля прырэзкі надзелы не дасягалі вышэйшага памеру. Напрыклад, у Гомельскім павеце з 969 душ, якія атрымалі прырэзкі, 809 пасля гэтага мелі вышэйшы памер надзелу, а астатнія 160 — менш вышэйшага. У Магілёўскім павеце 1232 селяніна атрымалі пасля прырэзкі вышэйшы памер, 416 — менш вышэйшага. Такое ж становішча склалася і ў іншых паветах.

Прырэзкі, як правіла, былі невялікія. Да надзелаў 9484 сялян гэтай групы (47,5 %) былі зроблены прырэзкі памерам да 10 %. Калі да гэтага прыбавіць яшчэ сялян, што атрымалі прырэзку памерам 10—20 %, то ўдзельная вага сялян, атрымаўшых прырэзку памерам да адной пятай дарэформеннага надзелу, павялічыцца да 69,9 %.

Усяго ў 19 983 сялян гэтай групы да рэформы было 79 612,5 дзес., г. зн. у сярэднім па 3,9 дзес. на душу. Пасля рэформы ў іх карыстанні засталася 94 104,5 дзес. і 45,5 дзес. было «падаравана» асобным сялянам: у сярэднім па 4,7 дзес. на душу. Прырэзка па губерні, такім чынам, склала 14 537,5 дзес., ці 18,5 %.

Калі даныя аб адрэзванні і прырэзцы аб'яднаць, то мы ўбачым, што ў выніку першага этапу сялянскай рэформы, які характарызаваўся складаннем і ўвядзеннем у дзеянне статутных граматаў, агульная плошча сялянскага землекарыстання зменшылася на 10,4 %, ці на 138 102 дзес. Найменшае скарачэнне сялянскага землекарыстання было ў Мсціслаўскім, Гомельскім і Аршанскім паветах, найбольшае — у Чавускім, Быхаўскім і Магілёўскім. У сярэднім надзел сялян на адну рэвізскую душу скараціўся на 0,6 дзес.

Пасля ўвядзення статутных граматаў у 208 939 душ сялян (80,4 %) зямельны надзел быў роўны вышэйшаму памеру, у 40 241 душы (15,4 %) — менш вышэйшай нормы, і толькі ў 10 847 душ (4,2 %) зямельны надзел перавышаў норму, устаноўленную Палажэннем для Магілёўскай губерні.

Такім чынам, на першым этапе правядзення сялянскай рэформы памешчыкі не толькі замацавалі ў заканадаўчым парадку абеззямельванне сялян, але і зменшылі надзелы больш чым на 138 тыс. дзес., г. зн. на 10,4 % іх дарэформеннага землекарыстання.

¹ Па афіцыйных даных лічылася, што ў губерні было складзена 2082 статутныя граматы. Сучасны даследчык М. Хв. Шпакоў выявіў 2377 грамат (Шпаков М. Ф. Реализация реформы 1861 г. в Могилевской губернии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 564), намі ж знойдзена 2488 грамат.

² Тройницкий А. Крепостное население России по X народной переписи. СПб., 1861. С. 33.

³ ЦДГА. Ф. 3013 (Фонд вотчинного управления Гомельского имения князя Паскевича-Эриванского), воп. 1, спр. 63, арк. 31—35.

⁴ Там жа. Ф. 2014, воп. 1, спр. 93, арк. 2.

⁵ Там жа. Спр. 78.

⁶ ЦГИА СССР. Ф. 577, оп. 19, д. 86, л. 2.

⁷ ЦДГА БССР. Ф. 2014, воп. 1, спр. 234, арк. 4; спр. 547, арк. 38—39.

⁸ Ленин У. І. Творы. Т. 6. С. 113.

Н. А. СМІРНОВ

ДИДРО ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИИ

В сочинениях Дидро просматриваются идеи об исторической эволюции религии, которая развивается в такой последовательности: тензм первобытный — идолопоклонство (фетишизм) — политеизм — монотеизм¹.

Возникновение фетишистских и анимистических представлений он объясняет незнанием естественных законов природы, а также невежеством и страхом. Предположение Дидро о том, что религия в первобытном обществе является культом природы и стихийных сил, в основном верно. В религии первобытнообщинного строя фантастически отражается окружающая человека природа, его бессилие в борьбе с ней.

В объяснении появления политеизма мыслитель опирается на материалистический сенсуализм. В разнообразии действий природы он усматривает фантастические представления людей о боге и ищет земную основу религии. Жизнь богов, по его мнению, мало чем отличается от жизни людей. Человек приписывает богам черты, которые свойственны ему самому. Обосновывая тезис, что «не бог создал людей по своему образу, а люди ежедневно создают его по своему», Дидро отмечает, что в языческой мифологии древних сохраняется еще конкретно-чувственное отношение к богам. Боги представляются людям в живом человеческом облике, который пока не извращен и не мистифицирован до неузнаваемости, как в христианстве².

С утверждением Дидро, что «народ строит свои религиозные верования в соответствии с имеющимися у него представлениями о божестве», тесно связана его идея о том, что представления о боге человек получает по традиции, унаследованной от предков. Подобные представления вытекают из его теории обмана народа служителями религии.

Таким образом, религиозные взгляды передаются из поколения в поколение и некритически принимаются в силу обмана, традиций, воспитания. Это, конечно, идеалистическое объяснение происхождения и сохранения религиозных верований. Дидро имел слабое представление о социально-экономических предпосылках религии. Ограниченный классовыми и историческими условиями, он не понял, что причина существования ложных представлений о тех или иных явлениях природы и общества лежит в низком экономическом развитии периода возникновения тех или иных религий.

Дидро четко осознавал влияние языческих представлений на формирование христианства. Отвергая богословскую трактовку христианства как сочетания человеческой и божественной природы, он подчеркивал, что обожествление Иисуса Христа мало чем отличается от наделения божественными чертами исторических личностей после их смерти. Таким образом, в этом плане христианство мало чем отличается от многобожия языческих культов. Критика христианского догмата о божественной природе Христа подрывала католическую версию истории христианства, стержнем которой является божественный основатель новой религии.

В рассуждениях Дидро о христианской обрядности и догматике раскрывается главная особенность христианства: стремление первых религиозных деятелей приспособить свои представления, законы, обычаи, религиозные обряды к условиям времени. Дидро отмечал синкритический характер христианской истории и отвергал «чистое» первоначальное христианство, осно-

ванное якобы Христом. В действительности первоначальное христианство порвало с иудейством, позаимствовало у языческих народов многие обряды, обычаи, идеи.

Связь фундаментальных принципов христианства и язычества, установленная Дидро, является его несомненной заслугой. Предпосылки теории происхождения христианства, разработанные Дидро, имели гносеологическое обоснование и отражали важный этап познания религии как социального явления. Отметим, что в то время предпосылки мифологической трактовки образа Христа только зарождались и признание возможности его исторического существования было основой различных рассмотрений христианской истории. В противоположность этому сведение образа Иисуса Христа к мифотворчеству создавало предпосылки для опровержения рационалистической концепции первоначального христианства.

Во второй половине XVIII века, когда во французском просветительстве возникает философская идея о необходимой связи религиозных верований с условиями существования людей и теория обмана приобретает антиисторический характер, Дидро закладывает основы новой методологии исследования христианства, которая обосновывала несостоятельность теистической рационалистической концепции первоначального христианства. Особенно важно подчеркнуть, что стремление изучать исторические условия и идейно-теоретические предпосылки возникновения христианской религии явилось важным этапом формирования научных методов критики религии.

Использование теории обмана для решения проблемы возникновения религий, и христианства в частности, вытекало из общеметодологической просветительской предпосылки причинного выведения христианства из единого источника и являлось социально-историческим вариантом космологического доказательства, в основу которого была положена гипотеза исторического существования Христа, основавшего новую религию, отличную от других.

Принимая эту гипотезу в качестве логического допущения, Дидро ясно представлял, что ее основой может быть только непротиворечивое представление о постулируемой причине, т. е. картезианский принцип сведения причинной связи к ясным основаниям, которые лежат в основе онтологического доказательства. Анализ этой предпосылки Дидро осуществил путем рассмотрения догматов, касающихся Иисуса Христа. Дидро сомневается в существовании Христа, а также в том, что христианство выполнило свою миссию. Он подчеркивает, что из всех пророчеств исполнились только те, которые обосновывали несправедливость, гонения, тиранию.

Исследование противоречивого характера священных писаний показало несостоятельность принципов онтологического доказательства для объяснения возникновения христианства. Это предположение подтвердилось и в результате изучения новозаветных книг, в подлинности которых Дидро сомневается.

Таким образом, критика достоверности новозаветного канона была важной предпосылкой научного опровержения концепции первоначального христианства. Подвергнув критике христианское представление о воплощении бога, Дидро исходит из спинозовской трактовки Иисуса Христа, согласно которой в фундаменте становления христианского бога лежит обычное для всех религий обожествление смертных людей.

Раскрыв принципиальную недостоверность священного писания, Дидро доказал ложность христианской религии на основании критики специфических догматов христианства, в том числе и догмата о триничности бога. Анализируя догмат о триничности, мыслитель пришел к пониманию того, что образ триединого бога заимствован из мифов и легенд, а также у Платона, у которого бог выступал под тремя состояниями — благости, мудрости и могущества: «надо сознательно закрыть глаза, чтобы не увидеть в этом христианскую троицу. Около трех тысяч лет назад афинский философ называл логосом то, что мы называем словом»³. Дидро предполагает, что в период становления христианства как религии идея триединого бога не возникла. Однако мыслитель не сумел реконструировать историческое становление догмата о триничности. Он не увидел компромисса между идеей единого бога иудаизма и языческим политеизмом первых христиан.

Суть философских и атеистических взглядов Дидро состоит в критике иллюзорного образа бога, основного объекта поклонения во всех религиях. Опираясь на учение Локка, отрицавшего врожденные идеи, он приходит к выводу о том, что идея бога не присуща человеку, а возникает на определенном этапе человеческого развития. Рассматривая вопрос о возникнове-

нии образа бога у различных народов и в различных религиях, Дидро обратил внимание на то, что в этих образах много общего, так как в основе их создания лежат представления о боге как существе, наделенном качествами, присущими человеку. В языческой мифологии боги представлялись людям в человеческом облике, который лишь впоследствии был мистифицирован христианством.

Идея Дидро заключается в том, что раз человек почитает созданные им самим образы богов, то он всегда будет видеть в боге только человека. И как бы ни стремились возвеличить этот образ, бог всегда останется в сознании верующего только преувеличенным человеком.

Дидро считает, что в образе бога отражается историческое развитие народа. Образы богов могут зависеть и от психического и физического состояния верующего, от его темперамента. «Имеется столько же представлений о божестве, сколько различных темпераментов среди его почитателей, в зависимости от их душевного состояния»⁴. Мыслитель стремится показать, что образ бога является следствием слепого почитания и веры и его можно легко разрушить человеческим сознанием.

Почва для веры в бога создается у людей тогда, когда они не получают ответов на вопросы, которые ставит перед ними жизнь. Эта беспомощность, считает Дидро, уводит человека в мир фантазий и вымысла, но объяснить, как и почему это происходит, он не сумел. Не понял он и того, что идея бога возникает при определенных общественных условиях. «Человек и природа, — писал В. И. Ленин, — существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и забитой массы человечества, суть большая фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя»⁵. Тем не менее Дидро стремился доказать несостоятельность идеи бога. Он вплотную подошел к пониманию христианства как высшей ступени религиозного развития, в которой обожествлен сам человек. Однако Дидро не понял того, что в христианстве человек обожествлен не как существо антропоморфное, а как общественный индивид. Если в первобытном обществе основным источником религии было бессилие человека перед природой, а боги являлись фантастическим отражением в сознании господствующих сил природы, то в классовом обществе источник религии и ее роль существенно изменились.

Дидро не различал религии доклассового и классового общества. Правильно понимая, что бог первобытного человека является фантастическим отражением господствующих над ним сил природы, он вместе с тем не мог понять, что в классовом обществе бог все больше становится фантастическим отражением в сознании человека господствующих над ним социальных сил, что вместе с ростом власти человека над природой растет социальный гнет, который питает и поддерживает религиозные иллюзии.

Попытки Дидро проследить развитие религиозных верований от фетишизма к монотеизму, его атеистические идеи носят рациональный характер. Однако метафизический метод исследования не позволил ему понять истинные корни религии и причины ее развития.

¹ См.: Skrzypek M. Teoria religii Diderota // Ephem. Warszawa, 1980. S. 60—61.

² См.: Дидро Д. Собр. соч. Т. 2. С. 94.

³ Там же. Т. 1. С. 130.

⁴ Там же. Т. 10. С. 137.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 192—193.

А. Т. ПАВЛОВА, А. А. ЛЕВШЕВИЧ

ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ НЕОФАШИСТОВ В ИТАЛИИ

Во второй мировой войне фашизм потерпел сокрушительное поражение. Однако корни его не были окончательно уничтожены. Сегодня фашизм вновь поднимает голову. Партии и группы фашистского толка действуют примерно в шестидесяти капиталистических странах. Буржуазия видит в фашизме важный резерв для борьбы против сил мира, демократии и социализма. Еще В. И. Ленин отмечал, что «...буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство»¹. Ударной силой заправил большого бизнеса в борьбе против прогрессивных сил выступает неофашизм. В новой редакции Программы КПСС

принятой XXVII съездом партии, подчеркнуто: «На политическую арену все активнее выходит неофашизм. Там, где обычные формы подавления трудящихся не срабатывают, империализм насаждает и поддерживает тиранические режимы для прямой военной расправы с прогрессивными силами»².

Авторы статьи поставили цель: выяснить, какие социальные и политические силы стоят за неофашизмом, какова идеология современных неофашистов в Италии.

Неофашистская партия Итальянское социальное движение создана в декабре 1946 года. Она объединила вокруг себя бывших деятелей режима Муссолини. Стремясь замаскировать свою истинную сущность, Итальянское социальное движение определялось как «политическая организация, вдохновляющаяся этической концепцией, стремящаяся защищать интересы и достоинства итальянского народа и осуществлять социальную идею в ее непрерывной исторической преемственности»³.

Десять пунктов программы партии включали требования территориальной целостности Италии, права граждан на труд, участия трудящихся в управлении предприятиями, защиты частной собственности со стороны государства, отмены «чрезвычайного законодательства» (имелось в виду законодательство об удалении бывших фашистов из государственного аппарата).

Неофашисты утверждали, что только их движение способно отражать национальные интересы страны, «освободить мир труда от материалистических учений и поднять принцип социальной справедливости в небо родины»⁴. Неофашисты ратовали за установление в стране авторитарного режима. Их программа была довольно эклектичной. Главной задачей неофашисты считали тогда создание легальной партии. Ставку они делали на мелкую буржуазию, несознательную часть рабочих и крестьян юга Италии.

Неофашистский идеолог Ю. Эвола предпринял критический пересмотр опыта фашистского двадцатилетия в Италии. Причину неудачи итальянского фашизма он видел в том, что тот не сумел полностью воплотить принцип тоталитарного государственного устройства, сохранив партии и профсоюзы, сделав ставку на массовость, в то время как необходимо было опираться на элиту. Вину за неудачу фашистского режима Эвола возлагает на итальянский народ, который из-за склонности к пустой болтовне оказался неспособным к восприятию фашистской доктрины. Описывая обстановку в послевоенной Италии, Эвола пугал соотечественников небывалыми размерами «коммунистической опасности». Он откровенно провозглашал антикоммунизм, призывал вести решительную борьбу за уничтожение демократии и установление новой диктатуры.

В области идеологии неофашисты используют для своих целей ряд идей, лозунгов, символов прошлого «старого» фашизма — «воспитание здорового национального сознания», «дорогу молодежи!», «верить, повиноваться, сражаться!», «видеть Италию великой и уважаемой в мире!». Лозунг «Родина, семья, порядок» стал главным у фашистских ораторов.

Своеобразную интерпретацию приобрели у неофашистов мелкобуржуазные идеи Мадзини о европейской миссии Италии. Согласно этой интерпретации, Европа стоит на пороге новой эры, развитие которой определит Италия. Она уже два раза озаряла путь человечеству: первый раз — в Древнем Риме, который, покончив с язычеством, стал колыбелью современной цивилизации, второй раз — в эпоху Ренессанса. И вот Италия вновь стоит на пороге великой исторической миссии. Именно она приведет современный разобщенный мир к единству.

Прогресс, по Мадзини, осуществляют вожди, ведущие за собой народ. Эти вожди должны быть наделены гениальностью и добродетелью. Снова подняты на щит идеи дуче, который якобы много хорошего сделал для Италии. Резко критикуется упадок национальной нравственности, итальянский провинциализм, «многопартийное хитросплетение», мешающее молодежи продвигнуться вверх по социальной лестнице.

Рекламируется концепция «новой элиты» — добропорядочно дисциплинированной молодежи, противостоящей «негативным фигурам», на которые возлагается ответственность за кризисные явления в итальянском буржуазном обществе. К «негативным фигурам» неофашисты относят представителей прогрессивных сил Италии. Используя социальную неустрашенность молодежи, «черные» радикалы проповедуют «психологию решающего часа», «стратегию напряженности». Много разглагольствуют неофашисты о создании «нового общества», основанного на высшем духовно-нравственном принципе в противоположность «низменному материальному социализму».

Идеолог неофашизма Армандо Плебе в книге под названием «О том, че-

го не понял Маркс» заявляет: «Нет большей глупости, чем равенство. Я ненавижу демократию. Управлять страной должны лучшие, избранные»⁵. Плебе доказывает, что право голоса должно распределяться пропорционально «престижу, деньгам и производительной деятельности индивидуумов». Плебе убежден, что в человеческом обществе существует вечное неравенство.

Плебе обвиняет Маркса в «расизме», поскольку он признает существование «низшей расы» — пролетариата. Он обвиняет марксистов в пренебрежительном отношении к безработным и люмпен-пролетариату. Эта уловка не случайна, ведь неофашизм особую ставку делает на деклассированный люмпен-пролетариат, крестьянство, рабочих юга Италии и лиц, связанных с мафией.

В другой работе «Философия реакции» Плебе стремится доказать ложность понятий «социальный прогресс», «прогресс человеческих знаний». По его мнению, только «мечтательное воображение» способно освободить человека от «чудовищной мысли об историческом прогрессе». История, якобы, больше не существует, она лишь «извращение человеческого ума». Плебе рисует некое идеальное общество, предстающее в виде абстрактного государства, в котором «отсутствуют политические партии и господствуют производственные, корпоративистские отношения, регулируемые группой специалистов-технократов из неофашистской среды»⁶. Здесь прослеживается прямая связь с теорией фашистского «трудового государства» времен режима Муссолини. Оказывается, только в «мечтательном воображении» представителей этого ирреального общества возможен, по утверждению Плебе, прогресс⁷. Основу «философии» Плебе составляет фальсификация прогрессивных учений о человеке и обществе, волюнтаризм в трактовке исторических закономерностей.

Стараясь приспособиться к новым условиям, идеологи неофашизма выдают себя за тех, кто разделяет интересы рядового труженика. В своей пропагандистской деятельности они исходят из учета специфики различных социальных групп, например, обращаясь к студенчеству, они используют возвышенно-романтическую терминологию, с крестьянством они говорят с позиций защиты интересов мелкого собственника, апеллируя к рабочим, используют приемы антикапиталистической демагогии, ловко жонглируя словами и лозунгами.

Говорить о какой-либо целостной идейной платформе Итальянского социального движения невозможно. Идеологии неофашизма характерны эклектичность, многочисленные заимствования из разных источников. П. Тольятти так характеризует фашистскую идеологию: «Что мы обнаруживаем, рассматривая фашистскую идеологию? Всего понемногу. Эта идеология эклектична. Но крайний национализм — повсюду составная часть идеологии всех фашистских движений. Наряду с национализмом в этой идеологии есть и многочисленные заимствования из других идеологий. В частности, из социал-демократической»⁸.

Фашистскую идеологию нельзя рассматривать и как нечто устоявшееся, законченное. «Ничто так не похоже на хамелеона, как фашистская идеология. Нельзя рассматривать фашистскую идеологию в отрыве от конкретной цели, которую фашизм намеревался достичь в определенный момент с помощью определенной идеологии»⁹.

В современных условиях неофашизм приобрел ряд таких новых черт, как более широкое использование псевдореволюционной риторики, иррационалистических высказываний, мистических построений, стал более изощренным и коварным.

Неофашисты продолжают свою преступную деятельность по дестабилизации Италии, хотя общественность страны все больше втягивается в борьбу с ними. Возникает вопрос, какие причины способствуют существованию фашизма в Италии?

Этому в решающей степени способствует резкое обострение кризисных явлений в жизни итальянского буржуазного общества, участвовавшие экономические спады, разорение мелких и средних собственников, дегенерация государственных институтов и падение доверия к ним, тяга у правящих классов страны к авторитарным методам правления. Это и безработица, которая приняла размеры национального бедствия, особенно сильно поразив районы к югу от Рима, где нередко на одно рабочее место претендуют тысячи кандидатов¹⁰. Многие юноши и девушки по своим реальным доходам находятся ниже официальной черты бедности. Попытки часто сменяющихся правительств решить острые социальные проблемы оказываются неэф-

фективными. Все это вызывает у части молодежи чувство неудовлетворенности, неверия в свои силы. Исчезают надежды, не видно никакого просвета впереди. Вынужденное безделье порой заставляет искать выход энергии на улице.

Работающая молодежь подвергается жестокой эксплуатации и дискриминации в оплате труда. В обществе возникла проблема «реконверсии», углубляется кризис образования. Сотни тысяч юношей и девушек Сицилии, Калабрии, Апулии, Кампаньи неграмотны. Всем этим стремятся воспользоваться «черные» экстремисты из «Национального авангарда» и подобных им группировок. Используя псевдореволюционную риторику, они демагогически обещают молодежи легкое решение трудных проблем.

Большую помощь ультраправые получают от монополистической буржуазии, рассматривающей их в качестве союзников по борьбе с прогрессивными силами. На мельницу антифашистов льют воду левые из «Красных бригад», буржуазные социологи, поклонники «суперидеологизации», распространяющие различного рода клеветнические домыслы в молодежной среде.

Неофашисты активно выступают против мирного сосуществования государств с различным общественным строем, против разрядки международной напряженности, смыкаясь с воинствующими милитаристами.

С начала 80-х годов монополисты, опираясь на ультраправых и ультралевых экстремистов, мафию, реакционеров из государственного аппарата, под громкими лозунгами «модернизации», «новой государственности» перешли в новое наступление на права трудящихся.

Прогрессивные силы страны выдвинули концепцию «демократической альтернативы» — объединение демократической общественности для отражения наступления реакции. В современных условиях необходима широкая мобилизация передовых сил страны, активизация их действий и единство для того, чтобы дать отпор неофашистской опасности. Большую работу в этом направлении проводит Итальянская Коммунистическая партия и Итальянская федерация коммунистической молодежи, которые действительно отстаивают интересы трудящейся и учащейся молодежи, ее права.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 166.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 131.

³ Giovana M. Le nuove camicie nere. Torino, 1966. P. 48.

⁴ Ibid. P. 55.

⁵ Espresso. 1972. 30 jan. P. 12.

⁶ Филатов М. Н., Рябов А. И. Фашизм 80-х. Алма-Ата, 1983. С. 130.

⁷ Там же. С. 132.

⁸ Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974. С. 16.

⁹ Там же. С. 17—18.

¹⁰ См.: L'Unita. 1986. 8 jun.

А. В. БАРКОВСКАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ В БУРЖУАЗНОЙ «ФИЛОСОФИИ НАУКИ»

Проблема соотношения философского и научного знания нашла специфическое отражение в идеалистической традиции. Так, на осмысление результатов научной революции, породившей дисциплинарное естествознание (первая половина XIX века), претендовал ранний позитивизм. Эмпириокритицизм пытался представить свои идеи в качестве философской основы естествознания периода перехода к неклассическому этапу его развития. Постпозитивистская тенденция в современной буржуазной философии осмысливает сущность НТР. Важную роль в современной западной философии науки играют также такие сциентистские течения, как структурализм Дж. Снуда и В. Штегмюллера и концепция «финализированной науки» Штарнбергской группы. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы проследить динамику моделей теоретического знания, предлагаемых представителями всех названных направлений.

В период становления дисциплинарного естествознания, когда возникла настоятельная необходимость в новой, отличной от натурфилософской, методологической программе, естествоиспытатели заинтересовались идея-

ми раннего позитивизма. Прежде всего их привлекали энциклопедический характер предпринятого позитивизмом обобщения научных достижений, попытка применить исторический подход к познанию, стремление сформулировать основные принципы конкретно-научной методологии. Именно в это время О. Конт отмечает необходимость для научного познания не только опытных данных, но и определенной теории, выражающей реальные связи между фактами. Такая теория могла быть, по его мнению, создана лишь в XIX веке, когда естествознание, отказавшись от прежних «метафизических попыток познания внутренних причин явлений»¹, приходит к «позитивному состоянию». Конт считает, что такого рода теории уже созданы или создаются в различных отраслях естествознания и лишь «социальные явления еще не вошли в сферу позитивной философии»². Этот единственный «пробел» должен быть заполнен в будущем созданием теории «социальной физики», построенной по образцу теорий естествознания.

Цель позитивного познания Конт выразил в известном тезисе — знать, чтобы предвидеть и на этой основе активно вмешиваться в ход событий. Данный тезис, выражающий сущность любой подлинно научной теории, теряет, однако, свой эвристический потенциал в интерпретации Конта: предвидение явлений как функция научной теории основывается не на познании их внутренней природы, а лишь на установлении их эмпирической последовательности. Предметом познания оказываются поэтому лишь внешние связи явлений, выражающиеся с помощью некоторой функциональной модели, из которой элиминированы все причинные зависимости. Подобное феноменологическое понимание сущности научной теории имеет определенные предпосылки. С одной стороны, оно является данью довольно старой традиции: еще в древнегреческой астрономии появилась тенденция считать ее целью «не открытие реального механизма движения планет, ...а только лишь описание феноменов»³. С другой, — образом позитивной теории для Конта была современная ему классическая термодинамика, имевшая феноменологический характер.

Наиболее сильно субъективно-идеалистическая традиция позитивизма проявилась в его второй исторической форме — махизме, философская активность которого приходится на период научной революции конца XIX — начала XX века. Последняя показала недостаточность феноменалистской методологии и выдвинула в центр философского анализа ряд проблем, связанных с выяснением статуса и логической структуры естественнонаучной теории, исследованием ее исходных принципов и посылок. Иными словами, естествознание нуждалось в такой методологии, которая позволила бы определить принципы построения логически непротиворечивой теории и эксплицировать ее связи с другими теоретическими концепциями. На создание подобной методологии и стал претендовать махизм.

Пытаясь решить коренную проблему научной теории — проблему эмпирического обоснования, Мах и Авенариус, в сущности, обходят эту задачу, предлагая свести теорию к экономному описанию данных опыта. При этом из принципа «экономии мышления» следует, что научные теории лишены объективного содержания, они — продукты ума, созданные лишь для удовлетворения потребностей субъекта. Из них, далее, должны быть устранены те «метафизические» абстракции, которые не находят непосредственного подтверждения в реальном опыте (например, «закон», «причинность», «атом»). В итоге махисты абсолютизируют момент субъективности в познании, стирают различие между объектом и его теоретическим образом, признают только условность и относительность знаний. Махистами упускается из виду, что «человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» и поэтому в их методологии теории предстают только как «символы, знаки, отметки для практики»⁴.

Вместе с тем махистская концепция научного знания провозгласила относительность научных понятий и теорий, что отвечало революционному духу развивающегося естествознания и привлекало некоторых ученых-естествоиспытателей, в частности П. Дюгема, А. Пуанкаре. Так, Дюгем, учитывая, что новейшая революция в физике выявила «ненаглядный» характер микрообъекта и поставила проблему его абстрактно-математического описания в корреляции с наблюдаемыми в эксперименте данными, предложил новую методологию построения физической теории. В качестве основных операций этой процедуры он выделяет следующие:

1) определение и измерение физических величин; 2) выбор гипотез; 3) математическое развитие теории; 4) сравнение теории с опытом⁵. Однако эти правомерные предположения Дюгема в значительной мере обесцениваются тем, что в решении методологических вопросов он исходит из тех же гносеологических установок позитивизма. В частности, проблема истинности теории у него, по существу, «вырождается» в задачу согласования формализованного описания и чувственных данных. В результате Дюгем приходит к представлению об «экономном» математически-описательном характере физической теории как ее идеале.

В начале XX века стала очевидной неадекватность методологической позиции махизма новым тенденциям развития естествознания. Сама физика показала ограниченность феноменалистской трактовки научной теории и недостаточность предлагаемых махистами познавательных средств для решения проблем, возникших в результате становления и развития теории относительности и квантовой механики, отвергнув тем самым и предложенный ими идеал теории. На решение этих методологических задач начал претендовать неопозитивизм, предлагая как новые способы их осмысления, так и новый идеал структуры и организации теоретического знания.

Реальный контекст формирования идей неопозитивизма составили успехи математики и логики, попытка решить логическим путем парадоксы теории множеств, программа редукции математики к логике. Основная методологическая концепция неопозитивизма выражалась в тезисе о бессодержательности положений логики и математики и о сводимости содержания теоретических утверждений к констатации эмпирических данных, ориентировала на абсолютизацию формально-логических аспектов научной теории. Отсюда единственным возможным идеалом знания полагается формализованная теория, а абсолютным приемом научного исследования — логический анализ.

Наиболее слабыми пунктами в этой трактовке научной теории оказались, как отмечают сами представители буржуазной «философии науки», преимущественное внимание к анализу формальной структуры научной теории и дихотомия теории и наблюдения. Крайний гносеологизм, начисто исключавший онтологическую проблематику, увлечение процессом формализации научного знания, элиминация мировоззренческих и философских принципов, существенных для анализа сущности и генезиса теории, а именно: отрицание объективной реальности, отождествление понятий теории с ее объектами, — неизбежно привели неопозитивизм к стиранию грани «между теорией науки, приблизительно **отражающей объект**, т. е. приближающейся к объективной истине, и теорией произвольной... чисто условной»...⁶ Поэтому его основа (несмотря на провозглашенную необходимость кардинальных перемен в обосновании научного знания) осталась неизменной, что не могло не сказаться на результатах исследования механизмов организации и развития научной теории.

Научно-техническая революция XX века по-новому поставила проблему взаимодействия науки и общества и выделила социальный контекст научного знания. Изменение облика науки, ее познавательных средств и характера взаимосвязей с практикой потребовали исследования динамики теоретического знания и поэтому формирующийся постпозитивизм перешел (в отличие от своих предшественников) к междисциплинарным и историко-культурным моделям (работы Т. Куна, С. Тулмина, П. Фейерабенда, позднего Поппера). Новый методологический подход к научной теории характеризуется ориентацией на преодоление абсолютистской модели научного знания путем дополнения ее формально-логического исследования содержательным анализом. Сущность этого подхода заключается в следующем: 1) признание большого значения мировоззренческих и философских концепций для развития теоретического знания; 2) исторический анализ научных теорий; 3) исследование не отдельно взятой теории, а более или менее целостной системы теорий; 4) выявление социальной детерминации теоретического знания и его связей с процессами НТР (в полной мере это характерно для работ Г. Бёме, В. Деле и других представителей Штарнбергской группы).

Несомненным достоинством этой концепции выступает анализ научной теории как элемента более общих систем знания. Это позволило постпозитивизму продвинуться вперед в решении проблем развития теорий, поставить вопрос о механизмах замены одной концептуальной системы другой и выявить необходимость анализа взаимосвязи между этими

системами. В то же время эти вопросы не получили достаточно обоснованного решения из-за непродуктивности исходных методологических установок — феноменализма, конвенционализма и релятивизма. Поэтому возникает новый подход, реализуемый в «структуралистской концепции», поставившей задачу пересмотреть традиционные способы анализа структуры теорий и раскрыть новые возможности изучения их динамики. Для этого Дж. Свид и В. Штегмюллер предлагают рассматривать научную теорию как определенную целостность (систему), состоящую из «ядра» (математической структуры) и множества его «подразумеваемых» применений. Последние составляют исследуемый фрагмент реальности, который задает эмпирическое содержание теории. Если в развитии знания осуществляется редукция теории по отношению к вытесняющей ее новой теоретической системе, то имеет место «разветвленная» цепь революционных преобразований, поскольку возможны различные направления редукции, зависящие от ценностных ориентаций ученого. Для выбора более прогрессивной теории необходимо дополнить логико-методологический анализ «теорией рациональных решений». Правда, в этой концепции не указаны конкретные пути создания такой теории, что дает возможность толковать рациональность в самом широком смысле. Данный подход к теории допустим лишь в ограниченных рамках формально-логического исследования и нуждается в дополнении его анализом социальных факторов развития научного знания.

В этой связи значительный интерес представляет концепция «финализированной науки», развиваемая Штарнбергской группой. В ней по-новому освещается проблема социальной детерминации научного знания и его связи с процессами НТР. Формирование теорий под влиянием внешних условий (что осуществляется не всегда), с точки зрения ее авторов, составляет суть финализации. Предлагается трехстадийная модель эволюции научного знания: на первой стадии (предтеоретической) превалируют эмпирические методы и способы описания отбора данных. На второй (парадигматической) осуществляется построение теории. На третьей (постпарадигматической стадии) происходит перенос акцента с внутринаучных факторов формирования теории на внешние цели, которые выполняют роль регуляторов дальнейшего развития теории. Это уже особый способ теоретического развития под определяющим влиянием общественных целей, практики, а не внутринаучной смены парадигм.

Рациональное содержание этой концепции состоит в том, что она не удовлетворяется эмпирическим описанием соотношения науки и общества. В ней акцентируется внимание на корреляции теоретических структур с общественными интересами и проводится историко-социологическая реконструкция науки⁷. Однако нечеткость в понимании основных дефиниций, объекта финализации, критериев теории не позволяет выявить реальный результат предлагаемой концепции и искажает ее смысл. Тем не менее концепция финализации представляет собой заметный шаг в направлении экспликации сложных механизмов динамики теоретического знания.

В заключение следует отметить, что, несмотря на наметившийся прогрессивный сдвиг в исследовании динамики научной теории, буржуазные концепции теоретического знания не отличаются той принципиальной новизной, на которую они претендовали. Их близость обнаруживается в самом методологическом подходе к научной теории: они отрицают объективную истину как цель научного исследования и становятся тем самым на позиции релятивизма и прагматического инструментализма. Кроме того, задача состоит не только в том, чтобы подметить отдельные аспекты динамики теоретического знания, но и объяснить целостный механизм его концептуальных трансформаций и функционирования. Эти замечания особенно важны в мировоззренческом плане, поскольку абсолютизация отдельных методик изучения научной теории приводит к забвению диалектики их взаимосвязи и в конечном итоге к отрицанию объективной реальности как источника теоретического знания. Правда, в последнее время в буржуазной «философии науки» наметился некоторый поворот к признанию объективно существующего мира. Это признание, однако, остается формальным: например, И. Ниинилуото в поисках критерия выбора теории обращается не к объективному миру, а к понятию «правдоподобия»; Поппер же, допуская объективную реальность, отрицает объективность содержания научных теорий⁹. Подобная непоследователь-

ность затрудняет выявление конкретных механизмов динамики научной теории в социокультурном контексте. Решение этих задач возможно лишь на основе диалектико-материалистического анализа феномена научной теории.

¹ Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии. М., 1971. Т. 3. С. 554.

² Там же. С. 563.

³ Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 22.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 190; Т. 18. С. 271.

⁵ См.: Дюгем П. Физическая теория, ее цель и строение. СПб., 1910. С. 29.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 329.

⁷ См.: Федотова В. Г. Штарнбергская группа (ФРГ) о закономерностях развития науки // Вопросы философии. 1984. № 3.

⁸ См.: Ниинилуото И. Понятие прогресса // Философские науки. 1981. № 5; Поррет К. R. Realism and the aim of Science // Postscript to Logic of sci. discovery. Hitchinson, 1983. V. 1.

Е. И. ЯНЧУК, Е. Н. БАЛЫКИНА

ОБ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭВМ В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В КУРСЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Компьютеризация учебного процесса — одно из требований перестройки высшего и среднего специального образования. Использование электронно-вычислительной техники позволяет значительно повысить эффективность различных технических средств обучения (ТСО)¹. Внедрение ЭВМ в учебный процесс привело к созданию специфического вида ТСО — автоматизированных обучающих систем (АОС). АОС — это человеко-машинный комплекс, работающий в диалоговом режиме и предназначенный для управления познавательной деятельностью студента в процессе обучения. И если при организации учебного процесса в преподавании естественных и технических дисциплин ТСО такого рода используются достаточно широко, то в преподавании общественных наук крайне редко. Цель этой статьи — рассказать об опыте организации самостоятельной работы студентов по изучению марксистско-ленинской философии с привлечением ЭВМ.

Причины слабой компьютеризации учебного процесса в преподавании общественных дисциплин различны. В первую очередь следует отметить объективные трудности использования ЭВМ. Так, учебный материал по философии с трудом поддается формализации. Даже история в этом отношении находится в несколько лучшем положении, так как ее материал, включающий в себя даты, имена, события и т. п., легче использовать для составления программированных заданий. Вопросы же по философии не только в меньшей степени поддаются формализации, но и ответы на них принимают развернутую, свободно конструируемую форму. А это с неизбежностью требует учета при составлении программы как можно большего числа вариантов ответов: синонимичных, неполных, требующих уточнения и т. п. К трудностям объективного характера следует также отнести и недостаточную оснащенность вузов соответствующей техникой.

Следует также указать и на субъективные причины слабого внедрения ЭВМ в учебный процесс преподавателями-обществоведами. Среди них, к сожалению, еще бытует предвзятое, негативное отношение к применению ЭВМ в учебном процессе. При этом нередко предъявляют к компьютерной технике некомпетентные требования, когда не учитывают, что машина не заменяет живое слово педагога, живое общение преподавателя со студентами, а лишь дополняет его.

Было бы ошибкой переложить весь учебный процесс на ЭВМ. На наш взгляд, необходимо комплексное использование ТСО различного рода, средств наглядности, разумное их сочетание с традиционно организованным учебным процессом.

Основным методическим принципом применения АОС в настоящее время как раз и является совместимость автоматизированного обучения с традиционным. Требуются такие технические средства, которые могли бы взять на себя ряд механических функций процесса обучения.

На современном этапе развития АОС применяются в основном для формирования умений и навыков, т. е. преимущественно на занятиях практического характера, как индивидуальные средства обучения, ориентированные именно на самостоятельную работу обучаемого. При обучении с помощью ЭВМ самостоятельную работу можно сделать не только **оперативно контролируемой**, но и **управляемой**. АОС также дает возможность регистрировать все этапы и результаты учебной деятельности студентов. Среди достоинств АОС — постоянный контакт обучаемого с вычислительной техникой и программным обеспечением, что необходимо для будущих специалистов всех отраслей народного хозяйства. Перед высшей школой поставлена «задача не только подготовить каждого выпускника вуза к профессиональной деятельности на автоматизированном рабочем месте, но уже в процессе обучения в полной мере поставить информатику и электронику на службу повышения качества учебных занятий. Развитие автоматизированных обучающих систем и информационно-вычислительных сетей коллективного пользования, создание банков знаний, расширение доступа к ним благодаря оснащению вузов персональными компьютерами, развертыванию в аудиториях и на кафедрах, в библиотеках и общежитиях абонентских пунктов ЭВМ позволит студентам заниматься продуктивно, будет способствовать формированию у них новой культуры научно-технического мышления, овладению ими методами системного анализа и моделирования, навыками оперативной обработки больших объемов информации»².

Предпринятая нами попытка создания автоматизированного учебного курса (АУК) предполагает использование его для организации и контроля самостоятельной работы студентов по изучению марксистско-ленинской философии³. Наш АУК не подменяет лекций, семинарских занятий или изучения первоисточников, а выступает как дополнительная форма обучения. Занятие по теме «Философия, ее предмет и роль в обществе» рассчитано в среднем на два часа индивидуальной работы каждого обучаемого. Программа линейная. Подача вопросов — последовательная, соответствующая логике изложения и усвоения темы.

Тема «Философия, ее предмет и роль в обществе» избрана нами не случайно. Эта вводная тема играет очень важную роль в дальнейшем усвоении курса диалектического и исторического материализма. Именно здесь студент знакомится с основными понятиями и категориями философской науки: основной вопрос философии, материализм, идеализм, агностицизм, диалектика, метафизика.

Для подготовки сценария АУК была использована учебная, методическая, справочно-энциклопедическая литература по диалектическому материализму. Подобранные вопросы были апробированы в виде 50 письменных контрольных работ. Это позволило выявить понимание студентами самой формулировки вопросов, а также выяснить характер ответов. Подготовленный таким образом курс отработан на занятиях со студентами дневного и вечернего отделений, а также со слушателями ИПК преподавателей кафедр общественных наук при БГУ имени В. И. Ленина (всего 29 групп). Отметим, что корректировка программы продолжается в течение всей ее эксплуатации.

Занятие включает 35 вопросов. Их условно можно разделить на четыре группы сложности. К первой группе мы относим вопросы, требующие выбора ответа из ряда предложенных вариантов. Конечно, для такого рода вопросов не нужна дорогостоящая техника, да и в целом методисты, педагоги отрицательно относятся к такому рода «программированным» вопросам. Однако практика показывает, что студенты, довольно успешно справляясь с этой группой вопросов, получают как бы временную «передышку», что способствует психологической разрядке в целом. Можно привести конкретные примеры таких вопросов из АУК.

Вопрос 06. Какое из двух высказываний вам кажется истинным?

1. Философия развивается в той мере, в какой она использует достижения науки и практики, обобщает их опыт. 2. Философия должна развиваться безотносительно к достижениям других наук и общественной практики. Введите номер правильного ответа. Или **вопрос 29.** Прочтите предложенные вашему вниманию положения и назовите номера тех из них, которые раскрывают сущность социальных корней идеализма. 1. Слабость дикаря перед силами природы. 2. Отрыв ощущений от объективной реальности. 3. Возникновение антагонистических классов.

4. Разделение труда на умственный и физический. 5. Абсолютизация отдельных сторон познания. 6. Возникновение эксплуатации человека человеком. 7. Частная собственность на средства производства. 8. Противоречивый характер познавательной деятельности человека. 9. Стихийный характер развития антагонистических формаций. Такого рода задания составляют в нашем АУК примерно 8 % от общего числа вопросов.

Вторая группа вопросов требует краткого, предельно сжатого (из одного или двух слов) ответа. Они составляют около 40 % заданий. Приведем примеры. **Вопрос 04.** Назовите две главные функции философии. **Вопрос 12.** Какие основные направления в философии вам известны? **Вопрос 22.** Какие основные формы идеализма вы знаете?

К третьей группе мы отнесли более сложные вопросы (их около 30 %), которые требуют свободно конструируемых ответов. Например, **вопрос 08.** В чем состоит основной вопрос философии? **Вопросы 10 и 11.** Сформулируйте первую и вторую стороны основного вопроса философии. **Вопрос 13.** Что следует понимать под агностицизмом? **Вопрос 33.** Что следует понимать под партийностью философии? К четвертой группе отнесены вопросы, связанные с анализом текстов (20 %). Именно их, на наш взгляд, можно охарактеризовать как практические задания. Они помогут студенту апробировать свои теоретические знания, перевести их из состояния «мертвого груза» в форму активного знания.

После прохождения АУК обучаемый на экране дисплея, а преподаватель на АЦПУ (алфавитно-цифровом печатающем устройстве) получают протокол занятия, включающий фамилию, инициалы студента, его курс и группу, дату и тему занятия, режим работы: самообучение или самоконтроль, соотношение верных и неверных ответов, оценку, если это контроль. Преподаватель дополнительно получает также и тексты верных и неверных с точки зрения ЭВМ ответов, время обдумывания каждого ответа в секундах и с какой попытки ответ получен. Протокол достаточно компактен и занимает не более одной страницы.

На основе составленного АУК нами был проведен эксперимент, целью которого стало сопоставление эффективности самостоятельной работы студентов по двум различным методикам: традиционной (подготовка дома, в библиотеке) и с привлечением ЭВМ (в классе АТОС). В эксперименте участвовали студенты второго курса дневного отделения химического факультета. Они были поделены на две равноценные группы: экспериментальную и контрольную. Основанием для выделения этих групп послужили результаты двух последних сессий. Обе группы прослушали лекции по теме «Философия, ее предмет и роль в обществе», с ними были проведены семинарские занятия. После этого контрольная группа студентов получила перечень вопросов из АУК для проработки по традиционной методике. Им предлагалось после прочтения материала учебника ответить на как можно большее число вопросов, не прибегая к учебнику, и отметить затраченное на каждый вопрос время. Задания, вызвавшие затруднения, разрешалось еще раз проработать по учебнику. И только после этого на них нужно было дать ответы, также отметив затраченное на них время.

Экспериментальная группа студентов прорабатывала те же вопросы в режиме самообучения (тренажа) в классе АТОС. По завершении обучения обе группы проводили контроль своих знаний. Студенты контрольной группы выбирали наугад 12 вопросов, отметив результат и продолжительность контрольной работы. Студентам экспериментальной группы ЭВМ предлагала ответить на 12 случайно выбранных вопросов в течение ограниченного времени (30 мин) и оценивала уровень их знаний. Следующим этапом эксперимента стал письменный опрос обеих групп в виде контрольной работы по тем же самым вопросам.

В итоге эксперимент показал, что группа, изучавшая вопросы с помощью АУК, написала итоговую контрольную работу лучше группы, занимавшейся по традиционной методике. Студенты контрольной группы (24 человека, ответивших на 840 вопросов) сделали 78 ошибок, в то время как студенты экспериментальной группы (20 человек, ответивших на 700 вопросов) — всего 24 ошибки. Удельная ошибка составила 3,25 в первом и 1,2 во втором случаях. Можно подсчитать процент ошибок по отношению ко всем предложенным вопросам: 5 % для контрольной группы и 1,6 % для экспериментальной.

Таким образом, наш опыт использования ЭВМ в организации само-

стоятельной работы студентов показал эффективность новой методики, возможность ее использования как дополнительного средства обучения и контроля знаний.

¹ См.: Комплексное применение технических средств обучения в преподавании общественных наук. Минск, 1986.

² Я г о д и н Г. А. Перестройка высшей школы и непрерывное образование // Политическое самообразование. 1986. № 7. С. 40.

³ См.: Я н ч у к Е. И., Б а л ы к и н а Е. Н. Проблема организации автоматизированного обучения в курсе «Философия» // Тез. докл. на межзон. научно-методич. конф. «Применение автоматизированных обучающих систем в учебном процессе». Минск, 1984. С. 195.

В. А. ПОЛИКАРПОВ

ПРИНЦИП ДИАЛОГА В ЭМПИРИЧЕСКОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Диалогический принцип построения социологической анкеты. Социологическая анкета как инструмент научного исследования может быть подвергнута критике по крайней мере по трем позициям. 1. Будучи посредником диалога между исследователем и респондентом, генерируя у респондента диалогическую речь (которая часто определяется как ответы на вопросы), она в то же время наличием вариантов ответов и заданной последовательностью вопросов сводит к минимуму возможность появления ремы высказываний, которая в живом полноценном диалоге становится основным предметом обсуждения, после того как объект разговора (тема) уже известен. 2. М. М. Бахтин определяет диалог как взаимодействие не сводимых одна к другой смысловых позиций. Диалог в чистом виде, как только вербальное общение, лишенное даже паралингвистических компонентов (а именно таким является диалог, опосредованный письменной речью), становится психологическим эквивалентом общественных отношений. Поэтому столкновение «говорящих позиций» может порождать новые смыслы, хотя общающиеся индивиды и не совершают реальные действия — основу динамики всякой денотации. (Также происходит и в художественном произведении, где сюжет может разворачиваться из взаимодействия «точек зрения», «говорящих позиций», персонафицированных героями произведений). Социологическая анкета, оставляя только одну смысловую позицию активной (вопросы формулирует исследователь), во многом генерирует вторую смысловую позицию, предлагая варианты ответов и структуру вопросов. В итоге, лишаясь активности, вторая смысловая позиция (не генерированная, а подлинная точка зрения респондента) закрывается, во многом остается невыраженной, недоступной для исследователя. 3. Всякое сознание диалогично, и только в ситуации диалога (внутреннего или внешнего) интенсифицируется его творческая активность. Состоящая из вопросов и заданий респонденту анкета нарушает правила диалога и исключает творческое обсуждение изучаемой исследователем проблемы. В то же время респондент все чаще рассматривается как источник информации об изучаемом объекте, а не как просто носитель мнения.

Можно было бы привести еще несколько аргументов, дополняющих критику социологической анкеты как инструмента получения научной информации. Так, например, известно, что во время ответа на вопрос мотив, побуждающий к высказыванию, заключен не во внутреннем замысле субъекта, а в вопросе спрашивающего. Следовательно, в этом случае говорящий может обходиться и без собственного мотива высказывания. Таким образом отсекается значительный пласт информации — отношение респондента к теме исследования.

Совершенствование анкетного метода, на наш взгляд, должно идти по пути приближения ситуации заполнения анкеты к ситуации диалога. Для этого мы предлагаем использовать так называемую «диалогиче-

скую анкету». Ее первые варианты разработаны и опробованы группой проблем самореализации личности Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ им. В. И. Ленина. (Работа над диалогическим методом конструирования социологического инструментария ведется с 1984 года).

Прием обратного вопроса в социологической анкете. В основе диалогического построения социологического инструментария (не только анкет, но и социологических тестов и интервью) лежит так называемый прием обратного вопроса. В социологической анкете он может быть использован как самостоятельное задание или как основа ее диалогического построения.

В соответствии с приемом обратного вопроса респонденту предлагается выбрать себе любого адресата и задать ему вопрос по наиболее волнующей проблеме. В результате открывается возможность установить проблемы наиболее актуальные для респондента и субъекта, от которого он ждет их решения и на которого возлагает ответственность. Можно приблизить такой прием к задачам конкретного исследования. Респонденту предлагается задать вопрос специалисту или ряду специалистов различных профилей, имеющих отношение к изучаемой проблеме и способных квалифицированно на него ответить. По характеру вопросов респондентов может быть установлена степень их заинтересованности в решении изучаемой проблемы, оценка прилагаемых усилий по ее преодолению, степень доверия к специалисту, представляющему тот или иной социальный институт, наиболее волнующие респондента аспекты затронутой проблемы. В качестве адресата обратного вопроса может быть руководитель того или иного уровня из любой сферы жизнедеятельности общества или субъект, персонифицирующий то или иное идейное течение, ту или иную социальную деятельность. В силу того, что в вопросах, задаваемых респондентами, отражается их отношение к адресату, мы считаем целесообразным заканчивать анкеты и интервью предложением респонденту обратиться с любым вопросом к организаторам исследования.

В первом приближении информация, полученная вследствие применения приема обратного вопроса, обрабатывается примерно так же, как и открытые вопросы. Вопросы респондентов классифицируются и кодируются, вслед за этим производится табулирование и статистический анализ. В случае получения от респондентов больших текстов возможна их обработка методом контент-анализа, основные категории, единицы анализа и единицы счета, а также примерные таблицы которого разработаны автором. Наш опыт показывает, что наиболее эффективной процедурой подсчета при таком контент-анализе является применение формулы коэффициента Яниса. для случаев, когда число положительных оценок превышает число отрицательных:

$$c = (f^2 - f \cdot n) / (r \cdot t)$$

и когда число отрицательных оценок превышает число положительных:

$$c = (f \cdot n - n^2) / (r \cdot t),$$

где f — число положительных оценок, n — число отрицательных оценок, r — объем содержания текста, имеющего отношение к изучаемой проблеме, t — общий объем анализируемого текста.

Возможны, разумеется, и другие варианты. Однако более глубокий анализ обратных вопросов предполагает специальную процедуру, основанную на знании эротетической логики¹.

Логические основания анализа данных. Основными являются следующие понятия эротетической логики. Они определяют содержательный анализ получаемых в ходе анкетирования обратных вопросов. Структура вопроса: 1) наличие некоторого знания в виде предпосылки вопроса, 2) искомое, т. е. то, на что направлен вопрос, 3) характер требования перехода от данного вопроса к искомому. Типы вопросов:

4) вопросы к решению (их разновидностью являются дихотомические вопросы: «да или нет?»), 5) вопросы к пополнению. Типы возможных ответов: 6) соответственные, 7) соответственные непосредственные, 8) соответственные опосредованные, 9) непосредственные полные, 10) непосредственные частные. Предпосылки вопроса (убеждения в существовании хотя бы одного истинного соответственного ответа на вопрос или хотя бы одного ложного соответственного ответа): 11) позитивная, 12) негативная. Типы проблем (вопросов, ответы на которые пока не известны обществу и способ получения которых не найден): 13) мнимые; их разновидности: 14) уже не проблема, 15) еще не проблема, 16) всегда псевдопроблема; 17) подлинные. 18) Уровень энтропии вопроса (чем больше энтропия вопроса, тем больше информации должен содержать ответ). 19) Область поиска ответа, на которую указывает вопрос.

При анализе, например, пункт 1) требует эксплицировать исходное знание спрашивающего, пункт 4) указывает на заинтересованность спрашивающего в получении ответа, пункт 11) на убеждение в компетентности адресата, доверие к адресату, пункт 14) на низкую информированность, слабую включенность в происходящие в обществе обсуждения.

Очень важным в анализе является применение процедур редукции вопросов к суждениям и исчисления вопросов. Исчисление вопросов позволяет значительно увеличить количество полученной информации и, в известной степени, прогнозировать диалог.

Исчисление вопросов основано на применении более общего, чем «истинно» («ложно») оценочного предиката «правомерно» («неправомерно»)² и базируется на выражении:

$$?(P_1, \dots, P_n) \leftrightarrow P_1 \wedge \dots \wedge \bar{P}_n \vee \dots \vee \bar{P}_1 \wedge \dots \wedge P_n,$$

где ? — оператор вопроса; P, P_1, P_n — суждения; $\wedge, \vee, \leftrightarrow, \dots$ пропозициональные связки: и, или, если и только если, отрицание. В этом определении знаком интеррогативной эквиваленции ($\leftrightarrow$) соединены вопрос и его предпосылки. Приведенное выражение дает еще несколько определений, позволяющих доказать ряд теорем, на основе которых возможно составление программы для ЭВМ.

Психологические основы анализа данных.

Сказанное выше относительно анализа результатов применения обратного вопроса необходимо, но не достаточно для анализа данных собственно диалогической анкеты. Анкета строится как обсуждение текста (даваемого отрывками), содержащего изложение изучаемой проблемы. Наряду с вопросами об отношении к проблеме респондентам предлагается задать вопросы предполагаемому автору текста, написать, какой они ожидают от него ответ. Нами в специально проведенном психологическом исследовании³ было установлено, что в тех случаях, когда партнеры по диалогу находятся на одной стадии анализа и делают одинаковые прогнозы, их мышление об обсуждаемом объекте совпадает, возникает общая смысловая позиция. Когда партнеры находятся на одной стадии анализа, но делают разные прогнозы, второй партнер использует (включает в анализ) лишь актуальное для себя содержание реплики первого. Его смысловая позиция становится началом формирования ремы. В диалоге возникает содержание, не сводимое ни к исходной позиции первого (исследователя), ни второго (респондента), но выступающее как их развитие, развертывание, становление. В случаях, когда стадии анализа и прогнозы не совпадают, второй субъект диалога репрезентирует полностью независимую позицию, развертывающуюся в полемике с первым.

Смысловая позиция исследователя известна. Она изложена в программе и эксплицируется в системе текстуальных вставок и прямых вопросов в анкете. Просьба к респонденту задать вопросы предполагаемому автору текста позволяет вскрыть его стадию анализа, просьба написать ожидаемый ответ — вскрыть совпадение прогнозов. Эти зада-

ния, повторенные в анкете несколько раз, позволяют видеть обсуждение проблемы в развитии — как процесс. Далее реконструируется смысловая позиция респондента, анализируется, кодируется и подвергается статистической обработке.

Теоретико-информационный подход к оценке данных диалогической анкеты.

Теоретико-информационный подход ⁴ позволяет определить для всех видов вопросов: 1) количество информации, которая будет получена собеседником в результате ответа на вопрос и 2) ценность этой информации. Если число возможных прямых ответов на неместоименный вопрос до получения собеседником информации составляет P_0 , а после получения информации сокращается до P_1 , то количество полученной информации будет равняться (в битах) результату, вычисляемому по формуле:

$$I = \log_2 P_0 - \log_2 P_1 = \log_2 P_0 / P_1.$$

Ценность информации, определяемая как приращение вероятности достижения цели ⁵, вычисляется по формуле:

$$I = \log_2 P_1 - \log_2 P_0 = \log_2 P_1 / P_0,$$

где P_0 — вероятность достижения цели до получения информации, P_1 — вероятность достижения цели после получения информации:

$$P_0 = 1/P_0; P_1 = 1/P_1.$$

На основе диалогического принципа составления социологического инструментария и приема обратного вопроса нами были также разработаны и внедрены тестовые методики «Герой-собеседник» и «Вопросы автору»⁶.

¹ См.: Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М., 1981; Берков В. Ф. Вопрос как форма мысли. Минск, 1972.

² См.: Берков В. Ф. Указ. соч. С. 116.

³ См.: Поликарпов В. А. Мышление индивида во время реплик партнера в условиях диалога // Вопросы психологии. 1986. № 5.

⁴ См.: Берков В. Ф. Указ. соч.

⁵ См.: Харкевич А. А. О ценности информации // Проблемы кибернетики. М., 1960. Вып. 4.

⁶ См.: Залыгина Н. А., Поликарпов В. А. Проект тестовой методики «Герой-собеседник» // Весн. Беларус. ун-та. Сер. III. 1985. № 3; Поликарпов В. А. Понимание как предмет психологического познания // Весн. Беларус. ун-та. Сер. IV. 1987. № 3.

А. А. МИХАЙЛОВ

ИДЕЯ РЕДУКЦИИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

Вопрос о месте и смысле редукции в феноменологической программе Гуссерля продолжает находиться в центре современных философских дискуссий. Новые публикации работ гуссерлевского наследия, осуществляющиеся на фоне обостряющегося интереса к исследованию проблематики человека, раскрывают такие аспекты феноменологической теории, которые помогают прояснить смысл радикальных перемен, происходящих в современном идеализме.

Общеизвестно, что идея редукции была изложена Гуссерлем в 1913 году в работе «Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии». Эта работа является попыткой развить антипсихологический способ описания устойчивых значений логических фундаментальных понятий и самих законов мышления, который Гуссерль применил в «Логических исследованиях» (1900—1901). Его уже не удовлетворяет исследование сущности структур «чистого переживания» и соответствующих смысловых состояний сознания, осуществленное им в основополагающем философском произведении: слишком значительным казался

ему содержащийся в «Логических исследованиях» акцент на анализе эмпирических процессов сознания. В связи с этим Гуссерль считал необходимым еще в большей степени отграничиться от идей психологизма, чтобы прояснить смысл достигаемого посредством редукции радикального изменения установки сознания.

В действительности, концепция феноменологической редукции была изложена еще в прочитанных в 1907 году в Геттингене лекциях под общим названием «Идея феноменологии», опубликованных только в 1950 году¹. Совсем недавно изданы лекции Гуссерля «Введение в логику и теорию познания», относящиеся к 1906—1907 годам, где также используется понятие редукции². И, наконец, как отмечает В. Бимель в предисловии к лекциям «Идея феноменологии», описание процедуры редукции содержится уже в находящихся в гуссерлевском архиве «Seefelder Blättern», датированных 1905 годом³. Если вспомнить, что в последней работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Гуссерль вновь обращается к понятию редукции в контексте теории «жизненного мира» и, по существу, в имплицитном виде уже пользуется этим понятием, не обозначая его терминологически в «Логических исследованиях», то можно расценивать идею редукции в качестве своего рода несущей конструкции феноменологической программы на всем протяжении ее развития.

Трансцендентальный смысл феноменологической редукции разъясняется Гуссерлем посредством греческого термина *epoché*. Сообразно смыслу этого термина, следует воздерживаться от суждений о пространственно-временных характеристиках мира, которые воспринимаются существующими сами по себе. Речь идет об исключении действия нетематизируемых мышлением допущений или, точнее говоря, о модификации того, что Гуссерль называет «естественной установкой» («*natürliche Einstellung*»).

Сущность «естественной установки» заключается, в частности, в том, что в соответствии с ней существование независимого от нашего сознания мира воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Единственные проблемы, которые решаются в рамках «естественной установки», сводятся к тому, чтобы выработать соответствующие методы исследования причинно-следственных взаимосвязей между явлениями. Именно этим и занимаются естественные науки, углубляющие знания «естественной установки».

Однако в то время как естествоиспытатель не подвергает сомнению существование объективного внешнего мира, природе философского исследования противоречит сама идея оперирования любыми самоочевидностями. Задача философского мышления состоит, по Гуссерлю, в том, чтобы в результате заключения в скобки важнейших положений «естественной установки», и в частности тезиса о существовании независимого от нашего сознания мира, воздержаться от подобного рода утверждений и подвергнуть их философскому осмыслению. Модификация «естественной установки», переключение сознания на иной, **философский**, режим работы отнюдь не означают вместе с тем отрицания существования внешнего мира. Речь идет о том, чтобы выявить **смысл** тех скрытых структур познавательной деятельности, которые в качестве имплицитного фона предопределяют характер нашего знания о мире.

Иными словами, следует осуществить анализ принципов «естественной установки», выявить происхождение и природу конституирующих ее моментов. Феноменологическая редукция — необходимый шаг на этом пути, поскольку она способствует прояснению на метаэмпирическом уровне эмпирических фактов сознания. Она обеспечивает обретение сознанием трансцендентальной точки зрения, сообразно которой феномены сознания воспринимаются в качестве **осознаваемых и осмысляемых**. Достигаемое посредством редукции обращение к трансцендентальному сознанию означает, по Гуссерлю, обнаружение такого «абсолютного на-

чала», которое не обременено никакими нетематизируемыми предпосылками.

Нетрудно заметить, что в этом случае ход мышления Гуссерля напоминает идею радикального сомнения, призванную обеспечить, как полагал в свое время Декарт, идеал абсолютной беспредпосылочности знания. Сам Гуссерль, отмечая наличие этого сходства, указывает тем не менее на существенное отличие своей теории редукции от методологического принципа картезианской философии. В то время как Декарт в процессе достижения абсолютной достоверности *cogito* подвергает сомнению существование внешнего мира, феноменологический смысл *epoché* заключается в прекращении действия тезиса «естественной установки» сознания (в соответствии с которым данность этого мира есть нечто совершенно очевидное) с тем, чтобы сосредоточить внимание философской рефлексии на анализе **проблемы смысла понятия «мир»**.

Одним из следствий реализации такого рода процедуры является, отмечает Гуссерль, отказ философии от использования каких-либо данных конкретно-научных исследований. Выявляемая феноменологической теорией предельная фундаментальность ракурса философского анализа предшествует исследованию мира конкретными науками: **«...Все, имеющее дело с этим естественным миром науки,—** отмечает Гуссерль,**—** сколько несомненными они бы мне ни представлялись, как бы я ими ни восхищался, в какой мере я ни был бы далек от мысли высказать в их адрес малейшее возражение,— все это я **элиминирую, значимостью всего этого я совершенно не пользуюсь. Я не опираюсь ни на одно из положений науки, каким бы абсолютно очевидным оно не являлось, ни одно из них не принимается мной, ни одно не выступает для меня в качестве основы** до тех пор, пока каждое из этих положений понимается таким образом, **как это имеет место в этих науках,— в качестве истины о действительностях этого мира»**⁴.

Таким образом, Гуссерль отнюдь не подвергает сомнению результаты исследования мира конкретными науками. Он полагает, однако, что последние изучают мир, пребывая в сфере «естественной установки», и потому не могут способствовать философскому пониманию мира.

Стремясь свести задачу философии к анализу предельных основоположений всего существующего, обоснованию радикального варианта *prima philosophia*, Гуссерль настаивает, чтобы редукция была распространена не только на естественные, но и так называемые «эйдетические науки» — логику и математику. В процессе трансцендентального анализа нельзя пользоваться господствующим в них дедуктивным методом мышления, ибо в этом случае мы рискуем оказаться в плену у умозрительно-спекулятивного мышления, оперирующего не подлежащими никакой проверке положениями.

Гуссерль неоднократно отмечал, что его феноменология отстаивает подлинный позитивизм, если понимать под «позитивизмом» абсолютное беспредпосылочное обоснование всех наук в позитивном, т. е. в непосредственно и изначально постигаемом. В результате феноменологической редукции мы имеем дело не просто с существующим данным, но с внутренней структурой явлений: анализу подвергается тот способ, посредством которого они себя обнаруживают. Задача философии поэтому заключается уже более не в том, чтобы пытаться постигнуть запредельный по отношению к миру наших восприятий подлинный мир. В соответствии с феноменологическим девизом «к вещам самим», описанию подлежат лишь имманентные сознанию феномены.

Выявленный в процессе феноменологической редукции поток переживаний сознания подвергается действию второй редукции — эйдетической. Ее смысл заключается в том, чтобы рассмотреть целостность потока переживаний **идеативно**, с исключением всех тех моментов, которые характеризуют этот поток в его индивидуальности. В конкретных, имманентных нашему сознанию переживаниях (восприятиях, представ-

лениях, суждениях и т. п.) выявляется их структура и тем самым обнаруживается **чистое поле сознания**.

То, что осуществление столь своеобразной для философского мышления процедуры, какой является редукция, сопряжено с трудностями, осознавалось и самим Гуссерлем. Именно поэтому практически во всех своих работах, часть которых все еще ждет публикации, он вновь и вновь обращается к разъяснению столь важной для него концепции. Более всего он был озабочен решением самой сложной, все более пририсовывающейся в процессе эволюции феноменологической программы, проблемы обоснования мотивов переключения сознания с позиции «естественной установки» на основывающийся на редукции трансцендентально-феноменологический режим его деятельности. У Гуссерля речь идет не просто об одной из многих, пусть даже и крайне важной проблеме, но об обозначении единственно возможного пути к началу серьезной философии. «В процессе многолетних размышлений,— замечает он в послесловии к «Идеям»,— я следовал различными путями с тем, чтобы выявить абсолютную настоятельность такого рода мотивации, которая выводит за пределы естественной позитивности жизни и науки и делает необходимой феноменологическую редукцию... Само собой разумеющимся для каждого из этих путей является выход из естественно-наивной установки, для которой мир выступает в качестве «само собой разумеющегося» преданного бытийного основания, о бытии которого никогда не задается вопрос»⁵.

Но каким образом возможно осуществление редукции, если мы всякий раз сталкиваемся с тем, что ее исходные импульсы коренятся в «естественно-наивной установке»? О какой радикальной трансформации сознания можно говорить, если определяющий природу «естественной установки» фон не поддается воздействию любого методологического приема?

В «Кризисе» Гуссерль вынужден признать, что предложенный им в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» способ реализации редукции оказался слишком картезианским, ибо он «приводит к трансцендентальному его посредством как бы прыжка»⁶. Обретенная на таком пути жизнь сознания характеризуется такой «кажущейся пустотой содержания», отмечает Гуссерль, что возникает состояние растерянности: что же в реальности получает от всего этого философия?

Следует отметить, что эти трудности осознавались Гуссерлем и ранее. Так, еще в «Идеях» он считал целесообразным выделить феноменологическую или феноменологическо-психологическую редукцию как промежуточный этап между «естественной установкой» и трансцендентально-феноменологической редукцией. Тем самым превращение феноменологии в философию как «трансцендентальную науку субъективности» оказывается возможным лишь путем расчленения ее на множество этапов, каждый из которых в той или иной мере обнаруживает связи с «естественной установкой». В подтверждение этой, казалось бы столь необычной для общего пафоса феноменологической программы идеи Гуссерль выдвигает тезис о наличии «трансцендентальной наивности», сходной с наивностью «естественной установки»⁷, допускает существование «трансцендентально-дескриптивной феноменологии», не обладающей «собственно философскими притязаниями»⁸.

Дальнейшему развитию этих идей препятствовала, как ни странно, позиция самого Гуссерля, которая вынуждала его на этом этапе трактовать сознание как абсолютно аподиктическую сферу, самодостаточную в своей данности и противостоящую трансцендентному по отношению к ней миру. Лишь в последней работе — «Кризис» — Гуссерль подвергает радикальной модификации концепцию автономного трансцендентального сознания и обращается к целостности субъективной жизни. В § 44 «Кризиса» провозглашается «новый путь к редукции», противопоставляемый «картезианскому пути». Суть этого пути заключается в обра-

щении теоретического интереса к «жизненному миру» как всеобщей «почве» человеческой жизни, к тому, что с презрением обесценивалось философской традицией, обозначалось ею как неустойчивый, недостовверный мир мнений — *dōxa*. Проанализировать «жизненный мир» в его обычно «пренебрегаемой релятивности», постигнуть «субъективный, казался бы, непостижимый «гераклитовский поток» — вот та задача, которая должна быть выполнена с помощью универсальной, как ее теперь предпочитает называть Гуссерль, *epoché*.

В контексте анализа кризиса европейской культуры и той роли, которую, по мнению Гуссерля, сыграла в этом кризисе объективистская установка естественных наук, функции редукции стали сводиться к выявлению игнорируемых конкретно-научным знанием «анонимно» конституирующих ткань познавательного опыта смыслов, того «царства изначальной очевидности», в котором возможно вычленение «универсальных дологических априори»⁹. Отныне достигаемая посредством редукции трансцендентальная субъективность обнаруживает свою интересующую природу, проявляющуюся в «очевидностях жизненного мира».

Нетрудно заметить, что последняя работа свидетельствует о поразительном сходстве его взглядов с программой, изложенной М. Хайдеггером в «Бытии и времени». В западной философской литературе неоднократно обсуждался вопрос о том, кто из этих мыслителей первым высказал идеи, которые нашли столь созвучное воплощение в упомянутых работах¹⁰. По-видимому, более правомерной представляется точка зрения Х. -Г. Гадамера, полагающего, что речь должна идти, скорее, о конвергенции обеих концепций¹¹.

Действительно, характер хайдеггеровской трансцендентальной аналитики повседневности (*Alltäglichkeit*) кажется весьма близким по духу концепции «жизненного мира». Однако крайне сомнительной представляется сама идея причисления Хайдеггера к числу представителей феноменологического движения. Его позицию со взглядами Гуссерля сближает неприятие неокантианской абсолютизации деятельности сознания, ориентированного на науку как высший тип знания. Но Хайдеггер делает все возможное, чтобы показать уже в «Бытии и времени», что для него являются неприемлемыми не только идея редукции, но и понятие сознания. Критика Хайдеггером традиционного идеализма направлена, помимо всего прочего, и против гуссерлевской концепции абсолютно автономного и, в конечном счете, прозрачного сознания, которому автор «Бытия и времени» противопоставляет непреодолимую для сознания фактическую укорененность конечного по своей природе существования (*Dasein*). «Фактическое», по Хайдеггеру, уже не является продуктом конституирующей деятельности субъективности и не предстает в качестве подлежащего преодолению во имя достижения всеобщего.

Более того, если Хайдеггер периода «Бытия и времени» может быть обозначен в качестве представителя феноменологической школы лишь с известными оговорками, еще в большей мере он является оппонентом феноменологической теории в недавно опубликованной работе «*Beiträge zur Philosophie*», которую, по всей видимости, следует расценивать как главный труд мыслителя¹². Примечательно, что именно тогда, когда Гуссерль интенсивно работал над так и оставшимся незавершенным «Кризисом», Хайдеггер обозначил программу преодоления философии субъективности даже в том ее крайне модифицированном варианте, который им был воспринят в 1927 году.

В этой критике Хайдеггером гуссерлевской концепции редукции уже намечаются столь острые для современного философского мышления мотивы переоценки ценностей традиционной классической трактовки природы сознания и человеческой субъективности¹³.

Идея редукции Гуссерля, те трудности, с которыми он столкнулся в процессе ее многократных модификаций, в значительной мере проде-

монстрировали исчерпанность исходных установок классического мышления, недостаточно радикально преодоленных в феноменологической теории. При всем том, что редукция способствовала обнаружению действительных изъянов умозрительно-спекулятивного идеализма, ей не удалось до конца преодолеть остатки метафизического субстанциализма, изживание которых современным идеалистическим мышлением происходит далеко не безболезненно, а порой и с известным оттенком экстравагантности. Но все это не должно препятствовать осознанию серьезных трансформаций, происходящих в современном идеалистическом философском мышлении.

¹ См.: Husserliana. Haag, 1950. Bd. 2.

² Ibid. 1984. Bd. 24. S. 211, 216, 222, 238...

³ Ibid. Bd. 2. S. VIII.

⁴ Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. I. Buch // Jahrbuch für philosophische und phänomenologische Forschung. Halle, 1913. Bd. 1. S. 68.

⁵ Husserliana. 1952. Bd. 5. S. 148—149.

⁶ Ibid. 1954. Bd. 6. S. 158.

⁷ Ibid. 1956. Bd. 8. S. 170.

⁸ Ibid. S. 172.

⁹ Ibid. Bd. 6. S. 144.

¹⁰ Известно, что в период работы над «Бытием и временем» Хайдеггер имел доступ к рукописям Гуссерля, в которых содержались наброски его последней книги.

¹¹ См.: Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Tübingen, 1987. Bd. 3. S. 127.

¹² См.: Heidegger M. Gesamtausgabe. Fr. a/M., 1989. Bd. 65. См. подробнее Pöggeler O. Heideggers politisches Selbstverständnis // Heidegger und praktische Philosophie. Fr. a/M., 1988. S. 22.

¹³ См., напр.: Tod des Subjekts? Wien; München, 1987.

Навуковы камунізм

С. И. СИМАНОВСКИЙ

ПЕРЕСТРОЙКА И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ В СИСТЕМЕ ПРОФТЕХОБРАЗОВАНИЯ

Современный этап развития советского общества характеризуется коренной перестройкой всех сфер его жизнедеятельности. В своей практической работе по революционному обновлению общества КПСС уделяет большое внимание рабочему классу, который «благодаря своему положению в системе социалистического производства, политическому опыту, высокой сознательности и организованности, трудовой и политической активности сплачивает наше общество, играет ведущую роль в совершенствовании социализма, коммунистическом строительстве»¹.

Постоянно увеличивается его численность и удельный вес в структуре населения страны. Сегодня рабочий класс, по-прежнему являясь основной производительной силой, насчитывает в своих рядах 82,1 млн. человек или 62,7 % всего занятого населения². В связи с этим реформа профессионально-технического образования и формирование молодой рабочей смены в свете решений XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции является важнейшей проблемой. При ее решении партия неуклонно руководствуется учением классиков марксизма-ленинизма, считавших что «наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса и, следовательно, человечества всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения»³.

Система профессионально-технического образования выполняет не только важную социально-политическую, но и народнохозяйственную функцию: является главным источником планомерной подготовки высококвалифицированных кадров, ежегодно обеспечивает приток в ряды рабочего класса 2,5 млн. юношей и девушек, что составляет две трети пополнения рабочих коллективов⁴. В Белорусской ССР более 85 % рабочих приходит на производство через систему профтехобразования. Всего за послевоенные годы, например, в профтехучилищах республики подготовлено 1 млн. 885 тыс. рабочих⁵.

Развивающийся научно-технический прогресс, постоянно изменяющийся характер и содержание труда выдвигают на первый план подготовку высококвалифицированных, широко образованных, убежденных, преданных делу социализма молодых рабочих и вместе с тем активных, умеющих жить и работать в условиях демократии, хозяйственной самостоятельности коллективов, в обстановке возрастающей экономической и социальной ответственности за себя и страну. Успешное решение этой задачи в значительной мере зависит от целенаправленной работы по осуществлению реформы общеобразовательной и профессиональной школы, позволяющей обогатить содержание обучения и воспитания в средних профессионально-технических училищах, поднять подготовку молодых рабочих на качественно новый уровень, соответствующий требованиям перестройки, ускорения социально-экономического развития страны.

Сегодня система профессионально-технического образования еще не в полной мере выполняет поставленные историей сложные и ответственные задачи. В последнее время количество выпускаемых специалистов не подкреплялось необходимыми качественными изменениями. Все больше растет

дефицит «классности» рабочих кадров по сравнению с ростом технологической сложности работ. Выпускникам профтехучилищ недостает экономической и правовой подготовки, инициативного творческого подхода к решению выдвинутых жизнью проблем.

Новым этапом в осуществлении задач, стоящих перед системой профессионально-технического образования в деле подготовки высококвалифицированных рабочих кадров, является реализация решений февральского (1988) Пленума ЦК КПСС и Всесоюзного съезда работников народного образования, состоявшегося в декабре 1988 года. В документах пленума и съезда особо указывается на необходимость перевода профессионально-технического обучения преимущественно на базу среднего образования, а также обогащения спектра профтехучилищ, а в перспективе — создания специализированных училищ и превращения их затем в территориально-отраслевые и межотраслевые учебные заведения⁶. В связи с этим одним из важных направлений совершенствования профтехшколы является перестройка в них учебно-воспитательного процесса. Требуется осуществить пересмотр содержания обучения, перейти на новые учебные программы, создать целевые программы профессиональной подготовки молодых рабочих, включающие профессионально-техническую и общеобразовательную подготовку и обучение на производстве.

Совершенствование процесса подготовки будущих рабочих в системе профессионально-технического образования неразрывно связано с осуществлением мер по повышению роли человеческого фактора. Особенно ярко это было подчеркнуто на февральском Пленуме ЦК КПСС, где говорилось о том, что решающим фактором развития нашей экономики является человек. В перестройке всех сфер общественной жизни очень важно уделять главное внимание активизации человеческого фактора, творческих сил трудящихся масс. Страна как никогда нуждается в кадрах социально активных, с гибким мышлением, обладающих единством знаний, убеждений. «Перестройке нужны люди с твердыми гражданскими установками, социалистической идейной убежденностью, способные быть на высоте своего нравственного долга, твердо стоять за истину, не подверженные угодничеству и лицемерию»⁷. Активизация роли человеческого фактора означает более эффективное использование учащимися средних профессионально-технических училищ своих потенциальных возможностей в процессе повышения уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки.

В условиях научно-технического прогресса в разряд первостепенных задач входит учет индивидуальных качеств человека. На первый план среди ценностных его ориентаций сегодня выдвигается потребность в содержательном творческом труде. Это неразрывно связано с ликвидацией ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда. XXVII съезд КПСС выдвинул задачу сократить долю ручного труда в текущей пятилетке и снизить ее к 2000 году в производственной сфере до 15—20 %⁸. Комплексная механизация и автоматизация процессов, роботизация и компьютеризация, электронизация технологических процессов обуславливают потребность в квалифицированных рабочих широкого профиля. Подготовка таких рабочих является ныне первостепенной задачей профтехшколы.

Методологической основой формирования рабочего широкого профиля является открытый К. Марксом закон перемены труда, согласно которому крупная промышленность требует признания перемены труда всеобщим законом общественного производства, а потому и возможно большей многосторонности рабочих⁹. Подтверждением его является то обстоятельство, что большинство квалифицированных рабочих за время трудовой деятельности не менее трех-четырех раз меняет свою специализацию.

Научно-технический прогресс способствует преодолению узких рамок строго профессионального разделения труда, исчезновению профессий узкоспециализированного и малоквалифицированного труда, формированию новых профессий рабочих широкого профиля. Учитывая это, Госпрофобр СССР совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами разработал новый перечень профессий для подготовки квалифицированных рабочих в средних профессионально-технических училищах. В нем выделено 590 групп, охватывающих 1780 профессий (в старом перечне было 1600). Это даст возможность учащимся овладеть несколькими профессиями, что является важным фактором технико-технологического перевооружения народного хозяйства.

В перечне появились и совершенно новые профессии: атомно-водородные и агрегатные сварщики, плазморезчики, программисты, операторы счетно-аналитических установок, наладчики автоматических линий и станков с числовым управлением и др., которые оставляют около 12 % профессий широкого профиля¹⁰. В условиях перестройки, ускорения социально-экономического развития страны новая номенклатура позволяет, во-первых, обеспечить опережающую профессиональную подготовку рабочих в профессионально-технических училищах, т. е. ориентированную на перспективу развития и совершенствования техники и технологии; во-вторых, она должна постоянно совершенствоваться на основе научного анализа и обобщения процессов интеграции трудовых функций рабочих, учета изменений в профессионально-квалификационной структуре рабочих кадров.

Руководствуясь ленинским указанием о том, что образовательный и культурный подъем трудящихся масс является одним из важнейших условий развития производительных сил, XXVII съезд КПСС выдвинул задачу создания такой непрерывной системы образования, чтобы человек учился всю жизнь. Семья, общеобразовательная школа, профтехсистема, институт, последующее повышение квалификации в соответствии с требованиями дня — такова суть концепции непрерывного образования. На совершенствование обучения и воспитания, подготовку высококвалифицированных кадров молодых рабочих направлена реформа системы профтехобразования.

Современная профтехшкола призвана готовить специалистов и по таким профессиям, которые появятся через 10—15 лет. Поэтому дальнейшее совершенствование системы профессионально-технического образования связано с тем, чтобы выпускаемые молодые специалисты получали фундаментальные общеобразовательные и профессиональные знания и навыки, необходимые для совершенствования их профессионального мастерства на протяжении всей трудовой деятельности.

Совершенствование системы профессионально-технического образования приобретает сегодня все более реальные очертания, затрагивая основные направления подготовки рабочих. Одним из существенных является решение об изменении системы планирования подготовки рабочих кадров в профессионально-технических училищах и переходе на договорные принципы с базовыми предприятиями. Эта мера призвана обеспечить прием и выпуск молодежи в профучилищах в соответствии с потребностями предприятий, повысить их взаимную ответственность за подготовку высококвалифицированных кадров.

Процессы совершенствования системы профессионально-технического образования, происходящие сегодня, тесным образом связаны с будущим нашего общества. Поэтому формирование молодого поколения рабочего класса с позиций социальных ориентиров революционного обновления советского общества — важная партийная и государственная задача.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 50.

² См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 411.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 198.

⁴ См.: Материалы февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 21.

⁵ См.: Подготовку рабочих кадров — на новый качественный уровень // Советская Белоруссия. 1987. 16 мая.

⁶ См.: Материалы февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС.

⁷ Документы и материалы XX съезда ВЛКСМ. М., 1987. С. 24.

⁸ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 48.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 498—499.

¹⁰ См.: Добин В. Г. В орбите перестройки. М., 1988. С. 43.

У. В. РОУДА, Т. І. ПАВАЛІХІНА

«СТРЫМЛІВАННЕ КАМУНІЗМУ» ў СУЧАСНЫХ АМЕРЫКАНСКІХ ЗНЕШНЕПАЛІТЫЧНЫХ КАНЦЭПЦЫЯХ

За апошні год сусветная грамадскасць стала сведкай вялікіх пазітыўных перамен у міжнародных адносінах. Яны звязаны галоўным чынам з паляпшэннем адносін паміж СССР і ЗША, дзяржавамі дзвюх процілеглых сістэм. Велізарнае значэнне для сусветнага развіцця мае працэс рэальнага

скарачэння ядзерных арсеналаў гэтых краін, крокі па дасягненню дамоўленасці ў галіне забароны хімічнай зброі, абмежавання звычайных узбраенняў. Гэта садзейнічае ўмацаванню даверу паміж Усходам і Захадам, стварае спрыяльныя ўмовы для шырокага супрацоўніцтва народаў сацыялістычных і капіталістычных краін.

Аднак пры вырашэнні неадкладных міжнародных праблем цвярозы розум, новае палітычнае мысленне пракладваюць сабе шлях у пастаяннай барацьбе з сіламі рэакцыі і мілітарызму, якія імкнуцца павярнуць назад працэс раззбраення. Далейшыя поспехі на шляху будаўніцтва свету, свабоднага ад насілля і ядзернай зброі, немагчымы без пераадолення аtryманых у спадчыну ад часоў «халоднай вайны» уяўленняў, заснаваных на эгацэнтрызме, пагарджанні інтарэсамі іншых народаў, нагнятанні страху, трывалым замацаванні ў грамадскай свядомасці «вобраза ворага». «Мы не забываем аб пагрозе міру з боку імперыялістычнага мілітарызму і лічым, што пакуль яшчэ не склаліся гарантыі незваротнасці пачатых пазітыўных працэсаў, — адзначаў Генеральны сакратар ЦК КПСС М. С. Гарбачоў у дакладзе на XIX Усесаюзнай канферэнцыі КПСС. — Новае палітычнае мысленне якраз і дазваляе бачыць і знаходзіць новыя магчымасці процістаяць палітыцы сілы на больш шырокай, чым раней, палітычнай аснове»¹.

Адным з абгрунтаванняў палітыкі сілы ў сучасных умовах з'яўляецца дактрына «стрымлівання камунізму». Ідэя дактрыны належыць вядомаму амерыканскаму дыпламату Дж. М. Кенану, які выказаў яе на старонках амерыканскага часопіса «Форын Афферс» у ліпені 1947 года. У аснову гэтай дактрыны пакладзена сцвярджэнне, што Савецкі Саюз — экспансіянісцкая дзяржава, «якая аказвае націск на свабодныя інстытуты заходняга свету» і ў выніку гэтага «уяўляе сабой ідэалагічную і палітычную пагрозу цывілізаванаму свету». Яна «рухаецца непазбежна па прадвызначанаму шляху, як заведзеная цацка, якая спыняецца толькі тады, калі сустракае неадольную перашкоду». Каб стварыць такую перашкоду, зазначаў Кенан, ЗША павінны выкарыстоўваць «цвёрдае стрымліванне», накіраванае на тое, каб «працістаяць рускім нязменнай контрсілай у любым пункце, дзе яны пакажуць прыкметы замаху на інтарэсы міралюбівага і стабільнага свету»². Адсюль вынікае, што Злучаным Штатам належыць разглядаць Савецкі Саюз як саперніка на палітычнай арэне, аслабленне ўплыву і магутнасці якога павінна стаць асноўнай задачай знешняй палітыкі. Ідэі «стрымлівання» прадугледжвалася ажыццявіць рознымі метадамі, якія ахоплівалі б комплекс палітычных, эканамічных, ідэалагічных і дыпламатычных сродкаў, але галоўны ўпор рабіўся на ваенную сілу. Палітыка «стрымлівання камунізму» прайшла розныя стадыі развіцця, але непазбежна ўключала стварэнне і ўмацаванне агрэсіўных ваенна-палітычных блокаў, накіраваных супраць краін сацыялізму, падаўленне прамым альбо ўскосным шляхам рэвалюцыйных рухаў у розных рэгіёнах планеты, унясенне расколу ў рады барацьбітоў супраць імперыялізму.

Абгрунтаванне курсу на «словае стрымліванне» Савецкага Саюза і сусветнага камунізму як галоўнай мэты амерыканскай знешняй палітыкі ўзялі на сябе і ідэалагі сучаснага амерыканскага кансерватызму. Неакансерватары выходзяць з панаваўшага ў часы «халоднай вайны» пастулату аб тым, што СССР — гэта не звычайная дзяржава і не проста «звышдзяржава», а «звышдзяржава» з камуністычнай ідэалогіяй, экспансіянісцкай па самой сваёй прыродзе. Таму процідзеянне ёй рознымі сродкамі, у тым ліку ваеннай сілай, разглядаецца як галоўнае сусветнае прызначэнне Амерыкі. Страту былога дамінуючага становішча ЗША у свеце неакансерватары тлумачаць слабасцю і нерашучасцю ліберальных палітыкаў, не якіх ускладаюць адказнасць за недацэнку савецкай пагрозы і «забыццё» карэнных ідэалагічных асноў амерыканскай знешняй палітыкі. У процідзеянне аб'ектыўным тэндэнцыям сусветнага развіцця апошніх дзесяцігоддзяў неакансерватары заклікаюць ажыццявіць «антыкамуністычныя стратэгію стрымлівання» на аснове аднаўлення перавагі ЗША у эканамічнай, ваенна-палітычнай, міжнародна-дыпламатычнай і іншых сферах.

Пазіцыя сілы Амерыкі, што засноўваецца на дасягненні ваеннай перавагі над СССР, лічаць прадстаўнікі крайне правага крыла кансерватыўнага лагера, — гэта надзейны сродак для дасягнення доўгатэрміновы ідэалагічных мэт. Стратэгія «стрымлівання», на думку прафесара гісторыі Іельскага ўніверсітэта Д. Кайана, можа паспяхова функцыяніраваць толькі пры апоры на «ядзернае запалохванне». Кайан заклікае «заходнія дэмакратыі» улічыць сур'ёзныя ўрокі першай і другой сусветных войнаў

не дапусціць «прымірэння агрэсара», г. зн. СССР. «Заходнія дэмакратыі павінны ўсвядоміць, што сур'ёзныя праблемы знешняй палітыкі ўстануць перад імі ў бліжэйшым будучым і што для поспеху спатрэбяцца дарагія ваенныя рыхтаванні... Яны павінны дасягнуць і захаваць дастатковую сукупнасць ядзернай зброі і абарончых сістэм, каб стрымліваць савецкі авантюрызм, нават калі тэхналагічныя змены зробяць гэтую зброю ўстарэлай і спатрэбіцца новая...»³ Пазіцыя ўльтракансерватараў атрымала пашырэнне ў Злучаных Штатах пачатку 80-х гадоў і знайшла адлюстраванне ў курсе адміністрацыі Р. Рэйгана таго перыяду.

У ідэалагічным абгрунтаванні амерыканскай знешняй палітыкі першай палавіны 80-х гадоў разам з крайне правымі варыянтамі «стрымлівання» важную ролю адыгрывалі канцэпцыі, якія не выключалі разумення таго, што паміж СССР і ЗША захоўваюцца некаторыя агульныя або перасякальныя інтарэсы. Яны звязаны перш за ўсё з ліквідацыяй небяспекі ядзернай вайны, прадухіленнем эскалацыі рэгіянальных канфліктаў, абмежаваннем распаўсюджвання ядзернай зброі. Адсюль рабіўся вывад аб неабходнасці дыялогу з СССР. Паступова пачала вырысyoвацца цэнтрэрыска-кансерватыўная канцэпцыя «умеранага стрымлівання», якая, не выключаючы ўзмацнення барацьбы супраць СССР па ўсіх напрамках, не павінна насіць занадта правакацыйнага характару ў адрозненне ад палітыкі «стрымлівання» 40—50-х гадоў. У гэтай канцэпцыі атрымаў пэўнае прызнанне той факт, што Злучаныя Штаты не маюць абсалютнай свабоды рук у выбары свайго знешнепалітычнага курсу. Усведамленне гэтай рэальнасці прымусіла правячыя колы ЗША ўнесці некаторыя карэктывы ў знешнюю палітыку.

У апошнія гады выразна выявілася супярэчнасць паміж ростам залежнасці ЗША ад астатняга свету і звужэннем сферы іх «свабоды» на міжнароднай арэне, з аднаго боку, і спробамі праводзіць «імперскую» палітыку, заснаваную на ўяўленні аб «амерыканскай выключнасці», — з другога. Востра выявілася неадпаведнасць паміж спрошчанымі ўяўленнямі аб «біяпалярнасці» свету і самім светам. Неабгрунтаванай аказалася стаўка на сілавы націск на СССР, на раз'яднанне сацыялістычных краін і ўмяшанне ў іх унутраныя справы.

Тэндэнцыя да страчвання Злучанымі Штатамі сваёй дамінуючай ролі ў капіталістычным свеце — рэальны факт, які прызнаюць многія з амерыканскіх палітолагаў. Яна вызначаецца шэрагам аб'ектыўных абставін, перш за ўсё, новай ступенню інтэрнацыяналізацыі гаспадарчага жыцця, вынікам чаго з'яўляецца эканамічная ўзаемазалежнасць дзяржаў. З ростам эканамічнай магутнасці Заходняй Еўропы і Японіі ўнутры капіталістычнага свету з'явіліся новыя цэнтры сілы, якія сапернічаюць з ЗША. Акрамя таго, з умацаваннем магутнасці ўплыву сусветнага сацыялізму, выхадам на міжнародную арэну маладых незалежных дзяржаў сістэма адносін паміж краінамі значна ўскладнілася. Урэшце, стаўка на ваенную сілу ў сусветнай палітыцы пры наяўнасці велізарных ядзерных арсеналаў тоіць у сабе пагрозу бяспекі ўсіх дзяржаў, у тым ліку і ЗША. У сувязі з гэтым сціраюцца жорсткія грані паміж знешняй і ўнутранай палітыкай. Многія палітычныя праблемы, якія раней маглі вырашацца ў рамках адной дзяржавы, патрабуюць сумеснага вырашэння ўсім сусветным супольніцтвам, а значыць, і радыкальнай перабудовы сістэмы міжнародных адносін.

Гэта знаходзіць адлюстраванне ў амерыканскіх знешнепалітычных канцэпцыях. Прадстаўнікі ліберальнай плыні выступаюць за такі знешнепалітычны курс, які б улічваў, па-першае, ускладненне сучаснай міжнароднай сістэмы, абумоўленае павелічэннем колькасці яе паўнапраўных удзельнікаў і, па-другое, перамены ваенна-стратэгічнага становішча, звязаныя са стратай ЗША пазіцый непрыступнасці і стратэгічнай перавагі над СССР. Галоўны акцэнт у абарончай палітыцы лібералы робяць на падтрыманне ваенна-стратэгічнага парытэту з СССР. Хаця, на іх думку, ядзерная зброя павінна адыгрываць асноўную стрымліваючую ролю, яны заклікаюць удзяляць больш увагі развіццю «канвенцыянальнага стрымлівання» на аснове развіцця звычайных узбраенняў. Лібералы прызнаюць, што наяўнасць у ЗША і СССР агульнага інтарэсу ў прадухіленні ядзернай вайны і пагрозы ўзаемнага знішчэння ствараюць падставу для супрацоўніцтва паміж дзвюма краінамі. Разам з тым яны лічаць, што ў саперніцтве процілеглых сацыяльных сістэм неабходна выкарыстоўванне і неваенных фактараў сілы.

На актывізацыі спаборніцтва дзвюх грамадскіх сістэм у эканоміцы

акцэнтуюць увагу і прадстаўнікі так званага неалібералізму — напamкy, які набірае сілу ў дэмакратычнай партыі. Ідэйна-палітычныя ўстаноўкі «неалібералаў» у пэўнай ступені адлюстроўваюць негатыўныя адносіны амерыканцаў да далейшага нарошчвання ўзбраенняў, уцягвання краіны ў рэгіянальныя канфлікты і адначасова інтарэс да неваенных аспектаў спаборніцтва капіталізму і сацыялізму, да сумеснага рашэння глабальных праблем. У адрозненне ад неакансерватараў «неалібералы» зыходзяць з уяўлення аб свеце як аб складанай структуры, разнароднай па складу яе ўдзельнікаў, а не як аб арэне проціборства ЗША і СССР. Адсюль выцякае іх крытыка палітыкі «стрымлівання і глабальнага процідзеання камунізму». У знешняй палітыцы, лічаць «неалібералы», Злучаныя Штаты павінны праяўляць стрыманасць у процівагу ваенным акцыям, у абарончай палітыцы — прытрымлівацца прынцыпу адмаўлення ад дарагіх суперсучасных узбраенняў, аднак не на шкоду эфектыўнасці абароны.

Шлях да аднаўлення амерыканскага лідэрства, на думку «неалібералаў», ляжыць праз новую тэхналагічную рэвалюцыю, якая дазволіць Злучаным Штатам забяспечыць адэкватнае абгрунтаванне знешняй палітыкі. У сувязі з гэтым не выпадкова з'яўленне ў часопісе «Форын Афферс» (1987, № 4), поўнаасцю прысвечаным 40-годдзю стратэгіі «стрымлівання», артыкула вядомага амерыканскага эканаміста У. Растоу «Па прычыне заканчэння «халоднай вайны».

Растоу лічыць, што па меры развіцця дзвюх роднасных рэвалюцый: тэхналагічнай — у перадавых індустрыяльных дзяржавах, і адукацыйнай — у краінах, што развіваюцца, паступова адбудзецца «дыфузія магутнасці» як СССР, так і ЗША. «Узятыя разам гэтыя рэвалюцыі, — указвае аўтар, — ставяць складаныя ўнутраныя праблемы, якія робяць ідэалагічны аспект «халоднай вайны» усё больш анахранічным»⁴. На думку Растоу, крытэрыем магутнасці дзяржавы ў недалёкім будучым будзе лічыцца не колькасць назапашанай ядзернай зброі, а здольнасць эфектыўна выкарыстаць дасягненні НТР, развіццё сферы адукацыі, якое вядзе да павелічэння інтэлектуальнага патэнцыялу грамадства. Усведамленне гэтага факта стварае магчымасць для заканчэння «халоднай вайны». Дзеля гэтага, лічыць Растоу, Злучаным Штатам і Савецкаму Саюзу неабходна дасягнуць узаема разумення перш за ўсё ў такіх пытаннях, як спыненне гонкі ядзерных узбраенняў, рэарганізацыя НАТА і Варшаўскага Дагавору, урэгуляванне рэгіянальных канфліктаў. Паспяховае заканчэнне «халоднай вайны» ляжыць на адказнасці як ЗША, так і СССР, «... паколькі Амерыка моцная, але не агрэсіўная, якая выконвае свае абавязальствы ў свеце, усведамляе рэальнасць сваіх асабістых інтарэсаў, а таксама законных інтарэсаў іншых, можа садзейнічаць таму, каб зрабіць пераходны перыяд ад «халоднай вайны» больш лёгкім і больш надзейным для савецкага кіраўніцтва»⁵.

Цікава, што сам аўтар дактрыны «стрымлівання камунізму» Дж. М. Кенан цяпер па-іншаму разглядае асноўныя тэндэнцыі развіцця савецка-амерыканскіх адносін і сусветнай палітыкі ў цэлым. У сваім артыкуле «Стрымліванне» тады і зараз» Кенан сцвярджае, што ў цяперашні час на першы план вылучыўся не ідэалагічна-палітычны, а ваенны аспект «стрымлівання», маючы пры гэтым на ўвазе не «стрымліванне» агрэсіўнасці СССР, а стрымліванне гонкі ўзбраенняў наогул. Менавіта яна, на думку Кенана, уяўляе цяпер найбольшую пагрозу, не ў сілу агрэсіўных намераў якога-небудзь з бакоў, а з-за падазрэнняў, трывог, пагроз, выкліканых няспраўнасцю камп'ютара, і г. д.»⁶. Існуе, лічыць аўтар, і шэраг іншых крыніц нестабільнасці і трывог у навакольным свеце. Да іх ён адносіць канфлікты ў краінах, якія развіваюцца, праблемы забруджвання навакольнага асяроддзя, неаднаўлення энергетычных рэсурсаў і г. д. І, у выніку, у саміх Злучаных Штатах шмат што патрабуе «стрымлівання»: «Мы, амерыканцы, павінны навучыцца ў некаторых адносінах стрымліваць саміх сябе: разбурэнне нашага навакольнага асяроддзя, нашу тэндэнцыю жыць не па сродках і ўганяць краіну ў крызіс, нашу відавочную няздольнасць скараціць спусташальны бюджэтны дэфіцыт, нашу адносную няздольнасць кантраляваць іміграцыю вялікіх мас людзей абсалютна розных культурных і палітычных традыцый і г. д.»⁷ Аўтар робіць вывад, што наступіў час распрацаваць новую канцэпцыю «стрымлівання», паколькі гэты тэрмін ужо нельга ўжываць толькі ў адносінах да Савецкага Саюза. Такім чынам, у сучаснай знешнепалітычнай ідэалогіі Злучаных Штатаў знаходзіць адлюстраванне саперніцтва сіл, якія выяўляюць інтарэсы розных пластоў кіруючага класа, прыхільнікаў рэалістычнага і канфрантацыйнага

курсаў у палітыцы. Ад выніку гэтай барацьбы ў многім будзе залежыць стан савецка-амерыканскіх адносін у бліжэйшыя гады.

Адзначаючы змены ў грамадскай свядомасці ЗША, неабходна падкрэсліць уклад СССР і сусветнага сацыялізму ў абуджэнне агульначалавечага імпульсу да аздараўлення, нармалізацыі міжнародных адносін. Знешне-палітычныя ініцыятывы СССР, паслядоўнасць і гібкасць у ажыццяўленні намечанага КПСС курсу, працэс абнаўлення, дэмакратыі і ўсталявання публічнасці ў нашай краіне разбураюць стэрэатыпы антысавецызму. Не працягванне канфрантацыі, не палітыка «стрымлівання», а спаборніцтва і супрацоўніцтва процілеглых сацыяльных сістэм, якія прытрымліваюцца розных філасофскіх, ідэалагічных, палітычных поглядаў, з'яўляецца імператывам сучаснасці.

¹ Матэрыялы XIX Усесаюзнай канферэнцыі Камуністычнай партыі Савецкага Саюза, 28 чэрвеня — 1 ліпеня 1988 года. Мінск, 1988. С. 34.

² Kennan George F. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1987. V. 65, № 4. P. 860, 867.

³ Kayan D. World War I, World War II, World War III // Commentary. 1987. V. 83. № 3. P. 40.

⁴ Rostow W. W. On Ending the Cold War // Foreign Affairs. 1987. V. 65, № 4. P. 840.

⁵ Ibid. P. 847, 848.

⁶ Kennan George F. Containment then and now // Foreign Affairs. 1987. V. 65. № 4. P. 889.

⁷ Ibid. P. 890.

А. В. ЕГОРОВ

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Необходимость ускорения социально-экономического развития страны становится действительностью в той мере, в какой деятельность субъектов хозяйственных отношений соответствует этой необходимости. Возникает вопрос о соотношении объективного и субъективного в самих хозяйственных отношениях. Ответ требует уточнения содержания и уровня абстракции ряда категорий.

К. Маркс отмечал, что всякая производительная сила сводится к некоторому отношению человека к природе и выступает в одной из двух форм: в форме духовного освоения мира — развития знаний, производительных духовных богатств; науки — идеального богатства, являющегося как продуктом, так и производителем богатства, в форме «...непосредственных органов общественной практики, реального жизненного процесса»¹. В реальной хозяйственной жизни производительные силы общества представлены личностным и материально-вещественным факторами. Рассматриваемые вне взаимодействия как потенциальные производительные силы факторы производства получают количественное выражение с помощью систем показателей. Так, личностный фактор представлен населением трудоспособного возраста, имеющим определенную половозрастную структуру, общеобразовательный и культурный уровень, уровень политехнической подготовки, и образует совокупность трудовых коллективов; материально-вещественный представлен землей, техникой, технологией, имеющими определенную потенциальную производительность, и образует рабочие места, предприятия, отрасли. Только во взаимодействии факторы производства являются средствами производства и рабочей силой, действительными производительными силами общества. Взаимодействие факторов может порождать различные величины действительных производительных сил в зависимости от степени их взаимного качественного, количественного и структурного соответствия. Наличие в стране множества незанятых рабочих мест, массы неустановленного оборудования, низкой сменности использования оборудования и одновременно нерациональной занятости значительной части населения — свидетельство того, что часть факторов производства не превращается в элементы действительных производительных сил. Статистика учитывает динамику факторных величин и в меньшей степени то, в какой мере они становятся действительными производительными силами, т. е. динамику действительных средств производства и рабочей силы. Последняя зависит не только от взаимного соответствия факторов производства, но и от способа их соединения, т. е. от общественной формы.

Общественная форма, будучи детерминированной характером и уровнем развития производительных сил, допускает различные варианты соединения факторов и, следовательно, образование различных величин действительных производительных сил при одних и тех же факторных величинах. «Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия»². Так, изменение экономической политики, норм хозяйственного права с соответствующими изменениями в планировании, стимулировании и организации труда, становление бригадных форм, подрядных и арендных отношений, меняя способ соединения факторов про-

изводства, меняет и меру их реализации как элементов действительных производительных сил.

Соответствие формы содержанию всегда относительно, оно достигается через несоответствие, т. е. закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил действует как тенденция, как, впрочем, и все остальные законы общественного развития. В двуедином взаимодействии человек — природа и человек — человек детерминирующее воздействие производительных сил на общественные отношения осуществляется через людей, которые в качестве частичной функции человека являются главной производительной силой и одновременно субъектами общественных отношений. Закон соответствия отражает основную причинно-следственную связь способа производства, но существует и обратная связь: воздействие общественных отношений на производительные силы, формы на содержание. Та мера, в какой личный фактор реализует себя как элемент действительных производительных сил — рабочую силу, определяет и меру превращения материально-вещественного фактора в средства производства. Мера же, в какой личный фактор реализует себя как рабочую силу, зависит не только от степени взаимного соответствия факторов, но и от обратного воздействия общественной формы, которое в концентрированном виде выражено в способе соединения факторов. Это всегда взаимообратное воздействие: рабочей силы и через рабочую силу средств производства на общественную форму и обратное воздействие общественной формы на личный фактор. Степень реализации личного фактора как рабочей силы при том ограничении со стороны материально-вещественного фактора, о котором говорилось ранее, все же определяется воздействием общественной формы. Степень же превращения материально-вещественного фактора в средства производства зависит от того, в какой мере личный фактор реализует себя как рабочую силу.

Выделение в качестве ведущей стороны содержания способа производства производительных сил является основой материалистического понимания истории и фиксируется законом соответствия. По сути дела, закон соответствия отражает как связь социальной формы движения с другими формами движения, на которых данная форма базируется, из которых вырастает, но к которым качественно не сводима, так и ее производный от других форм движения, зависимый характер. Именно закономерный характер всех менее сложных форм движения и прежде всего биологической, на которой социальная форма непосредственно базируется, обуславливает закономерный характер социальной формы движения. В производительных силах фиксируется достигнутый уровень общественного взаимодействия человека и природы, которое в конечном счете определяет общественное взаимодействие. Состояние этого двуединого взаимодействия фиксируется как достигнутый уровень обобществления. Зависимость социальной формы движения от других форм фиксируется категорией потребности. Собственно, стык социальной формы с другими формами движения фиксируется парой категорий «производительные силы и производственные отношения».

Рассматриваемые только по линии детерминирующего воздействия со стороны производительных сил производственные отношения носят объективный характер, возникают с необходимостью и хотя в какой-то мере проходят через сознание людей, но зависят не от воли и сознания, а от состояния достигнутого взаимодействия с природой. На этой стадии исследования — на уровне способа производства — фиксируется объективная тенденция общественного развития, общее направление эволюции социальной формы движения. Перефразируя Энгельсово определение жизни как способа существования белковых тел, можно дать определение производства как способа существования человека и общества.

Никто не станет оспаривать того, что общественное производство представляет собой систему, но ведь из этого следует, что оно, как и всякая система, имеет обратную связь. Пока не обнаружена и не подключена обратная связь, система безжизненна, статична. Игнорирование обратной связи приводит к тому, что мы можем в лучшем случае зафиксировать ряд состояний системы в прошлом, так как там обратное воздействие уже угасло, объективировалось в прошлой хозяйственной структуре, но мы не можем объяснить, как система переходит из одного состояния в другое, дать механизм перехода. Иначе говоря, мы не можем перейти от статики к динамике, зафиксировать движение, эволюцию системы. В этом случае мы получаем знание, повернутое вспять, и теряем возможность опережающего отражения состояния системы. При таком подходе политэкономия оказывается обращенной на себя, не способной выполнять свою практическую функцию

обобщенной экономической науки, от нее не могут исходить импульсы прежде всего материальному производству, нет конечного политэкономического продукта, пригодного для выработки экономической политики.

Только подключение обратной связи выводит из оцепенения систему, дает возможность зафиксировать движение и предсказать возможные состояния системы в будущем, применительно к политэкономии — дать продукт в виде, пригодном для выработки экономической политики, обеспечивающей достижение системой желательного состояния в ближайшем и отдаленном будущем. В идеале для этого необходимо установление механизма эволюции системы, или, иначе говоря, создание теории хозяйственного механизма. Вопрос о хозяйственном механизме применительно к нашему реальному обществу — это перенесенный из области чистой политэкономической теории в практическую область вопрос о планомерности общественного развития.

Ни один из политэкономов не станет отрицать относительной самостоятельности базиса, его активного воздействия на производительные силы. Но вот как совместить положение об объективности базиса, связанное с его детерминированностью производительными силами, с положением о его относительной самостоятельности, без которой базис абсолютно пассивен, не может воздействовать на производительные силы, т. е. не может быть причиной изменений в них и остается только следствием в этом взаимодействии. Это означало бы, что причина и следствие теряют применительно к социальной форме движения способность переходить друг в друга.

Если рассматривать способ производства как подсистему общества в целом, то он оказывается разомкнутым как со стороны природы, так и со стороны идеологических, надстроечных отношений. Подсистема материальных, базисных отношений тоже не изолирована от идеологических отношений, которые также относительно самостоятельны и воздействуют на базисные отношения и через них на производительные силы. Дело в том, что мы, пытаясь перейти от статичного состояния системы к динамике, хотим зафиксировать в понятиях движение в его специфической форме. Зафиксировать движение — значит зафиксировать его источник, т. е. противоречие, которое предполагает выделение двух сторон и фиксируется парой категорий.

Если мы абсолютизируем объективность базиса, то противоречие его ускользает, нет движения системы, производительные силы, базис и надстройка взаимодействуют, как шестерни механизма, в одну сторону, не как системы. Это и есть то, что К. Маркс называл экономическим детерминизмом, перенесением представлений о механическом движении на социальное.

Противоречие базиса состоит в том, что он в любой **настоящий** момент является и не является объективным, представляет собой единство и взаимопереход объективного и субъективного. Этот настоящий момент, когда мы изучаем ту или иную хозяйственную структуру, неизбежно остается в прошлом, объективирован, взаимодействие его покинуло, угастро в нем. Такую, с неизбежностью прошлую, реальность мы воспринимаем как чисто объективную. Отсюда, в частности, следует, что время изучения хозяйственных процессов, в том числе макроэкономического уровня, объективно обусловлено временем протекания реальных хозяйственных процессов. Ускорение социально-экономического развития одним из условий имеет ускорение политэкономических исследований: конечный политэкономический продукт должен поступать в срок, иначе замедляется хозяйственное развитие. Применение в материальном производстве знания о позавчерашнем дне, которое может представлять лишь чисто научный интерес, поскольку привязано к прошлому состоянию общества, приводит к объективации прошлого состояния хозяйственной структуры в последующий момент времени, к застою. Отсутствие научного опережающего отражения хозяйственной структуры порождает стихийность, система теряет свои преимущества. Иными словами, вопрос о сбалансированности имеет и такой важный аспект, как приведение в соответствие времени протекания различных процессов в сфере материального и духовного производства. Время протекания хозяйственных процессов задается биологическим временем людей через потребности.

С чем же связано наличие субъективного в базисе и как зафиксировать эту улетающуюся добавку в понятия? Субъективное в базисе связано с обратным воздействием идеологических, прежде всего организованных в надстройку отношений на материальные. Именно идеологические отношения являются сферой субъективного, само деление общественных отношений на материальные, не зависящие от воли и сознания людей, и идеаль-

ные, волевые и зависящие от сознания, указывает на это. Идеологические отношения сами имеют градации в зависимости от того, прямо или опосредованно те или иные из них детерминированы материальными, их субъективность относительна. Наличие субъективного в базисе связано с тем, что субъектами материальных отношений являются люди. В двуедином взаимодействии человек — природа и человек — человек (в отношениях способа производства) именно в людях сосредоточены и переходят друг в друга два качественно различных отношения: необщественное и общественное — граница между ними проходит внутри человека. С одной стороны, фиксируется его частичная функция, то, что он является носителем рабочей силы. Здесь берется та часть развития личности, которая задействована в необщественном взаимодействии. С другой стороны — та часть личности, которая используется в общественном взаимодействии, т. е. социальная сущность человека как субъекта общественных отношений. Выделение этих сторон, частей единой человеческой личности в чистом виде возможно только в мышлении, в действительности любая человеческая способность задействована в какой-то степени в обоих видах взаимодействия. В каждый момент развитие личности, ее способности можно рассматривать как некоторую постоянную величину, которая может различным образом, в различной пропорции распределяться между двумя различными взаимодействиями. От того, каким образом они распределены, будет зависеть, в каком наборе и какого качества, уровня развития будут наличные способности в последующий момент времени. То, в какой мере имеющееся развитие личности будет реализовано производительно, т. е. будет задействовано в необщественном взаимодействии, станет элементом действительных производительных сил, рабочей силой, будет зависеть от того, сколько сил, способностей уйдет на общественное взаимодействие. При этом нужно, конечно, помнить о том, что существует объективно в каждый момент времени ограничение со стороны развития наличного материально-вещественного фактора. Оно касается как возможности развития личностного фактора, так и превращения его в рабочую силу.

Итак, субъективное в базисе связано с обратным воздействием надстройки, с проникновением в базис идеологических отношений. Если деление общественных отношений на материальные и идеологические имеет целью установление основной причинно-следственной связи, того, что является первичным и что вторичным, то выделение базиса и надстройки означает переход на новый уровень абстракции, на котором учитывается обратное воздействие идеологических отношений на материальные, их взаимопроникновение. Реальный базис не есть чисто материальные отношения, чисто объективное, надстройка не есть чисто идеологические отношения, чисто субъективное.

К. Маркс, Ф. Энгельс не сводили общественное развитие только к воздействию базиса на надстройку. «Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный классом после выигранного сражения, и тому подобные правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует)»³.

Субъективное в базисе, связанное с обратной связью, с воздействием идеологических отношений надстройки, фиксируется категорией собственности и сводится к соединению факторов производства в их превращении в действительные производительные силы. От того, каким образом соединяются факторы производства, зависит, как уже отмечалось, степень их превращения в действительные производительные силы, а значит, и их детерминирующее воздействие на общественные отношения в целом и материальные отношения непосредственно. Стиковая область базиса и надстройки, их взаимопереход представлены, с одной стороны, конкретными хозяйственными формами и структурами, с другой стороны — политикой, правом и государством. Остальные идеологические отношения взаимодействуют с базисом опосредованно. Взаимопроникновение базиса и надстройки состоит в

том, что те или иные хозяйственные формы и структуры существуют и в надстройке, выступают формами ее организации и функционирования; с другой стороны, социально-экономическая политика — это всегда в той или иной степени деятельностная реализуемая политика, право — действующее право, в том числе хозяйственное, государство — действующее, реально осуществляемое насилие, активно влияющее на процесс воспроизводства. В современных условиях в стыковую область переместилась наука, которая одной стороной входит в базис (естественные науки), другой — в надстройку (общественные науки). Взаимопереход осуществляется через науки о человеке (медицина, психология и т. п.).

Таким образом, реальный базис представлен системой хозяйственных отношений и является единством и взаимопереходом объективного и субъективного. Изменения политики, права, будучи сначала принадлежностью надстройки, опережающим отражением состояния хозяйственной системы, несущим в себе момент субъективного, связанного с неполнотой, относительностью научного знания, несовпадением интересов и т. д., объективируются через существующий хозяйственный механизм, деятельность людей в последующем состоянии хозяйственной системы. Поощряя или ограничивая те или иные способы соединения факторов производства, т. е. изменяя формы реализации собственности, можно изменять поведение человека, его трудовую активность и т. п., при этом изменяется мера реализации его развития, способностей. При тех же факторных величинах возникают иные величины действительных производительных сил, меняется их детерминирующее воздействие на базис, появляется возможность объективации иных хозяйственных структур, иных форм реализации собственности.

Чтобы реализовать свою практическую функцию в теории хозяйственного механизма, политэкономия на завершающей стадии исследования должна выходить за рамки традиционного предмета и охватывать стык и взаимопереход производительных сил в производственные отношения, и наоборот и, с другой стороны — стык и взаимопереход базиса и надстройки. Для этого необходимо взаимодействие с науками, изучающими стыковые области, развитие и унификация категориального аппарата смежных наук. Поскольку отражаемый объект образует целостность, систему, то и его научное отражение должно давать целостное представление о нем. Центральным вопросом концепции хозяйственного механизма, как отмечают многие авторы, является вопрос о соотношении объективного и субъективного в экономике.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 33, 215.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 440.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394—395.

В. Л. КЛЮНЯ

РАЗВИТИЕ ХОЗРАСЧЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АПК

Как отмечалось на XXVII съезде, а затем на мартовском (1989) Пленуме ЦК КПСС, ключевым вопросом современной аграрной политики является коренное преобразование экономических отношений в деревне. Основной замысел принципиальных изменений в хозяйственном механизме аграрного сектора сводится к тому, чтобы открыть простор экономическим методам хозяйствования, значительно расширить самостоятельность колхозов и совхозов, поднять их заинтересованность, ответственность за конечные результаты. «По сути, речь идет о творческом использовании ленинской идеи о продналоге применительно к современным условиям»¹. Реализация установок XXVII съезда партии на развитие и усиление действенности хозяйственного расчета требует повышения эффективного функционирования всей системы производственных и, в частности, товарно-денежных отношений. Данное положение требует не только активной практической работы, но и преодоления сил инерции в экономическом мышлении, критического переосмысления некоторых взглядов и концепций. На этом хотелось бы остановиться несколько подробнее.

В. И. Ленин считал развитие товарно-денежных отношений могучим средством социалистического строительства. Это обусловлено тем, что тесно связанные с товарно-денежными хозрасчетные отношения воздействуют на интересы людей — главную движущую силу общественного развития. Тем самым стимулируется рациональное использование трудовых, материаль-

ных и природных ресурсов, создаются необходимые экономические условия для развития общественного самоуправления, творческой инициативы трудящихся.

Однако с начала 30-х годов в стране официальным становится теоретическое положение, согласно которому в социалистическом обществе система распределения должна строиться на принципах продуктообмена. Утверждалось, что коллективизация крестьянских хозяйств ликвидирует основу товарно-денежных отношений. Введенный в то время порядок заготовок хлеба в виде контрактации, но без аванса, оценивался как процесс отмирания торговли и рынка, как переход к безрыночному товарообороту и продуктообмену. Более того. Ошибочные теории о несовместимости строительства социализма с торговлей и хозрасчетом привели на практике к тому, что в колхозах и совхозах до начала 50-х годов не исчислялась себестоимость сельскохозяйственной продукции, не определялись прибыль и рентабельность производства. Борьба за снижение издержек производства расценивалась как разновидность буржуазного, торгашеского понимания рентабельности².

Выхолащивание сути товарно-денежных отношений привело к негативным явлениям в практике хозяйствования, сдерживанию развития производства, снижению его эффективности, подрыву хозрасчета. Хозяйственный механизм вошел в острое противоречие с потребностями развития интенсивного типа социалистического расширенного воспроизводства. Догматическое понимание товарно-денежных отношений снизило возможности более полного использования потенциала плановой экономики.

В 50—60-е годы были предприняты попытки оживить товарно-денежные отношения в сфере АПК, перевести колхозы и совхозы на подлинный хозрасчет. В 1967 году ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о переводе совхозов на полный хозрасчет. Однако на практике права хозяйств вскоре стали вновь ограничиваться. Например, их фонды экономического стимулирования стали все больше использоваться в качестве плановых источников финансирования капитальных вложений. До совхозов продолжали доводить сверху многочисленные показатели, не предусмотренные условиями хозрасчета, инициатива хозяйственных руководителей все более сковывалась. Как и следовало ожидать, произошло снижение эффективности совхозного производства. Благоприятные условия хозяйствования были созданы майским (1982) Пленумом ЦК КПСС, в соответствии с решениями которого только на повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и на надбавки к ним для низкорентабельных и убыточных хозяйств было выделено 21 млрд. руб. Но эти и другие меры не были подкреплены экономическими методами управления производством. Вследствие этого многие колхозы, совхозы, перерабатывающие предприятия вступили в новую пятилетку с серьезными финансовыми трудностями.

Решающую роль в преодолении предубеждений по отношению к товарно-денежным отношениям, их недооценки в практике планового руководства экономикой сыграл XXVII съезд КПСС. Отрицание важности активного воздействия товарно-денежных отношений на повышение заинтересованности людей, эффективность производства, отмечается в материалах съезда, ослабляет хозрасчет, вызывает другие нежелательные последствия. И напротив, здоровое функционирование товарно-денежных отношений на социалистической основе способно создавать такую обстановку, такие условия хозяйствования, когда его результаты всецело зависят от качества работы коллектива, от умения и инициативы руководителей³. Как не вспомнить в этой связи В. И. Ленина, который отмечал, что жизнь заставляет оторваться от теоретических схем, требует учиться гибкости, умению быстро менять методы и формы экономической политики, учитывать изменившиеся объективные условия, выбирать другой путь к нашей цели, если прежний оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным⁴.

Постановление Совета Министров СССР от 5 апреля 1989 года «О коренной перестройке экономических отношений и управления в агропромышленном комплексе страны»⁵ направлено на укрепление и развитие товарно-денежных отношений, на полное внедрение хозяйственного расчета во всех сферах АПК. Оно усиливает значение социалистического рынка, позволяет эффективнее использовать экономический арсенал товарно-денежных, а вместе с ними и хозрасчетных отношений (цены, кредит, прибыль, рентабельность) и резко повысить производительность труда.

Коренной проблемой перехода колхозов и совхозов на подлинный хозрасчет является перевод их на принципы самоокупаемости и самофинансирования. Это означает, что хозяйство за счет своих заработанных денежных

средств будет обеспечивать расширенное воспроизводство, расплачиваться с госбанком по ссудам, формировать все необходимые ему фонды. «Опыт прошлого, — подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — показал, что игнорирование принципов самокупаемости, нарушение материальной заинтересованности и ответственности за результаты работы ухудшило финансово-экономическое положение колхозов и совхозов, привело к значительной задолженности хозяйств. Подлинный хозрасчет, зависимость доходов предприятий от конечных результатов должны стать нормой для всех звеньев агропромышленного комплекса, и прежде всего колхозов и совхозов»⁶.

Самокупаемость хозяйств практически обеспечивается через плановый товарно-денежный обмен, гибкий ценовой и кредитно-финансовый механизм. Особая роль здесь принадлежит обоснованному ценообразованию. Первоочередной задачей в области ценообразования в АПК является создание такого механизма, который обеспечивал бы колхозам и совхозам стабильные условия для их развития на основе хозяйственного расчета. Решение этой задачи затрагивает не только закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, но и цены на ресурсы, поставляемые промышленностью сельскому хозяйству, тарифы и услуги, оказываемые совхозам и колхозам обслуживающими организациями. В современных условиях, когда происходит непрерывное углубление межотраслевых связей, воспроизводственный процесс в сельском хозяйстве все в большей степени зависит от смежных отраслей промышленности и производственной инфраструктуры. Поэтому возможности расширенного воспроизводства в колхозах и совхозах, себестоимость их продукции, рентабельность производства находятся под влиянием качества индустриальных средств производства, установленных на них цен.

Наблюдавшееся в недавнем прошлом удорожание ресурсов и оказываемых сельскому хозяйству услуг привело к росту себестоимости сельскохозяйственной продукции. В результате, несмотря на значительное повышение закупочных цен, рентабельность колхозов и совхозов снизилась. Сельскохозяйственные предприятия были вынуждены больше половины средств, получаемых от продажи продукции государству, расходовать на приобретение промышленных товаров. В этой связи XXVII съезд партии отверг бытующее мнение о недопустимости применения в социалистической экономике принципа гибкости цен. Постановлением правительства «О коренной перестройке экономических отношений и управления в агропромышленном комплексе страны»⁷ намечено практическое использование этого принципа. Государственная комиссия Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам, Госкомитет СССР по ценам обязаны усилить контроль за состоянием цен на промышленные изделия и услуги для сельского хозяйства.

Перспективны в направлении укрепления экономических основ хозяйственного расчета, принципа самокупаемости является расширение практики применения так называемых цен взаимной договоренности. В планово-договорных ценах, как показывает опыт социалистических стран, удачно сочетается относительная стабильность цен с их гибкостью, подвижностью. В этих ценах учитываются общественная полезность и потребительские свойства продукта, спрос и предложение. Так, потребительская кооперация закупает сельскохозяйственную продукцию в личных подсобных хозяйствах по договорным ценам и продает их в своих магазинах по ценам, более высоким, чем розничные государственные. Аграрно-промышленные комбинаты реализуют часть своей продукции потребителям по повышенным ценам. Колхозы и совхозы также имеют возможность продавать овощи, фрукты, картофель на колхозных рынках или потребкооперации по ценам, превышающим розничные государственные.

В системе мер по совершенствованию ценообразования в АПК большое внимание уделяется усилению стимулирующей функции закупочных цен. В настоящее время в этих целях широко используется система поощрительных надбавок к закупочным ценам. Надбавки к ценам за продукцию, реализуемую сверх достигнутого уровня, дополнительно стимулируют хозяйства, особенно экономически слаборазвитые, в наращивании объемов производства и заготовок продукции. Применяются также надбавки к закупочным ценам на сельскохозяйственную продукцию, продаваемую низкорентабельными и убыточными хозяйствами. Получать надбавки могут и хозяйства, имеющие благоприятные условия производства, но не использующие их. При оценке уровня рентабельности хозяйства, на наш взгляд, следует исходить из ресурсного потенциала, т. е. из совокупности факторов: земли, ра-

бочей силы, основных и оборотных фондов, отраслевой специализации. В этом случае надбавка к закупочным ценам на продукцию хозяйств, ведущих производство в худших природных условиях, позволила бы полнее учитывать рентные отношения в сельском хозяйстве. Их применение в сочетании с зональной дифференциацией закупочных цен способствовало бы усилению хозрасчетных принципов в деятельности колхозов и совхозов, выравниванию условий расширения воспроизводства в сельском хозяйстве. Аналогичный подход, по нашему мнению, требуется и к установлению надбавок за превышение уровня производства, достигнутого в предыдущей пятилетке. Эта мера стимулирования в определенной степени «наказывает» хозяйства и регионы, уже достигшие высокого уровня производства. Кроме того, она вызывает стремление получить дополнительные материальные ресурсы для обеспечения роста производства.

Углублению хозрасчета способствует также расширение экономической самостоятельности колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и повышение их ответственности за конечные результаты производства. Хозяйства сегодня самостоятельно определяют посевные площади, урожайность и валовые сборы сельскохозяйственных культур, поголовье животных, их продуктивность, валовое производство продуктов животноводства. Права колхозов и совхозов расширяются и в связи с изменениями в системе закупок сельскохозяйственной продукции. Для них уже не доводится в директивном порядке государственный заказ. Хозяйства поставляют продукцию в соответствии с договором, заключенным с заготовительной организацией. После выполнения обязательств по договору контрактации с учетом государственного заказа на поставку в общесоюзный и республиканские фонды оставляется часть продукции производитель реализует по своему выбору: тем же заготовительным или торговым организациям, перерабатывающим предприятиям, потребкооперации, на колхозном рынке, в общественном питании.

Ограничение объема поставок сельскохозяйственной продукции в централизованные фонды и более широкое использование продукции по усмотрению хозяйств — одно из направлений реализации ленинской идеи о продналоге. Как известно, при переходе к продналогу был сокращен объем обязательных поставок продуктов государству, но в то же время расширены закупки сельскохозяйственной продукции у крестьян на основе товарно-денежного обмена. Предусматривалось также дифференцированное, в зависимости от качества земли и других условий, определение размеров обязательных поставок. Здесь учитывались интересы как самих товаропроизводителей, так и социалистического государства.

Сочетание заинтересованности и ответственности — характерная черта всех сторон хозяйственной деятельности в условиях перестройки. Так, много расширяются права предприятий агропрома распоряжаться собственными средствами. Совхозы ныне могут использовать на финансирование плановых мероприятий все имеющиеся в их распоряжении финансовые ресурсы, независимо от источников их образования. Теперь платежи совхозов в бюджет будут строиться в хозрасчетной, нормативной основе.

На XXVII съезде КПСС отмечалось, что «заложенная в новом хозяйственном механизме линия на расширение прав предприятий даст должную отдачу в том случае, если его принципы будут пронизывать все звенья производства, вплоть до бригады и рабочего места»⁸. Эта принципиальная установка нашла свое отражение в новом механизме хозяйствования АПК, разработанном мартовским (1989) Пленумом ЦК КПСС. Одной из эффективных форм хозяйствования становятся подрядные отношения на селе. Они представляют собой совокупность производственных отношений, направленных на обеспечение системы экономических интересов в достижении максимальных конечных результатов совместного труда. Подряд как вид хозрасчета направлен на повышение материальной заинтересованности коллективов и каждого труженика в выполнении заданий, широкое использование достижений науки, максимальное повышение производительности труда, всемерное развитие творческой инициативы, предприимчивости, самостоятельности, воспитание чувства хозяина и ответственности за конечные результаты производства и активизацию человеческого фактора. Подрядный коллектив заинтересован не только в получении большого количества продукции, но и в том, чтобы произвести ее с наименьшими затратами материальных и трудовых ресурсов.

Мартовский (1989) Пленум обратил особое внимание на развитие хозрасчетных отношений в связи с восстановлением и совершенствованием

кооперативных основ колхозов и совхозов. Речь идет о том, что колхозы и совхозы должны быть кооперативами самостоятельных хозрасчетных под-
рядных производственных коллективов. Хозяйствам должны быть предо-
ставлены реальные возможности распоряжаться всеми имеющимися у них
средствами.

Как видим, развитие хозрасчетных отношений в АПК является одним
из главных направлений, на котором необходимо максимально сконцентри-
ровать усилия. В агропромышленном комплексе создаются благоприятные
возможности хозяйствования, позволяющие работать безубыточно. Необхо-
димо обеспечить повсеместное внедрение подлинного, полного хозяйственно-
го расчета во всех звеньях сельскохозяйственного производства. Нужны
конкретные дела, обобщение и внедрение опыта. Именно практика помогает
вырабатывать предприимчивость, творческую смелость, компетентность,
глубокое экономическое мышление.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 31.

² См.: Добрынин В. Товарно-денежные отношения в агропромышленном ком-
плексе // Экономика сельского хозяйства. 1987. № 8. С. 47.

³ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. С. 40—41.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

⁵ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 г.
М., 1989. С. 126—127.

⁶ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 32.

⁷ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 г.
С. 138.

⁸ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 251.

Н. И. БАЗЫЛЕВ, В. П. ТРОСТИНСКАЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ТРУДА И СТАБИЛЬНОСТЬ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

Одной из важнейших составляющих общественного труда являются его
условия. В самых общих чертах условия труда можно определить как сфор-
мировавшуюся под воздействием производительных сил и производствен-
ных отношений производственную среду (материально-вещественную и со-
циально-экономическую), в которой функционирует труд человека. От уров-
ня развития и содержания этой среды зависят реализация работником его
физических и духовных сил, эффективность производства, его интенсифика-
ция. Состояние производственной среды, т. е. условий труда, выступает в
качестве одного из важнейших показателей социально-экономической одно-
родности (либо неоднородности) общественного труда, положения индивида
в производстве, его жизненных условий, реализации его интересов.

Такое определение условий труда в широком смысле выражает социаль-
но-экономические условия протекания процесса труда, в узком — социально-
нравственное и материально-вещественное обеспечение производственного
процесса.

Что касается социально-экономических условий труда, то они есть не
что иное, как условия, определяемые характером общественного строя и ха-
рактеризующие в первую очередь положение трудящихся в общественном
производстве. Их структура состоит из таких элементов, как полная заня-
тость трудоспособного населения, продолжительность рабочего дня и отпус-
ков, трудовые нормативы, согласно которым устанавливается напряжен-
ность рабочего дня и интенсивность труда.

Материально-вещественные же условия труда (их можно рассматривать
на уровне предприятия) представляют собой производственную среду, в ко-
торой функционирует труд человека и которая влияет на здоровье, работо-
способность, интересы, потребности и развитие личности работников. По-
скольку нас в данном исследовании интересуют именно условия труда на
уровне предприятия, более подробно остановимся на материально-вещест-
венных условиях производства. Их структура может быть классифицирова-
на по следующим признакам и группам: технические (уровень механизации
и автоматизации производства, энерговооруженность труда), санитарно-ги-
гиенические (уровень освещенности, шума, загазованности), психофизиоло-
гические (физическая нагрузка, нервно-эмоциональное напряжение; режим
труда и отдыха), эстетические (композиционная целостность интерьера ра-

бочих помещений и т. п.), социально-психологические (характер взаимоотношений в первичном производственном коллективе), естественно-природные, а также санитарно-бытовое обслуживание работников (качество питания на производстве, обеспеченность путевками в санатории и дома отдыха).

Совершенствование условий труда зависит от уровня их взаимодействия с комплексом как социально-экономических, так и материально-вещественных факторов: первые либо ускоряют, либо тормозят этот процесс, вторые по отношению к преобразованию условий труда выступают в качестве их материальной основы, которая формируется в процессе поступательного развития производительных сил.

Решение проблемы улучшения условий труда в социалистических странах обусловлено самой сутью производственных отношений. Однако и при социализме условия труда не всегда соответствуют потребностям человека. Обусловлено это многими причинами: материальными, финансовыми, техническими возможностями производительных сил, необходимостью отвлечения значительных средств на оборону страны и др.

Говоря о социально-экономических и материально-вещественных предпосылках создания благоприятных условий труда, нужно отметить, что они в целом «не консервировались» советским обществом, а всегда динамично развивались, возрастали, приобретая характер устойчивой закономерности. Об этом свидетельствует, например, рост расходов в нашей стране на охрану труда: 1976—1980 годы—19,8 млрд. руб.; 1981—1985—24,3; 1986—5,9; 1987—6,2 млрд. руб. Характерно, что темпы увеличения расходов опережают темпы общего прироста национального дохода. К примеру, последний возрос с 1980 по 1987 год в 1,3 раза, а расходы на охрану труда за этот период увеличились в 1,6 раза. Заметно увеличилось число комплексно-механизированных и автоматизированных участков, цехов, производств (с 1971 по 1987 год—в 2,5 раза), а также предприятий (в 1,7 раза)².

В воздействии научно-технического прогресса на условия труда не исключены и противоречивые моменты. В частности, несмотря на высокие в целом темпы перевода предприятий промышленности на комплексную механизацию и автоматизацию, их доля еще не высока: в 1987 году они составили всего 16 % общей численности производственных единиц и самостоятельных промышленных предприятий. Значительна еще доля тяжелого физического труда. Так, в настоящее время в народном хозяйстве страны около 50 млн. человек заняты ручным трудом, в том числе: примерно $\frac{1}{3}$ —в промышленности, более половины—в строительстве, $\frac{3}{4}$ —в сельском хозяйстве. За 1986—1987 годы высвобождено более 1,5 млн. человек, занятых ручным трудом³. Особенно широко тяжелый физический труд применяется на предприятиях лесного комплекса, в частности на фанерных предприятиях. Как показали результаты специального исследования, доля ручного труда за период с 1970 по 1986 год здесь не только не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась с 46,3 до 54,9 %. На работах с тяжелыми, вредными и особо тяжелыми условиями труда занято 41,2 % работников отрасли. Основное технологическое оборудование имеет в большинстве срок службы свыше 10 лет. До настоящего времени шпон и фанеру сортируют только вручную. При этом сортировщицы шпона и фанеры за смену проходят от 6 до 23 км и переносят от 4,8 до 10,5 т каждая⁴. В ряде случаев загрязненность воздуха вредными веществами, температура и влажность, шум превышают допустимые нормы. Крайне низок удельный вес рабочих мест, отвечающих прогрессивным нормам и нормативам. Например, на заводе «Красный Якорь» таких рабочих мест лишь 4,9 %⁵. Не случайно на фанерных предприятиях высоки потери рабочего времени из-за болезней—в среднем 12—13 дней на одного рабочего в год.

Неблагоприятные условия не могли не сказаться на степени удовлетворения рабочих условиями труда. Индекс удовлетворенности условиями труда, по результатам проведенного социологического обследования, на этих предприятиях составил лишь 0,356 или в 1,3 раза ниже аналогичного показателя на машиностроительных предприятиях⁶. Особенно велико число неудовлетворенных условиями труда на деревообрабатывающих предприятиях среди желающих сменить место работы: здесь индекс удовлетворенности лишь 0,262. Обнаружилась прямая связь между неудовлетворенностью условиями труда и текучестью кадров: индекс удовлетворенности условиями труда у тех, кто намерен продолжать трудиться в заводском коллективе, составляет 0,418, у тех, кто намерен покинуть предприятие, лишь 0,293. И не случайно коэффициент текучести рабочих на фанерных предприятиях

в 1,3—1,4 раза превышает аналогичный показатель всей промышленности страны⁷. Каждый второй рабочий мотивировал свое увольнение неудовлетворенностью условиями труда.

Разумеется, одним из путей стабилизации трудовых коллективов на участках с неблагоприятными условиями труда может быть повышение заработной платы работающих на этих участках. Но, как показали результаты исследования, такое повышение существенного влияния на интенсивность текучести кадров не оказывает⁸. Самая высокая интенсивность текучести рабочих наблюдается на участках с тяжелыми и вредными условиями труда, хотя заработок там довольно высокий. Рабочие согласны получать меньшую зарплату, но взамен требуют улучшить условия труда.

Низкий уровень механизации труда и высокая текучесть кадров являются серьезной помехой выполнения взятых фанерными предприятиями обязательств в течение двенадцатой пятилетки удвоить темпы ликвидации тяжелого физического труда. При невысоких темпах ($0,32 \times 2$) доля занятых на работах с тяжелыми, вредными и особо тяжелыми условиями труда к 1990 году сократится незначительно и по-прежнему будет очень высокой—почти 39%. Это не решит проблемы стабильности трудовых коллективов. Задания по ликвидации тяжелого физического труда для фанерных предприятий должны быть значительно выше. Надо, с одной стороны, ускорить процесс обновления основных производственных фондов отрасли, который сопровождался бы «внедрением самой передовой техники» и давал бы «наивысший экономический и социальный эффект»⁹, а с другой—придать действительное ускорение обновлению средств труда, обеспечить объективную основу для изменения условий труда посредством реализации достижений научно-технического прогресса, ввести наряду с физическим и моральным износом средств труда социальную форму их износа. Выделение формы морального износа средств труда вытекает из необходимости обеспечения соответствия условий труда развитию человека как главной производительной силы общества и согласуется с потребностями реализации основного экономического закона социализма, прежде всего, в самом труде. Этот вывод вполне согласуется с основными концептуальными установками, выработанными XXVII съездом КПСС, в которых, в частности, предусматривается: «Усилить ориентацию научно-технического развития на решение социальных задач», «создать более благоприятные условия для высокоэффективной безопасности, повышать культуру производства»¹⁰. Все это в совокупности позволит придать динамичный характер улучшению условий труда и будет способствовать научно обоснованной мобильности и стабилизации трудовых коллективов.

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 16.

² См.: Народное хозяйство СССР в 1987 г.: Статистический ежегодник. М., 1988. С. 735, 15, 46.

³ Там же. С. 46, 81, 60.

⁴ См.: Тростинская В. П. Рекомендации по снижению текучести кадров на предприятиях фанерной промышленности. Л., 1987. С. 78, 49.

⁵ См.: Разработка и внедрение отраслевых методических рекомендаций и нормативных материалов по рекомендации рабочих мест на основе их аттестации в фанерной промышленности. Л., 1987. С. 21.

⁶ См.: Тростинская В. П. Указ. соч. С. 32; Семенкина С. В. Социально-экономические проблемы повышения трудовой активности. Воронеж, 1983. С. 77.

⁷ См.: Тростинская В. П. Указ. соч. С. 13; Народное хозяйство СССР в 1987 г. С. 96.

⁸ См.: Тростинская В. П. Указ. соч. С. 52.

⁹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 116.

¹⁰ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 279—280.

Ю. И. НОВИК

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Правовое регулирование представляет собой форму социальной регуляции, определяющей особенностью которой является использование в качестве основного средства воздействия институциональной нормативно-правовой системы, выступающей в виде устойчивых, существующих независимо от субъективного усмотрения правовых норм, выраженных в законах и других юридических источниках, обеспеченных авторитетом, реальной дееспособностью и принудительной силой государства и его компетентных органов. При исследовании различных видов институциональной нормативной регуляции особое значение приобретает качественный анализ нормативных систем и самих норм, выступающих в роли основных регулятивных средств¹. Поэтому в данном случае психологическому рассмотрению в первую очередь необходимо подвергнуть нормативно-правовую систему, т. е. право как систему норм, обладающую специфическими регулятивными свойствами и возможностями. Социалистическое право обладает широким спектром регулятивных возможностей. Способы их реализации существенно различаются между собой.

При психологическом анализе регулятивных возможностей права основное внимание обычно уделяется правовым нормам, причем в качестве объекта исследования берутся своего рода «обобщенные нормы». Теоретически предполагается, что в действии таких норм находят свое выражение все регулятивные свойства и возможности права, присущие в действительности в полной мере только праву в целом. Не подвергая сомнению познавательную эффективность такого подхода, следует все же не упускать из виду воздействие, которое оказывает право в целом, отдельные его отрасли и институты, регулирующие различные виды общественных отношений, а также присущие им правовые принципы, выраженные в них цели, идеи и оценочные суждения. Такое воздействие нельзя сводить к суммарному влиянию отдельных правовых норм, оно имеет свои существенные социально-психологические особенности. Без его учета нельзя достаточно глубоко разобратся в психологических процессах и механизмах, опосредующих правовое регулирование, в том числе и действие конкретных правовых норм. По уровню регулятивных возможностей оно в большей степени соотносимо не с отдельными правовыми поступками и действиями, а с различными видами правового поведения и правоприменительной деятельности, т. е. охватывает как раз тот самый уровень, который, по мнению В. Н. Кудрявцева, слишком «высок» для отдельной нормы права². При этом реализуется несколько иной, по сравнению с отдельными нормами права, характер воздействия, происходит не моделирование (создание обобщенных программ или конкретных алгоритмов) отдельных поступков и действий, а формирование общих ориентаций, целей, оценочных критериев, которые, однако, не в меньшей мере влияют на правовое поведение людей, определяя не только его «стратегический» план, но и конкретные правовые действия и поступки. Регулятивные свойства и возможности права производны от его ценностного содержания и юридической формы, в которой это содержание выражено и закреплено.

Социалистическое право обладает глубоким ценностным содержанием. Ценности представляют собой, с одной стороны, характеристики предметов, явлений или процессов, в которых человек каким-то образом заинтересован и которые он поэтому оценивает положительно или отрицательно, а с другой — такие формы сознания, в которых выражено нормативно-оценочное отношение человека к окружающей действительности³. В праве получают выражение самые различные социальные ценности. Статус ценностей здесь могут приобретать факты и явления материального и идеального характера — материальные предметы и блага, общественные отношения, человеческие поступки, побуждения, идеи, цели, социальные институты и т. д., которые порождают в качестве идеального обоснования нормы права, закрепляются и охраняются ими, составляют цель права и его институтов⁴. Закрепленные в праве социальные ценности приобретают признак (свойство) нормативности, а правовые нормы, в которых они закреплены, приобретают способность ориентировать (в отличие от регламентации) социальное поведение и деятельность людей, поскольку ценности выступают в качестве задаваемых культурой норм человеческого целеполагания⁵. В этой связи и само право может характеризоваться как нормативно-ценностная система, определяющая осмысление ценностной структуры социальной действительности и ориентацию на нее социального поведения и взаимодействия между людьми.

Социальные ценности, закрепленные в праве, приобретают дополнительную значимость, обеспеченную признанием со стороны государства и высоким авторитетом права. Вместе с тем они во многом определяют ценностные (аксиатические) регулятивные свойства права и отдельных его норм. Эти свойства релевантны (соотносимы) и тесно связаны с ценностно-ориентационными способами регуляции социального поведения личности, а также с ролью ценностей в интеграции действий социальных общностей и групп. Закрепленные в праве (правовых нормах) социальные ценности реализуются на всех уровнях психологического опосредования механизма правового регулирования.

Психологическую реальность, при помощи которой формируются ценностные представления о праве, представляют собой социальные значения — важнейшие смысловые образующие общественного и индивидуального сознания, в которых фиксируется, в большей или меньшей полноте и многосторонности, обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятий, знаний, обобщенного образа действий, норм поведения⁶. Значения выступают как единицы общественного сознания, концентрируя совокупный коллективный опыт в различных формах: от развитых научных категориальных и понятийных абстракций до житейских обыденных представлений, понятий, социальных стереотипов и даже верований и предрассудков, которые характеризуются самой различной степенью истинности⁷. В то же время значения через коммуникативные связи становятся и достоянием индивидуального сознания, субъективизируются в нем, вступая в новые системные связи, приобретая личностный смысл⁸. В дальнейшем переработка усвоенных значений и преобразование системы смыслов в зависимости от конкретных условий и обстоятельств составляют основу содержания субъективной стороны человеческого поведения⁹.

Значения, в которых фиксируется обобщенное отражение социально-правовой действительности в различных ее проявлениях и признаках, составляют основное смысловое содержание правосознания в его общественных (групповых) и индивидуальных формах. Свое конкретное выражение такие значения могут получать как в виде позитивных научных знаний о праве и правовой действительности (имеющихся у отдельных индивидов или ставших достоянием группового правосознания), так и в получивших распространение обыденных житейских правовых представлениях, идеалах, мнениях, оценочных понятиях, социальных стереотипах, обобщенных правилах правового поведения и т. д. Наличие таких значений является необходимым условием коммуникации в системе социально-правовых связей, поскольку каждое из них представляет собой некое типичное обобщенное отражение социально-правовой действительности, позволяющее наладить взаимопонимание и определенную согласованность ее восприятия и оценок в процессе общения. Таким образом, они связывают обобщение и общение: обобщаясь, знания о праве и правовой действительности позволяют осуществлять общение между людьми в правовой сфере.

Вместе с тем значения, отражающие социально-правовую действительность в общественном правовом сознании могут усваиваться каждым отдельным индивидом и становиться образующими его индивидуального правосознания, включаясь в познавательные и оценочные процессы и в саморегуляцию его правового поведения. В зависимости от своеобразия индивидуального опыта или принадлежности к определенным социальным группам (профессиональным, возрастным, социокультурным и др.) в системе этих значений могут появляться специфические составляющие, определяющие индивидуальные (групповые) особенности правосознания. Значения, образующие смысловой аспект правосознания, не выделяются в качестве его элементов, имеющих самостоятельный морфологический статус, наравне, например, с ценностными ориентациями или социальными установками. Ценностные ориентации и социальные установки могут наполняться различным смысловым содержанием в зависимости от своеобразия усвоенных и используемых личностью значений, отражающих социально-правовую действительность. Отдельные значения представляют собой подвижные функциональные образования, возникающие и существующие внутри целостной системы значений, перцептивного или мыслительного образа и определяемые этой системой¹⁰. Значения, образующие смысловой аспект правосознания, могут объединяться в различные функциональные структуры, обеспечивающие выполнение конкретных задач применительно к восприятию и пониманию правовой информации, ее мысленной переработке и интерпретации, оценке обстоятельств и условий, имеющих юридическое значение, к формированию индивидуальных моделей и правил саморегуляции правового поведения или правоприменительной деятельности.

На психологическом уровне ценностное содержание нормативно-правовой системы получает свое выражение не только в значениях, отражающих социальный смысл закрепленных в ней ценностей, но и в определенном субъективном отношении к ним. Такое отношение формируется как в индивидуальном, так и в групповом правосознании и играет значительную (часто определяющую) роль в реализации ценностного содержания права. Ценности при этом наряду с обобщенным социальным смыслом приобретают индивидуальный (личностный) или групповой смысл в связи с местом, занимаемым личностью (группой) в социальной структуре, преследуемыми ими более общими интересами и целями и конкретными условиями и обстоятельствами поведения и деятельности. В отношении к ценностям получает выражение аффективная (эмоционально-оценочная) сторона связи личности (группы) с социальной действительностью. В отличие от социально-правовых значений, обладающих устойчивостью, отношение к ценностям, закрепленным в нормативно-правовой системе, может проявляться и как устойчивое, и как ситуативное. В устойчивой форме такое отношение фиксируется в ценностных ориентациях личности. Ситуативные его изменения могут быть связаны с наличием сильных конкурирующих мотивов, интересов и целей или с возникновением противоречий между различными ценностными ориентациями, в том числе и неправовыми, влияющими на данный конкретный акт правового поведения (деятельности).

Среди функций, которые выполняют ценности в организации общественной жизни, одной из основных, если не главной, считается роль ценностей как критериев выбора из альтернативных способов действий¹¹. В связи с этим можно предполагать, что регулятивный потенциал ценностного содержания нормативно-правовой системы в наибольшей степени реализуется в условиях необходимости осуществлять выбор из возможных вариантов правового поведения (деятельности). Такого рода выбор психологически может осуществляться только в форме принятия решения. Поэтому следует исходить из того, что социальные ценности, получившие выражение в нормативно-правовой системе, включаются в процессы правового воздействия, преимущественно посредством принятия решений, в качестве критериев выбора альтернативных вариантов правового поведения (деятельности).

Преобладающие в общественном и групповом правосознании представления о праве и отношении к нему во многом зависят от доминирующих тенденций в использовании права как средства социального управления и контроля. Административно-командный стиль социального управления, порождавший тенденцию преимущественного практического использования права как средства, ограничивающего «степени свободы», вводящего в определенные рамки, строго формально регламентирующего все аспекты регулируемых отношений, формировал в правовой психологии соответствующие представления об образе права и его регулятивных возможностях. В частности,

здесь кроются корни распространенных представлений о праве как о принудительной силе, действующей преимущественно посредством требований, и ответственности за их неисполнение, состоящем в основном из ограничений и запретов, действующем часто формально, без достаточного учета всей сложности регулируемых конкретных отношений, не в соответствии с житейской (а иногда и социальной) целесообразностью и нравственной оправданностью. С подобными представлениями тесно связано мнение о возможности и допустимости в некоторых случаях обойти правовые запреты, принять формальное правоприменительное решение или формально исполнить свои правовые обязанности, пренебречь правовыми предписаниями из соображений целесообразности.

Надо отметить также, что образ права наряду с позитивным значением может включать и заблуждения, ошибочные представления, иллюзии житейского опыта. Значительное место в нем занимают социально-правовые стереотипы, представляющие собой смысловые (семантические) комплексы, характерными психологическими свойствами которых являются: малое количество внутренних измерений; упрощенное отражение реальности; замкнутость; «непроницаемость», превращающая стереотипы в жесткий алгоритм переработки информации соответствующего содержания. Включение стереотипов в процесс психической регуляции поведения резко снижает гибкость и глубину обратной связи с ситуацией, экономя психические усилия субъекта, но одновременно значительно повышая вероятность неадекватного восприятия и неэффективного действия¹².

Развитие социалистической демократии, курс на построение правового государства в нашей стране предполагают глубокие изменения в общественном правосознании и особенно в наиболее активной его части — правовой психологии. Речь идет о формировании действительного образа советского права вместе с изменением самого права. В представлениях о регулятивных возможностях права ведущая роль должна принадлежать его социальной оправданности и справедливости, нравственному содержанию, высокому авторитету и реальной дееспособности правоприменительных государственных органов, способности права к социальной интеграции, к снятию противоречий и конфликтов, решению спорных вопросов, практической обеспеченности осуществления предоставляемых правом возможностей, правомерных действий и правовой активности, а также гарантированности свобод и субъективных прав граждан.

¹ См.: Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979 С. 10.

² См.: Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 27.

³ См.: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. М., 1967. С. 292.

⁴ См.: Неновски Нено. Право и ценности. М., 1987. С. 176—177.

⁵ См.: Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии М., 1985. С. 58.

⁶ См.: Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981. С. 297.

⁷ См.: Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М., 1988. С. 39.

⁸ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 148.

⁹ См.: Психологический словарь. М., 1983. С. 112.

¹⁰ См.: Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. С. 34.

¹¹ См.: Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решения: Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 260.

¹² См.: Назаретян А. П. Социальные стереотипы в информационно-смысловой системе личности // Актуальные проблемы социальной психологии. Ч. I. Кострома, 1986 С. 110.

А. А. ДАНИЛЕВИЧ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СУДЕБНЫХ ПРЕНИИ

Судебные прения — достаточно сложное системно-структурное образование, имеющее различные аспекты: правовой, этический, логический и др. Но прежде всего — это акт психологический, результат деятельности человека, плод его интеллектуальных усилий. В психологической структуре судебных прений выделяются такие компоненты, как психологические функции судебной речи, психологические свойства и качества выступающего, психология восприятия речи и воздействие последней на формирование

судейского убеждения. Поэтому именно эти компоненты речи нуждаются, в первую очередь, в научном анализе, хотя, разумеется, они и не исчерпывают всего содержания психологической структуры судебных прений.

Психологические функции судебных прений достаточно широки и многообразны. Находясь в тесном единстве и взаимосвязи с остальными элементами судебных прений, они имеют свой спектр проявления, свои особенности внешнего выражения. К наиболее значимым психологическим функциям судебных прений относятся коммуникативная, информативная, эмоционально-экспрессивная и побудительная (регулятивная) функции.

Судебные прения выступают прежде всего как средство общения, коммуникации, как способ обмена мыслями и суждениями, как форма отстаивания их участниками своих процессуальных позиций. С точки зрения психологии общение — это процесс взаимодействия людей, форма реализации связей между ними¹. Однако общение в процессе судебных прений — это не только межличностное общение, выражающее личные взаимоотношения участников судебных прений. В данном случае общение выражает объективно существующую между участниками судебных прений связь, обусловленную их процессуальным положением, процессуальными задачами, равно, как и правовыми средствами их осуществления. Поэтому «способы и содержание общения определяются социальными функциями вступающих в него людей, их положением в системе общественных... связей². Отсюда возникает необходимость определенной формализации вопросов, рассматриваемых в процессе общения в судебных прениях, порядка обмена информацией, ее содержания и целого ряда других параметров. Это требует определенного расширения уголовно-процессуального регулирования процесса общения в ходе судебных прений.

Как и в любом общении, в процессе судебных прений происходит не односторонняя передача информации, а взаимный обмен ею. Информационная связь при этом опосредуется целями, которые преследует каждая из сторон взаимодействия. Определенное различие конкретных целей участников судебных прений порождает необходимость установления между ними психологического контакта. Такой контакт включает в данном случае три основных элемента. Во-первых, это — возбуждение интереса к обмену информацией и активной мыслительной деятельности по ее переработке. В процессе судебных прений происходит передача информации участниками судебных прений составу суда и судебной аудитории. Это не односторонний процесс. Со стороны суда необходимы: а) определение нужного объема, относимости и допустимости получаемой информации с точки зрения формирования правильного судейского убеждения по тем или иным обстоятельствам дела; б) мысленная переработка этой информации, логическое ее структурирование, установление причинно-следственных, корреляционных и иных видов связей, отыскание противоречий, пробелов; в) построение на этой основе вероятностных мысленных моделей, помогающих оценить обстоятельство дела.

При этом информация должна оцениваться как удовлетворяющая или не удовлетворяющая определенные требования, обладающая или не обладающая необходимыми качествами. Среди этих качеств важнейшее — это достоверность информации, определяемая как ее обоснованная и доказанная истинность. Объективная истинность информации заключается в ее соответствии реальному положению вещей³. Достоверность информации связана с доказанностью и обоснованностью ее истинности, что порождает соответствующую уверенность в этом ее качестве у состава суда.

Существенную роль в формировании судейского убеждения играет такая качественная характеристика информации, как ее ценность, которая определяет степень увеличения вероятности достижения цели с получением этой информации. В нашем случае такой непосредственной целью, стоящей перед судом, вероятность которой меняется в зависимости от ценности информации, является принятие правильного и обоснованного судебного решения по делу.

Важной предпосылкой повышения качества информации является также ее системность (комплексность). Комплексная информация позволяет суду охватить все элементы, связи, стороны, свойства и качества исследуемых обстоятельств дела. Комплексность информации, как и другие ее качественные характеристики, во многом обеспечивается предоставлением разнообразных сведений участниками судебных прений и активной деятельностью состава суда по их сопоставлению, осмысливанию и оценке.

Вторым элементом психологического контакта является взаимопонима-

ние участников общения в ходе судебных прений. Взаимопонимание позволяет исключить целый спектр искажений, обусловленных непониманием или неполным пониманием содержания информации, произвольным ее истолкованием, буквальным восприятием там, где информация должна восприниматься только с учетом конкретной ситуации.

Третьим элементом психологического контакта между участниками судебных прений является возможность регулирования их поведения со стороны суда. Этим обеспечивается необходимая активность участников судебных прений и предотвращение возможности конфликтов в их взаимоотношениях.

В судебных прениях преобладает знаковая форма коммуникации. Мысли, доводы, аргументы выражаются с помощью слов, фраз, суждений, умозаключений. Их изложение нередко сопровождается соответствующими жестами, мимикой, что помогает выступающему оттенить какие-то соображения, обратить на них особое внимание слушателей, выделить их из общего потока информации.

Помимо коммуникативной функции, судебные прения выполняют информативную функцию. Речь каждого участника судебных прений должна содержать не только сведения об исследуемых событиях, но и данные, подтверждающие правильность интерпретации этих событий, обоснованность выводов и предложений, иначе говоря, речь должна быть аргументированной, доказательной, убедительной. С этой целью каждый участник судебных прений в соответствии со своей процессуальной позицией анализирует и оценивает собранные по делу доказательства, формулирует свои выводы и обосновывает их теми данными, которые были добыты в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства дела. При этом тщательно и придирчивому анализу должны быть подвергнуты не только те доказательства, которые подтверждают позицию выступающего, но и те, которые не согласуются с ней, противоречат ей. Этим обеспечивается всесторонность, полнота и объективность исследования, убедительность сделанных участниками судебных прений выводов, обоснованность предлагаемых ими решений.

Судьи осмысливают и сопоставляют доводы и аргументы обвинителя и защитника, отмечают сильные и слабые стороны в аргументации участников судебных прений. Это позволяет им внести коррективы в свои оценки, сделать правильные выводы, принять законное и обоснованное решение.

Для принятия правового решения (в особенности приговора) суду нужны не просто знания, а знания, отражающие объективную истину, обеспечивающие вынесение законного, обоснованного, мотивированного и справедливого приговора. Поэтому важнейшей задачей участников судебных прений является анализ собранных по делу доказательственных данных, их систематизация и оценка, обсуждение того, почему одни доказательства могут быть положены в основу принимаемого решения, другие отвергаются, не принимаются во внимание.

Выступая с судебной речью, участники судебных прений не только излагают свои соображения, приводят соответствующие доводы, высказывают определенные суждения и предложения. Они непременно выражают свое отношение к тем событиям и фактам, которые исследуются, к той роли, которую играли в этих событиях участники процесса. Это могут быть одобрение или неодобрение, восторг или негодование, радость или возмущение, горечь или сожаление и иные чувства. Они окрашивают речь в определенные эмоциональные тона, придают ей соответствующую психологическую направленность, влияют на выбор языковых средств, в известной степени определяют ее композицию и эмоционально-экспрессивный строй.

Конечно, судебные прения — это не состязание обвинителя и защитника в красноречии. У суда свои задачи и свои формы деятельности. Но судебные прения, призванные обобщить и осмыслить результаты судебного следствия, не могут оставаться в рамках чисто информационного анализа и примитивно-казенного выражения мысли. Важно не только способствовать отысканию истины, выяснению степени вины и ответственности подсудимого, но и помочь сделать это настолько убедительно, настолько доказательно, настолько зримо и ярко, чтобы суд и все присутствующие в зале судебного заседания согласились с суждениями и выводами выступающего, разделили их. И в этом плане эмоционально-экспрессивные средства речи играют не последнюю роль.

Выступающий в судебных прениях может вызывать у слушателей различные эмоциональные переживания и чувства, которые помогают ему убе-

дить суд и всех присутствующих в зале в правильности даваемой им интерпретации и оценки фактических и юридических обстоятельств дела и необходимости принятия соответствующего судебного решения.

Эмоциональная коммуникация в процессе судебных прений осуществляется при помощи различных средств, основным из которых является выражение эмоций с помощью речи. При этом возможны две различные формы такого выражения. Оно может проявляться в эмоциональной окраске речи, т. е. насыщении ее определенными выражениями, оборотами, фразами, несущими эмоциональную нагрузку. Другой формой усиления воздействия на слушателя является словесное описание эмоций⁴. Существенное значение для эмоциональной коммуникации имеют также внешние экспрессивные проявления психической деятельности: мимика, жесты, произвольные изменения выражения лица, изменение его цвета, движения рук, поза.

Важной для судебных прений является и побудительная (регулятивная) функция⁵. Ее суть заключается в том, чтобы убедить подсудимого в необходимости пересмотреть свои ценностные ориентации, отказаться от тех из них, которые носят антиобщественный характер и не могут способствовать достижению ни личных, ни социально значимых целей. Судебные прения должны побуждать подсудимого к такому поведению, такому образу мышления, таким оценкам, которые отвечали бы целям и задачам общества, его коренным интересам, а стало быть и интересам самого подсудимого. Побудительное воздействие со стороны участников судебных прений должно быть всегда строго ориентировано: иметь конкретного адресата или адресатов, быть целенаправленным.

¹ См.: Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 246.

² Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии // Проблема общения в психологии. М., 1981. С. 7.

³ См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание: Методологические проблемы. М., 1969. С. 203; Альперт С. А., Бажанов М. И. Законность и обоснованность актов обвинения // Правоведение. 1965. № 3. С. 106.

⁴ См.: Рейковский Я. Экспериментальная психология. М., 1979. С. 159—160.

⁵ См.: Гибши Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972. С. 136—137.

И. Е. GERMANOVA

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРИЗНАКАХ ПРОДОЛЖАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Предпосылкой социалистической законности в уголовной политике является правильная оценка содеянного, в том числе и правильная квалификация продолжаемых преступлений. В действующем советском уголовном законодательстве отсутствует понятие продолжаемого преступления. Определение ему выработано судебной практикой. Постановлением 23-го пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» от 4 марта 1929 года (с изменениями, внесенными постановлением пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 года № 1) дано разъяснение, что под продолжаемыми понимаются «преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление»¹.

Проблема продолжаемого преступления является одной из сложных и дискуссионных. А. М. Ораздурдыев дает определение продолжаемого преступления как «слагающегося из ряда однородных актов действия (или бездействия), совершаемых одним и тем же способом, объединенных единым умыслом (или единой неосторожностью) и направленных на единый объект»². Под «единым продолжаемым преступлением, совершенным по неосторожности, — по мнению А. М. Ораздурдыева, — необходимо признать неоднократные деяния, совершенные лицом до момента фактического осознания им ошибочности выполняемых действий либо ошибочности избранных им способов предотвращения общественно опасных последствий»³. С таким взглядом на продолжаемое преступление трудно согласиться. По нашему мнению, продолжаемое преступление — способ реализации преступного намерения, слагающийся из ряда последовательных целенаправ-

ленных однородных преступных деяний. Продолжаемое преступление — умышленное преступление.

Продолжаемым преступлением следует признать предусмотренное уголовным законом деяние (действие или бездействие), посягающее на один объект, осуществляемое последовательным рядом однородных актов общественно опасного поведения, взаимосвязанных единым прямым умыслом (определенным или неопределенным) и единой преступной целью достижения единого конечного результата и образующих одно преступление.

Оценка продолжаемого преступления как единого не вызывает возражений. Однако объективные и субъективные признаки этого преступления определяются в юридической литературе по-разному. Представляется верным определить продолжаемое преступление как такое, объективная сторона которого складывается из ряда последовательных однородных актов общественно опасного поведения.

Отдельные действия и акты бездействия характеризуются именно как однородные. Постановление 23-го пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» от 4 марта 1929 года определило продолжаемое преступление как складывающееся из «ряда **тождественных** (выделено нами — И. Г.) преступных действий».

Название деяний, образующих объективную сторону продолжаемого преступления, «тождественными» (и синонимичными ему понятиями «аналогичными», «идентичными», «одинаковыми») является неудачным, поскольку далеко не всегда преступные действия, составляющие одно продолжаемое преступление, тождественны. Например, состав вредительства может осуществляться рядом отдельных однородных актов. О тождественности, т. е. полной схожести, одинаковости, преступных действий можно говорить только в том смысле, что эти действия должны быть юридически тождественны даже при их фактической несхожести. В рамках одного и того же состава преступления могут быть совершены действия как полностью совпадающие по своим фактическим признакам, так и более или менее отличающиеся.

В юридической литературе в большинстве случаев, как и в постановлении 23-го пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 года, продолжаемое преступление характеризуется совершением ряда **действий**. Однако следует признать, что продолжаемое преступление может слагаться не только из ряда в юридическом смысле однородных действий, но также из ряда однородных актов бездействия, поэтому следует говорить не о действиях, составляющих единое продолжаемое преступление, а о **деяниях**. Анализируя отдельные акты, составляющие единое продолжаемое преступление, приходим к выводу, что взятые порознь они могут и не быть преступлениями ввиду малозначительности. Такие малозначительные деяния лишь в совокупности с прочими однородными в целом перестают быть малозначительными (например, отдельные акты продолжаемого обмана покупателей).

Таким образом, продолжаемое преступление слагается из ряда однородных актов общественно опасного поведения, образующих в результате одно преступление. Заменяя в определении продолжаемого преступления слова «преступные действия» на слова «акты общественно опасного поведения», мы подчеркиваем, что продолжаемое преступление слагается не только из преступных деяний, но и из проступков.

Раскрывая природу продолжаемого преступления, необходимо установить внутреннюю связь между отдельными актами поведения, составляющими единое продолжаемое преступление. Следует подчеркнуть именно этот признак продолжаемого преступления: каждый из однородных актов общественно опасного поведения является продолжением предыдущего и предыдущим для последующего, т. е. является необходимым звеном единого целого. Наиболее характерными чертами взаимосвязи продолжаемых деяний следует считать то, что отдельные акты общественно опасного поведения посягают на один и тот же объект, характеризуются однородностью формы совершения общественно опасных актов поведения и взаимосвязью во времени. Однородность форм совершения общественно опасных актов поведения как признак продолжаемого преступления не требует полного совпадения во всех деталях, а предполагает некоторое сходство способа осуществления отдельных деяний.

Теория и судебная практика единодушны в том, что однородные акты поведения, образующие объективную сторону продолжаемого преступления, должны совершаться через непродолжительные промежутки времени. Одна-

ко пока еще никем не названа даже ориентировочно продолжительность этих промежутков. Представляется правильным, что эти разрывы не должны выходить за пределы давностных сроков привлечения к уголовной ответственности.

Характеристика продолжаемого преступления как «последовательный ряд актов» означает логически обоснованное, непрерывно следующее одно за другим некоторое количество поступков.

В юридической литературе признаки последствий продолжаемого преступления характеризуются по-разному. Определяя продолжаемое преступление, надо подчеркнуть в качестве важного момента единство конечного преступного результата. В продолжаемом преступлении единый ущерб представляет собой сумму отдельных (зачастую мелких) однородных ущербов, которые причиняются отдельными также однородными актами общественно опасного поведения. Единство конечного преступного результата является специфическим признаком продолжаемого преступления. Причиняемые отдельными однородными актами поведения общественно опасные последствия сводятся к единому конечному результату.

Нисколько не умаляя значения объективных признаков, следует признать, что в продолжаемом преступлении превалирующим моментом является единство субъективной стороны содеянного, в частности содержание вины. Продолжаемое преступление складывается из отдельных однородных действий (или актов бездействия) виновного в соответствии с осуществлением намеченного им единого плана для достижения единого конечного преступного результата. Избранный путь иногда диктуется невозможностью достичь желаемого результата иным путем, иногда он избирается как менее опасный, более доступный.

Лицо, совершающее продолжаемое преступление, действует с самого начала с единым умыслом. Продолжаемое преступление нельзя рассматривать как искусственную юридическую конструкцию, как искусственное объединение отдельных деяний. Недостаточно для признания нескольких преступных деяний единым преступлением исходить из посягательства на одинаковый охраняемый законом интерес, однородность исполнительской деятельности, близкую по времени связь между отдельными действиями. Продолжаемое преступление является действительным, а не искусственно созданным единым преступлением. И коль скоро речь идет о едином деянии, налицо и единство всех объективных и субъективных признаков преступления.

Посредством теоретической концепции продолжаемого преступления получает правильную юридическую характеристику реальное общественное явление — совершение умышленного преступления в форме нескольких однородных актов общественно опасного поведения. Общественная опасность и морально-политическая сущность продолжаемого преступления могут быть правильно распознаны только посредством общей оценки преступления в качестве единого преступления. С субъективной стороны продолжаемое преступление характеризуют внутренняя взаимосвязь и совпадение содержания преступных целей, достигаемых отдельными однородными общественно опасными актами поведения. Внутренняя взаимосвязь между деяниями может проявиться в том, что с самого начала все единичные деяния охватываются единым умыслом. Однако вовсе не обязательно, чтобы лицо с самого начала включило в свой план каждое из отдельных однородных общественно опасных деяний. Для продолжаемого преступления характерно одинаковое проявление субъективных элементов, которые являются отражением в сознании лица объективных особенностей продолжаемого преступления, что приводит к однородным мотивам совершения каждого из общественно опасных актов. Это и создает картину единого преступного намерения, а не проявления нового, самостоятельного намерения при совершении каждого из преступных актов.

Таким образом, с субъективной стороны продолжаемое преступление характеризуется тем, что каждый из актов поведения совершается с прямым умыслом и целью способствовать достижению единого конечного преступного результата. Лицо предвидит, что в результате ряда целенаправленных деяний достигнет этого результата и желает его достичь. Вследствие сказанного круг продолжаемых преступлений ограничивается умышленными деяниями, совершаемыми с прямым умыслом. Умысел может быть прямым конкретизированным (определенным), когда субъект предвидит конкретный характер последствий совершаемых им деяний, и прямым неконкрет-

тизированным (неопределенным), когда лицо предвидит преступные последствия в общих чертах.

Наличие мотива и цели преступления указывает на умышленный характер продолжаемого преступления. Установление определенного мотива свидетельствует о наличии умысла, а доказанность наличия у виновного определенной преступной цели означает, что он действовал с прямым умыслом.

Анализ объективных и субъективных признаков продолжаемого преступления приводит к выводу, что под продолжаемым преступлением следует понимать целенаправленное совершение ряда однородных, содержащих признаки одного и того же состава преступления, последовательных актов общественно опасного поведения, взаимосвязанных единством конечного преступного результата, охватываемого преступной целью виновного. Между тем судебной практике известны случаи констатации совершения продолжаемых преступлений и по неосторожности. Например, как неосторожное продолжаемое преступление были расценены действия М., старшего продавца магазина № 1 Казанского речного порта, реализовавшего красное вино по цене 2 руб. 25 коп. за бутылку при фактической его стоимости 2 руб. 42 коп., что повлекло причинение орсу ущерба в размере 209 руб. 25 коп.⁴

Такое решение вопроса в судебной практике надо признать не соответствующим правильному толкованию понятия продолжаемого преступления. Характеризуя интеллектуальный момент неосторожной формы вины, законодатель опускает указание на психическое отношение к деянию, а определяет только отношение к общественно опасным последствиям. Это означает, что деяние в данном случае само по себе не имеет уголовно-правового значения. Неосторожная преступная деятельность характеризуется тем, что все поведение, включая и отдельные поступки, объединено общей формой вины в виде преступной самонадеянности либо преступной небрежности и является следствием одной ошибки. Поэтому неосторожную преступную деятельность следует рассматривать как своеобразный вид единого преступления, представляющего собой самостоятельную форму общественно опасного поведения лица, которая не может быть отнесена к продолжаемому преступлению.

¹ Сборник постановлений пленума Верховного Суда СССР (1924—1986 гг.). М., 1987. С. 478.

² Ораздурдыев А. М. Разграничение длящихся и продолжаемых преступлений // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 131.

³ Ораздурдыев А. М. Социально-психологическая природа неосторожного продолжаемого преступления // Проблемы борьбы с преступностью и пути развития уголовного законодательства: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1984. С. 105.

⁴ Там же. С. 103.

Х. Ю. Бейлькин. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861—1914 гг. Минск: Наука и техника, 1989. 288 с.

В рецензируемой работе рассматривается сравнительно малоизученный вопрос истории развития капиталистических отношений в Белоруссии. Следует отметить, что и в целом в стране развитию сельскохозяйственного рынка посвящено не так уж много монографических исследований. Эта проблема после 20-х годов вплоть до 70-х почти не подвергалась изучению в советской историографии. Все это свидетельствует о новизне книги Х. Ю. Бейлькина.

Освещение вопросов развития капиталистических отношений в аграрном секторе экономики дореволюционной России (в том числе и рыночных связей) позволяет вскрыть объективную неизбежность буржуазно-демократической революции. Исторические исследования, подобные рецензируемой книге, имеют значение и в той связи, что они не только развенчивают домыслы буржуазных фальсификаторов истории Великой Октябрьской социалистической революции как случайного исторического эпизода, но и тех представителей публицистики и литературы в нашей стране, кто ставит под сомнение историческую значимость Октября в преобразовании экономики нашей страны и утверждает, что в поступательной капиталистической эволюции Россия добилась бы не меньших успехов.

Автор использовал значительное количество источников, многие из которых впервые в белорусской историографии вводятся в научный оборот. Среди них—материалы Ленинграда, Москвы, Минска, Вильнюса, Гродно, Каунаса. Довольно детально проработана транспортная статистика, позволяющая определить товарные массы, поступавшие для перевозки на станции и пристани Белоруссии.

Монография состоит из введения,

трех глав и заключения. Исследование рыночных отношений ведется в соответствии с принятой в советской историографии периодизацией эпохи капитализма. Каждая глава посвящена определенному этапу развития капитализма: первая—60—70 годам, когда проходило становление аграрного капитализма, вторая—80—90 годам, когда под влиянием аграрного кризиса происходили существенные изменения в сельскохозяйственном производстве, и, наконец, третья—начало XX века—эпохе империализма. В таких хронологических рамках вопросы развития капитализма в Белоруссии в монографической работе рассматриваются, пожалуй, впервые. Автор отказался от схемы, когда история аграрного капитализма рассматривалась только в двух периодах: 60—90-е годы и начало XX века. Отсутствие начального периода как самостоятельного объекта исследования искажало эволюцию аграрного капитализма в Белоруссии.

Во введении Х. Ю. Бейлькин, давая общую оценку уровня развития капитализма, оспаривает вывод П. Н. Першина о том, что западный район России, к которому относилась и Белоруссия, в конце XIX—начале XX века по сравнению с 60—70 годами отстал по уровню развития капитализма в сельском хозяйстве от других районов и оказался в хвосте экономического развития. Анализ состояния ряда отраслей сельского хозяйства и торговли его продукцией показывает, что капиталистическая эволюция в земледелии и животноводстве Белоруссии шла по восходящей линии.

В первой главе, в которой рассматривается сельскохозяйственный рынок Белоруссии в 60—70-х годах XIX века, показано, что уже во второй половине 60-х годов железнодорожное строительство способствовало развитию прямых товарных связей между Белоруссией, с одной стороны, и Германией и некоторыми другими капиталистическими странами, с другой. Приводятся данные о развитии зерно-

вого хозяйства за 30-летний период, с 1851 по 1880 год, которые свидетельствуют, что пять зерновых губерний Белоруссии в 70-х годах по производству хлеба шли впереди многих районов страны. Автор прав, относя белорусские губернии к тем районам западной окраины России, которые, по определению В. И. Ленина, были в 70-х годах центром земледельческого капитализма в России.

Проследивая развитие сельскохозяйственного рынка в 80—90-х годах, Х. Ю. Бейлькин во второй главе убедительно доказывает, что аграрный кризис в этот период превратил Белоруссию из района вывоза зерна в район его ввоза. Раскрывается значение развития в конце XIX века льняного экспорта для России в целом и отдельных ее районов. Представляют интерес сведения о развитии торговли животноводческой продукцией и удельном весе крестьянского и помещичьего хозяйства в торговле сельскохозяйственными товарами. Как и в первой главе, детально прослеживается развитие организационных форм торговли.

Много места в книге отведено анализу функционирования сельскохозяйственного рынка в период империализма. Показан поступательный рост торговли льном, молочными продуктами, скотом, птицей. Новая историческая эпоха, связанная с ростом финансового капитала, вызвала развитие в Белоруссии деятельности банков, акционерных обществ, игравших существенную роль в организации сельскохозяйственной торговли.

Рецензируемая книга не лишена и ряда недостатков. Следует отметить, что избранный автором план монографии, когда в каждой главе обсуждаются одни и те же вопросы, обуславливает отдельные повторения. Правда, альтернативы такому плану нет, так как в противном случае нарушался бы принцип историзма. Работа перегружена цифровым материалом. Иногда обилие цифр затрудняет восприятие основных тенденций развития рыночных отношений. Но эти частные недостатки не снижают общей положительной оценки работы.

Монография Х. Ю. Бейлькина «Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861—1914 гг.» устраняет одно из «белых пятен» в истории белорусского аграрного капитализма и вносит заметный вклад в историческую науку.

**А. П. Игнатенко,
В. А. Теплова,
В. А. Сосно**

Необходимость и случайность / Отв. редактор Парнюк М. А. Киев: Наукова думка, 1988. 312 с.

Категории «необходимость» и «случайность» в марксистско-ленинской философии достаточно детально исследо-

ваны как в историко-философском аспекте, так и в отношении их методологической роли в естественнонаучном и социальном познании.

Авторы рецензируемой монографии рассматривают категории «необходимость» и «случайность» комплексно. Заслуживает одобрения структура монографии: категории «необходимость» и «случайность» исследуются в их историческом развитии, которое нашло реализацию не только в многообразии философских представлений об этих категориях, но и во всем богатстве и многообразии социальной действительности, практики. Мы разделяем положение о том, что «познание механизмов взаимопереходов исторической необходимости и сознательной деятельности людей является условием оптимизации целенаправленного «перелива» случайного в необходимое, сознательной деятельности в историческую необходимость общественного прогресса на пути всестороннего развития общества и личности, слияния гуманизма и свободы» (с. 9).

В первой главе «Категории «необходимость» и «случайность» в истории философской мысли» расширены традиционные рамки исследования категорий, большое внимание уделяется истокам зарождения содержания исследуемых структур: необходимость и случайность в мифологической картине мира. При этом авторы правомерно заявляют, что «ни одно философское понятие в своем содержании не может быть полностью редуцировано к его прообразам в мифологическом сознании» (с. 10). Наряду с обстоятельным исследованием категорий «необходимость» и «случайность» в древнегреческой и средневековой философии, в философии Нового времени и немецкой классической философии следует выделить параграфы, посвященные проблеме необходимости и случайности в русской философии и буржуазном философском сознании конца XIX — начала XX века.

Следует согласиться с авторами монографии в том, что «история отечественной философской мысли убедительно демонстрирует многогранность теоретических подходов к анализу категорий необходимости и случайности, острое идейное противоборство материалистической и идеалистической традиций в раскрытии основных начал действительного мира, различное понимание необходимости и случайности применительно к природным, социальным и духовным процессам мира, его происхождению и развитию» (с. 68).

Глубокий научный анализ буржуазных философских концепций позволил авторам указать на некоторые позитивные подходы к выявлению методологической роли категорий «необходимость» и «случайность». Но все же «метафизическое противопоставление необходимости и случайности оказалось непреодоленным современной

буржуазной философской мыслью» (с. 82).

Много внимания в монографии уделено проблеме необходимости и случайности в диалектическом материализме. Авторы показали, что диалектико-материалистическая концепция необходимости и случайности обосновывается на критической переработке достижений общественной практики, опыта революционной борьбы и строительства социализма, общественных, естественных и технических наук, искусства. Особо следует выделить главы III и IV, в которых дан глубокий анализ методологической роли категорий «необходимость» и «случайность» в научном социальном познании и роли общественной практики в развитии естествознания и техники. Авторы, по сути дела, впервые исследуют реализацию категорий «необходимость» и «случайность» в социологии. Метод исторической реконструкции позволил сделать вывод о возрастании методологии необходимости и случайности и ее специфике в домарксистской, марксистской и современной буржуазной социологии. Много внимания уделяется анализу экономической необходимости как существенного детерминанта общественного развития.

Научный анализ роли необходимости и случайности в развитии физики, химии, биологии, кибернетики, математики позволил авторам раскрыть предметное содержание категорий «необходимость» и «случайность» в техническом творчестве, исходя из того, что «техническое творчество выступает одной из форм целеполагания, характеризующегося объективными и субъективными моментами, своими предметами, средствами, результатами, целями и идеалами» (с. 277).

Монография не лишена и недостатков, к которым, на наш взгляд, следует отнести перегруженность материалом по истории философии и естествознанию. Завершить работу логичнее было бы анализом методологической роли категорий «необходимость» и «случайность» в социальном познании. В целом же рецензируемая монография представляет собой серьезное комплексное исследование недостаточного разработанных в марксистско-ленинской философии категорий «необходимость» и «случайность».

Л. Г. Кравченко,
С. А. Киселева

П. Ю. Саух. Категории научного атеизма: Философско-методологический анализ. Львов: Вища школа, 1988. 215 с.

В научной и публицистической печати неоднократно выражалась озабоченность состоянием дел в разработке атеистической теории и в практике атеистического воспитания. Монография

фическое исследование П. Ю. Сауха «Категория научного атеизма» представляет собой частичное восполнение пробела в философском осмыслении фундаментальных теоретических задач научного атеизма. Опираясь на уже достаточно известные работы методологического характера, в частности исследования Л. В. Сретенского и М. Я. Ленсу, П. Ю. Саух сумел найти оригинальное решение проблемы категориального состава атеистической науки.

Проблема, поднятая в монографическом исследовании, затрагивая формальную сторону дефиниций, вместе с тем имеет принципиальное теоретическое и практическое значение. Автору удалось вычлениить, определить и, главное, систематизировать узловые категории научного атеизма. Вне сомнения, система категорий важна как в теоретическом, так и в методологическом плане. Показ этих двух аспектов—весьма перспективное направление теоретико-познавательного характера.

Кроме решения основной задачи, в работе уточнены логическая структура и предмет научного атеизма, выдвинуты новые теоретические положения о частной методологии, обоснованы главные категориальные зависимости и логические связи понятий, составляющих системное представление о науке. Естественно, что представленные решения не однозначны по аргументации, тем не менее они вполне приемлемы как основа для творческого размышления. Практическая ценность исследования состоит в том, что понятия, выраженные в суждениях и выводах автора, могут использоваться в объяснении актуальных теоретических вопросов научного атеизма, а также послужить логическим средством атеистической воспитательной работы.

Созданная теоретическая система обладает управляемой организационной структурой и логикой внутреннего движения атеистических знаний и действий, что повышает их эффективность. Совершенно справедлив вывод о том, что теория научного атеизма—это система, механизм функционирования которой можно представить в виде блоков понятий и категорий, отражающих объективное содержание данной науки. Причем границы самостоятельных понятийных рядов носят условный характер, что объясняется меняющимися в реальной действительности связями и отношениями.

Монография не лишена определенных недостатков, обусловленных объективными трудностями первоначального этапа исследования. В этом плане контурная обозначенность некоторых вопросов—скорее определение перспективных направлений, чем претензия на их решение. Так, представляется несколько расширительным название второй главы книги «Методология научного атеизма». Более уместным был бы заголовок «Категориаль-

ный аспект методологии научного атеизма.» Постановка задачи в общеметодологическом плане привела автора к необходимости решения вопросов, входящих за рамки исследования. Указанная глава обладает сравнительно меньшей степенью систематизации и целостности изложения материала.

В целом же монографическое исследование отличается четкостью методологических позиций и логическая стройность теоретических концепций автора. Книга обладает эвристическим потенциалом в раскрытии нового аспекта философского видения теории и практики научного атеизма.

**Н. И. Миницкий,
К. А. Ревяко**

Янка Лучына. Творы: Вершы, нарысы, пераклады, лісты. Мінск: Мастацкая літаратура, 1988. 214 с.

Выхад у свет названай кніжкі—вялікая падзея на ніве нашай нацыянальнай культуры. Вяртаецца Янка Лучына і яго спадчына да чытача. Шлях гэтага вяртання быў цяжкім і складаным. Пры жыцці пісьменнік-дэмакрат убачыў толькі адну сваю кнігу—«З крывавых дзён», якая выйшла ананімна. У ёй пісьменнік расказваў аб рэвалюцыйных падзеях на Міншчыне ў 1863 годзе. Зборнік «Паэзія» выйшаў у Варшаве ў 1898 годзе, калі паэта ўжо не было ў жывых. У 1903 годзе ў Пецябурзе ўбачыла свет яго «Вязанка». І толькі ў 1953 годзе з'явіліся «Выбраныя творы». Гэта была маленькая, тоненькая кніжачка: усяго 74 старонкі. У ёй былі надрукаваны перш за ўсё паэтычныя творы, напісаныя Я. Лучынам на беларускай мове. Значна менш увайшло ў кнігу перакладаў з польскай мовы. Усяго толькі тры творы: «Абразкі з палявання» (урывак з паэмы), «На перавозе», «Дзе ты, мая песня?» У новым выданні першы твор надрукаваны цалкам і пад новай назвай «Паляўнічыя акварэлі з Палесся» у перакладзе Г. Тумаша. Такая назва бліжэй да зместу твора, лепш яго адлюстроўвае. Надрукаваны таксама два творы «Не ради славы иль расчёта», «По поводу 100-летней годовщины дня рождения лорда Байрона», напісаныя Я. Лучынам на рускай мове. Чатыры творы («Ямшык», «Горсьць пшаніцы», «Бусел», «Надта салодкія думкі») з'яўляюцца перайманнямі.

Цяперашні аднатомнік выбраных твораў паэта-дэмакрата, аднаго з пачынальнікаў новай беларускай літаратуры, укладзены У. Мархелем, найбольш поўны. Ён уключае паэтычныя творы на беларускай, польскай і рускай мовах, драматургічныя абразок і нарысы, пераклады і перайманні, лісты—усяго 71 твор.

У грунтоўнай і змястоўнай прадмове У. Мархеля раскрываецца творчы і жыццёвы шлях пісьменніка, характа-

рызуюцца яго творы, іх значэнне не толькі для таго часу, але і для сучаснасці. Складальнік прыводзіць таксама шмат цікавых звестак з біяграфіі пісьменніка.

Жыццёвы шлях і дзейнасць Я. Лучыны арганічна зліты з літаратурнай творчасцю, якая непасрэдна адлюстроўвае яго філасофскія, сацыяльныя, грамадска-палітычныя і маральна-эстэтычныя погляды. Светапогляд паэта-пісьменніка вырастае з самой рэчаіснасці, з прыроды і сацыяльнага жыцця, з нацыянальнай і сусветнай культуры. Яго творы вучаць народ, кожнага чалавека цаніць сваю духоўную спадчыну, прыроду і само жыццё чалавека, гуманныя адносіны паміж людзьмі, іх надзеі і спадзяванні, ідэалы.

У «Паляўнічых акварэлях з Палесся» пісьменнік стварае прыгожы малюнак беларускай прыроды, адзначае яе веліч і непаўторную прыгажосць. Жывая прырода няспынна пульсуе сваім характам, узбуджае ў чытача пацудзі добра і прыемнай асалоды. Яна існуе незалежна ад свядомасці пісьменніка. Мастацкімі сродкамі ён толькі глыбока і разнастайна адлюстроўвае яе з'явы, выказваючы свой матэрыялістычны светапогляд.

Вельмі цікава, што пісьменнік разглядае родную прыроду ў сувязі з працоўнай дзейнасцю людзей і ў гістарычным плане. Гэта дазволіла яму выявіць гістарычны шлях развіцця беларускага народа, пачынаючы ад Рурыка нашчадкаў, ахарактарызаваць яго мужнасць у барацьбе з полаўцамі (гл. с. 48).

Гістарычная панарама Палесся не толькі ў старажытным мінулым, а таксама ў сучаснай рэчаіснасці пісьменніка і ў будучыні. «Таму «Паляўнічыя акварэлі з Палесся»,—слушна адзначае У. Мархель,—можна паставіць у такі гістарычна перспектывны рад выдатных твораў, як «Песня пра Зубра» М. Гусоўскага і «Пан Тадэвуш» А. Міцкевіча, якія прадвызначылі з'яўленне «энцыклапедыі беларускага жыцця»—«Новай зямлі» Якуба Коласа» (с. 22).

З выдатнага твора пісьменніка чытач яскрава ўсведамляе логіку развіцця гістарычнага шляху беларускага народа, веліч яго падзей, шчырую і пяшчотную любоў да роднага краю, яго прыроды і культуры. Гістарычнае мінулае ў творчасці пісьменніка арганічна ўзаемадзейнічае з сучасным, ідэяна накіравана ў будучыню. Таму яго лірычныя героі надзелены шырокім філасофскім светапоглядам, актыўным імкненнем да пазнання навакольнага свету і жыцця, здольны на подзвігі і расчудныя дзеянні, усведамляе працягласць барацьбы з самадзяржаўем. Не выпадкова Я. Лучына піша брашуру пад назвай «З крывавых дзён. Эпізод з паўстання 1863 года на Міншчыне», у якой з вялікай цеплынёй, сімпатыяй і павагай выражае свае адносіны да рэвалюцыйнай барацьбы і паўстан-

ня ў прыватнасці. Ён сцвярджае, што ў барацьбе адраджаўся нацыянальны дух і рэвалюцыйны запал, які ахопліваў «усе шырэйшыя колы» грамадства (с. 150).

Пісьменнік прымаў актыўны ўдзел у грамадскім жыцці, уважліва сачыў за развіццём грамадска-палітычнай думкі. Так, ужо ў першым нумары «Мінскага лістка» (1886) ён друкуе верш «Не ради славы иль расчёта». У ім паэт яскрава адлюстроўвае цяжкае і вельмі гаротнае жыццё беларускага селяніна, які арэ зямлю не плугам, а сахою, есць хлеб з мякінай, жыве ў трухлявай, старэнкай хаціне, крытай саломой, на якой ужо даўно паспяхова расце зялёны мох. Цемра, забітасць, невуцтва пануюць у сялянскіх вёсках.

Дэмакратычна-асветніцкага напрамку газета «Мінский листок» ставіла сваёй мэтай весці рашучую барацьбу супраць такога становішча. Я. Лучына не толькі гарача падтрымліваў асветніцкую праграму газеты, але і актыўна змагаўся за яе ажыццяўленне.

Эканамічны і сацыяльны прагрэс пісьменнік не ўяўляў без навуковага прагрэсу. Ён лічыў, што сонца навукі павінна дапамагчы людзям дасягнуць добрай і шчаслівай долі.

У гэтай кароткай рэцэнзіі мы звярнулі ўвагу чытача на ідэйную, сацыяльную і філасофскую накіраванасць творчасці Янкі Лучыны і не закранулі літаратурна-мастацкіх асаблівасцей. Аб апошніх добра і змястоўна сказана ў рэцэнзіі Галіны Тычкі (гл. «Полымя». 1989. № 1. С. 211—214).

Хочацца спадзявацца, што чытач з цікавасцю і натхненнем будзе чытаць творы Янкі Лучыны і знойдзе ў іх многа сугучнага сваёй душы, падзеям сучаснасці.

А. С. Кляўчэня

дублирование материала. По нашему мнению, в работе правильно отмечается, что иск служит средством защиты права не только в суде, но и в арбитраже, в третейском и товарищеском суде, в некоторых других органах, уполномоченных рассматривать споры о праве.

Обстоятельно рассмотрены в монографии вопросы процессуального положения сторон как главных лиц гражданского и арбитражного процесса. Хотя права сторон в сравниваемых процедурах во многом совпадают, справедливо отмечается, что в арбитражном процессе «стороны наделены особым правом участия в принятии решения» (с. 18). Интересен сравнительный анализ обязанностей сторон в гражданском и арбитражном процессе.

Значительное место в работе отведено роли общественных организаций и трудовых коллективов в повышении эффективности судебной и арбитражной юрисдикции. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что по многим делам можно было бы избежать серьезных ошибок, если не игнорировать общественное мнение. Определенную теоретическую ценность представляет вывод автора о том, что не только гражданскому судопроизводству свойственна процессуальная форма деятельности. Эта форма деятельности присуща и государственному арбитражу.

Однако изложение некоторых вопросов вызывает замечания или возражения. Так, вряд ли можно согласиться с утверждением, согласно которому в арбитражном процессе нет необходимости вводить институт замены ненадлежащей стороны (с. 25). Такое утверждение, на наш взгляд, не оправдано с теоретической точки зрения, а также не соответствует арбитражной практике.

Спорным является вывод о нецелесообразности введения в действующее гражданское процессуальное законодательство положения о том, что «стороны обязаны взаимно проявлять уважение к правам и законным интересам другой стороны» (с. 19). Можно только сожалеть, что автор книги, рассматривая спорные вопросы участия прокурора в гражданском процессе, обошел вниманием приказ Генерального прокурора СССР № 71 от 29 сентября 1987 года «О коренной перестройке работы органов прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов в гражданском судопроизводстве».

Эти и некоторые другие замечания носят в большей степени дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку рецензируемой работы в целом. Монография В. Н. Гапеева вносит полезный вклад в развитие теории гражданского и арбитражного процесса.

В. Г. Тихиня

В. Н. Гапеев. Участники гражданского и арбитражного процесса. Изд-во Ростовского ун-та, 1988. 124 с.

В советской юридической литературе проблема арбитражных процессуальных отношений исследована недостаточно полно. В частности, в теоретических разработках нуждается институт участников арбитражного процесса, их состав, процессуальные права и обязанности. Используя сравнительно-правовой метод исследования, автор сжато, логично и аргументированно рассматривает правовое положение основных участников гражданского и арбитражного процесса. При этом общие черты сходства в некоторых процессуальных институтах позволили В. Н. Гапееву рассматривать их как виды более широкого родового понятия: правоприменительного процесса.

Представляется удачной структура работы. Она позволила избежать или, по крайней мере, свести к минимуму

УКАЗАЛЬНИК

артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна», серыя 3 (гісторыя, філасофія,
навуковы камунізм, эканоміка, права) у 1989 годзе

ГІСТОРЫЯ

<i>Бікульчюс И. А.</i> Подпольная печать Компартии Литвы в годы фашистской диктатуры (1927—1940)	1	11
<i>Дубінін Д. У.</i> Партыйнае кіраўніцтва палітычнай вучобай рабочага класа: згубы і знаходкі (1976—1985)	2	13
<i>Евтухов И. О.</i> Концепция человека в произведениях Аврелия Августина периода Тагаста (388—392)	2	18
<i>Жарков М. Г.</i> Закономерность Октябрьской революции и ее искажение буржуазными идеологами	2	6
<i>Жарко С. Б.</i> Фарміраванне патрыятызму і інтэрнацыяналізму ў маладых рабочых працоўных калектываў Беларускай ССР у IX пяцігодцы	1	8
<i>Ільяхін У. Ф.</i> Дзейнасць камсамольскіх арганізацый Беларусі па павышэнню агульнаадукацыйнага ўзроўню рабочай моладзі (1961—1970)	2	9
<i>Казакоў Ю. Л., Рамановскі І. Ф.</i> Масавая-палітычная работа партыйных арганізацый на прамысловых прадпрыемствах Беларусі ў 70—80-я гады: вопыт, праблемы	3	3
<i>Корзун М. С.</i> К вопросу о социальной роли религии в Древней Греции (по поэмам Гомера и Гесиода)	2	16
<i>Коршук У. К., Макарэвіч А. Ф.</i> Подзвіг на зямлі беларускай (Да 45-годдзя вызвалення БССР ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў)	2	3
<i>Космач Г. А.</i> План Даўэса и немецкая национальная народная партия	1	14
<i>Мандрык І. У., Сташкевіч М. С.</i> Да пытання аб стварэнні арганізацыі РСДРП(б) на Віцебшчыне (люты — верасень 1917)	3	13
<i>Матораў С. А.</i> Дзейнасць партыйных арганізацый Беларусі па эканамічнай адукацыі рабочых прамысловых прадпрыемстваў (1976—1985)	3	9
<i>Пазнякоў А. У.</i> Адраджэнне і развіццё сістэмы партыйнай вучобы ў БССР у перыяд пераходу да мірнага будаўніцтва (1944—1950)	1	3
<i>Пилецкий В. А.</i> Деятельность Французской коммунистической партии по защите интересов народных масс в области образования после второй мировой войны (1944—1947)	1	17
<i>Сайчук Е. Ф.</i> «Антываенны тыдзень» у Беларусі ў сувязі з 10-годдзем з пачатку першай сусветнай вайны	3	16
<i>Федосик В. А.</i> Аврелиан и ересь Павла Самосатского	1	20
<i>Чэпа Ж. Б.</i> Рэформа 1861 года і зямельныя надзелы беларускіх сялян (па статутных граматах Магілёўскай губерні)	3	20
<i>Шлопак А. Р.</i> Партыйнае кіраўніцтва развіццём творчай актыўнасці рабочых прамысловасці Беларусі (1971—1980)	3	6
<i>Юрыс С. А.</i> Аднаўленне кааператыўнага гандлю ў Беларусі ў пасляваенныя гады (1945—1947)	1	6

ФІЛАСОФІЯ

<i>Аднан Мулхим.</i> Аль-Кинди и его философское наследие	2	28
<i>Барковская А. В.</i> Эволюция модели научной теории в буржуазной «философии науки»	3	29
<i>Бочко Г. Н.</i> Мировоззренческая обусловленность образа науки	2	25
<i>Жоголь Н. Н.</i> Некоторые аспекты проблемы моральной ценности в философии А. Бергсона	1	33
<i>Елсуков А. Н., Грицанов А. А.</i> Борьба В. И. Ленина за перестройку философского мировоззрения (К 80-летию выхода в свет книги «Материализм и эмпириокритицизм»)	1	23
<i>Мартынов М. И., Кузнецов А. В.</i> Ценности и воспитание	1	43
<i>Мартынов В. Ф.</i> Роль природы в развитии духовного мира личности	2	35
<i>Михайлов А. А.</i> Идея редукции в феноменологии Э. Гуссерля	3	39
<i>Павлова А. Т., Левшиевич А. А.</i> Идеология современных неонацистов в Италии	3	26
<i>Поликарпов В. А.</i> Принцип диалога в эмпирическом социологическом исследовании	3	36
<i>Полубятко В. И.</i> Методологическая роль категории субъекта в психологическом анализе целенаправленности и результативности чувственного познания	1	40
<i>Румянцева Т. Г.</i> Теория агрессии. Анализ новейших тенденций развития	1	37
<i>Семенов Н. С.</i> Понятие логического у Канта	1	26
<i>Смирнов Н. А.</i> Дидро об исторической эволюции религии	3	24
<i>Фурс В. Н.</i> Проблема структурной организации философского знания (на материале анализа классической древнегреческой философии)	1	29

Хомиц Е. В. Культурная традиция и ее основные функции . . .	2	31
Юрис Т. А. О некоторых аспектах разработки категории мировоззрения	2	22
Янчук Е. И., Балыкина Е. Н. Об опыте использования ЭВМ в организации учебного процесса в курсе марксистско-ленинской философии . . .	3	33

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

Белякович Н. Н. Рост культурно-технического уровня рабочего класса и проблемы его эффективного использования . . .	2	39
Беспрозванный В. В. Подготовка организаторов военно-патриотического воспитания на факультетах общественных профессий в вузах . . .	1	50
Богданов В. С., Дронь П. П. По пути социального прогресса . . .	1	47
Ройда У. В., Паваліхіна Т. І. «Стрымліванне камунізму» у сучасных амерыканскіх знешнепалітычных канцэпцыях . . .	3	47
Симановский С. И. Перестройка и пути совершенствования подготовки молодых рабочих в системе профтехобразования . . .	3	45
Шатон Г. И. Идеино-теоретическая несостоятельность концепций географического детерминизма британской империалистической политики . .	1	52
Шлык М. И. О некоторых особенностях взаимоотношений католицизма и общества в Польше	2	42

ЭКАНОМІКА

Базылев Н. И., Тростинская В. П. Социальные условия труда и стабильность трудовых коллективов . . .	3	60
Бесман В. В. Торговля в системе социалистического воспроизводства	2	54
Дитц Клаус. Вопросы развития прямых хозяйственных связей между предприятиями ГДР и Советского Союза . . .	2	48
Егоров А. В. Объективное и субъективное в хозяйственных отношениях	3	52
Клецкова Т. Л. О некоторых проблемах трактовки субъектных отношений собственности . . .	1	56
Клюня В. Л. Развитие хозрасчетных отношений в АПК . . .	3	56
Ковзик А. Н. Использование идеи «свободы предпринимательства» в буржуазной теории ТНК . . .	1	61
Бераффа М'хамед. Проблемы управления госсектором в развивающихся странах (на примере Алжира) . . .	2	51
Олехнович Г. И. Методологические основы изучения и использования зарубежного опыта для ускорения развития социалистической экономики	1	58
Черченко Н. В. Социальная сфера и активизация человеческого фактора	2	46

ПРАВА

Бибило В. Н. Повышение эффективности проверки законности и обоснованности приговоров, не вступивших в законную силу . . .	1	65
Веренчиков И. Р. Проблемы профилактической работы следователя . .	2	65
Германова И. Е. К вопросу о понятии и признаках продолжаемого преступления . . .	3	69
Данилевич А. А. Психологические функции судебных прений . . .	3	66
Дойнар Т. І. Статут 1588 года — крыніца права феодальной Беларусі XVI—XIX стагоддзяў . . .	1	70
Казей И. М. Гражданское процессуальное право Белоруссии в первые годы Советской власти . . .	2	62
Новик Ю. И. Социально-психологические аспекты функционирования нормативно-правовой системы в механизме правового регулирования . .	3	63
Петров А. П. Способы собирания вещественных доказательств в гражданском процессе . . .	2	67
Сатолин В. Н. О сфере регулирования законодательства о браке и семье	2	70
Тихиня В. Г. Проблемы формирования социалистического правового государства . . .	2	59
Трубкин В. Г. Административные нарушения в сфере жилищных прав граждан, жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства . . .	1	68

РЭЦЭНЗІІ

Дубинин И. И. Zdzisława Piątek. Aspekty antropocentryzmu . . .	2	75
Игнатенко А. П., Теплова В. А., Сосно В. А. Х. Ю. Бейлькин. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861—1914 гг. . .	3	73
Казаков Ю. Л., Медяник В. И., Плужников С. В. А. А. Розанов. Антикоммунизм на службе милитаризма; Он же. Проблема разоружения и борьба идей . . .	2	73
Кляўчэня А. С. Янка Лучына. Творы: Вершы, нарысы, пераклады, лісты	3	76

Ковкель И. И., Федоров И. О. Я. Н. Мараш, И. П. Крень. Дипломные работы по истории СССР и истории БССР	1	74
Корзун М. С. А. А. Круглов. Развитие атеизма в Белоруссии (1917—1987 гг.)	2	76
Кравченко Л. Г., Киселева С. А. Необходимость и случайность	3	74
Лисовый И. А. К. А. Ревяко. Пунические войны	2	74
Мartiнович И. И. Л. С. Симкин. Органы юстиции и суды: борьба с преступностью	1	75
Миницкий Н. И., Ревяко К. А. П. Ю. Саух. Категории научного атеизма	3	75
Слука О. Г. И. Л. Зеленкова. Проблема смысла жизни. Опыт историко-этического исследования	2	75
Тихиня В. Г. В. Н. Гапеев. Участники гражданского и арбитражного процесса	3	77
Шингель А. А., Мороз Л. Н. П. Ф. Кулинич. Рациональное использование мелиорированных земель: Вопросы правового обеспечения	1	75

НАШЫ ЮБИЛЯРЫ

Иван Станиславович Тишкевич	1	77
Павел Петрович Дронь	1	78

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Казакоў Ю. Л., Раманоўскі І. Ф. Масавы-палітычная работа партыйных арганізацый на прамысловых прадпрыемствах Беларусі ў 70—80-я гады: вопыт, праблемы	3
Шлопак А. Р. Партыйнае кіраўніцтва развіццём творчай актыўнасці рабочых прамысловасці Беларусі (1971—1980)	6
Матораў С. А. Дзейнасць партыйных арганізацый Беларусі па эканамічнай адукацыі рабочых прамысловых прадпрыемстваў (1976—1985)	9
Мандрык І. У., Сташкевіч М. С. Да пытання аб стварэнні арганізацыі РСДРП(б) на Віцебшчыне (люты — верасень 1917)	13
Саўчук Е. Ф. «Антываенны тыдзень» у Беларусі ў сувязі з 10-годдзем з пачатку першай сусветнай вайны	16
Чэпа Ж. Б. Рэформа 1861 года і зямельныя надзелы беларускіх сялян (па статутных граматах Магілёўскай губерні)	20

ФІЛАСОФІЯ

Смирнов Н. А. Дидро об исторической эволюции религии	24
Павлова А. Т., Левашевич А. А. Идеология современных неонацистов в Италии	26
Барковская А. В. Эволюция модели научной теории в буржуазной «философии науки»	29
Янчук Е. И., Балыкина Е. Н. Об опыте использования ЭВМ в организации учебного процесса в курсе марксистско-ленинской философии	33
Поликарпов В. А. Принцип диалога в эмпирическом социологическом исследовании	36
Михайлов А. А. Идея редукции в феноменологии Э. Гуссерля	39

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

Симановский С. И. Перестройка и пути совершенствования подготовки молодых рабочих в системе профтехобразования	45
Роўда У. В., Павлихіна Т. І. «Стрымліванне камунізму» у сучасных амерыканскіх знешнепалітычных канцэпцыях	47

ЭКАНОМІКА

Егоров А. В. Объективное и субъективное в хозяйственных отношениях	52
Клюня В. Л. Развитие хозрасчетных отношений в АПК	56
Базылев Н. И., Тростинская В. П. Социальные условия труда и стабильность трудовых коллективов	60

ПРАВА

Новик Ю. И. Социально-психологические аспекты функционирования нормативно-правовой системы в механизме правового регулирования	63
Данилевич А. А. Психологические функции судебных прений	66
Германова И. Е. К вопросу о понятии и признаках продолжаемого преступления	69

РЭЦЭНЗІІ

Игнатенко А. П., Теплова В. А., Сосно В. А. Х. Ю. Бейлькин. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861—1914 гг.	73
Кравченко Л. Г., Киселева С. А. Необходимость и случайность	74
Миницкий Н. И., Ревяко К. А. П. Ю. Саух. Категории научного атеизма	75
Кляўчэня А. С. Янка Лучына. Творы: Вершы, нарысы, пераклады, лісты	76
Тихиня В. Г. В. Н. Гапеев. Участники гражданского и арбитражного процесса	77